

ЖУРНАЛ - КАТАЛИЗАТОР УМСТВЕННОГО БРОЖЕНИЯ

№ 10

Век девятнадцатый, железный...

А.Блок

Двадцатый век... Ещё бездомней...

А.Блок

Двадцать первый век... - ?

Ну, и долго ещё будет получаться "как всегда"?!

МОСКВА ЗИМА 1999 / 2000

Наперекор № 10

Связь с редакцией по адресу:

117485 Москва, а/я 34.

E-mail: mpst@mail.ru

**Чтобы получить наш журнал, отправьте почтовый перевод по адресу:
125475 Москва, до востребования, Рябову П.В.**

В графе "для письменных сообщений" укажите, сколько и каких номеров журнала Вы хотите получить. Стоимость подписки: на 1 экземпляр - 30 руб., на 2 экземпляра - 55 руб... Цены даны с учётом почтовых расходов.

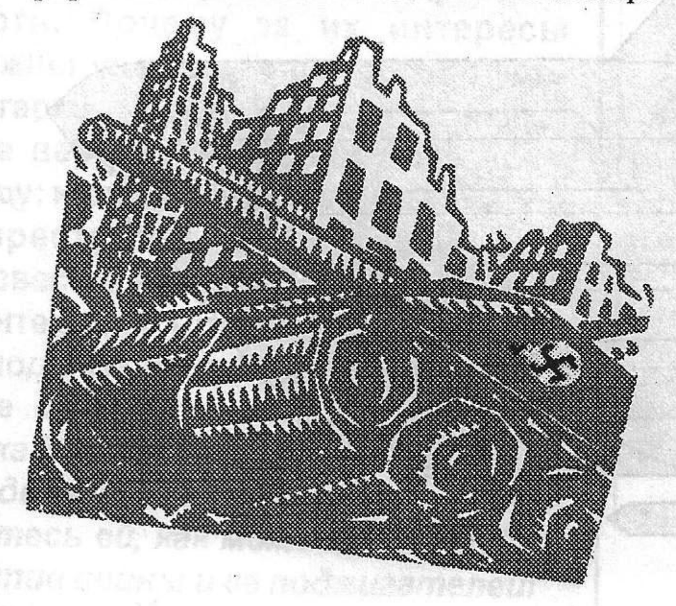
СОДЕРЖАНИЕ:

АНАТОМИЯ ВОЙНЫ

Итак, случилось то, чего ждали уже давно, – началась новая кавказская война. Чеченские фундаменталисты ввели свои подразделения в Дагестан, где они столкнулись с разложившейся армией дряхлеющей, впавшей в маразм российской империи. Сейчас, когда пишутся эти строки, вооруженные формирования Чечни в очередной раз выбиты из Дагестана и война уверенно движется в обратном направлении, т.е. в Чечню. Совершенно очевидно, что история еще только начинается. Вновь Кавказ стал ареной крупной политической игры. Помимо идеи установить на всей территории Дагестана свою гегемонию, чеченские исламисты преследовали и более реальную цель – прорубить через Дагестан коридор к каспийскому морю. Если бы это им удалось, государственная независимость Чечни обрела бы под собой некоторую почву, ведь до сих пор эта страна была окружена лишь враждебными ей режимами и не имела прямого выхода "вовне". С другой стороны, российское государство, очевидно, заинтересовано в обратном - в сохранении на Кавказе своей гегемонии и в максимальном ослаблении Чечни.

Не последнюю роль играет и "нефтяной вопрос". События происходят на фоне вступления в финальную стадию строительства нефтепровода Баку–Джейхан (Турция). Как отмечали многие наблюдатели, предыдущая чеченская война началась спустя несколько месяцев после подписания в Баку в сентябре 1994 года соглашений об эксплуатации каспийской нефти – "проекта века". Тогда как до того в Кремле на дудаевский режим смотрели сквозь пальцы без малого три года и торговали с ним нефтью и оружием. Так что битва за Каспий, за право влиять на решения, связанные с эксплуатацией грандиозных нефтяных месторождений, в самом разгаре. Например, известно, что у России существуют планы строительства новой линии нефтепровода в Дагестане – отсюда и интерес Чечни к этим территориям. Следующее столетие, несомненно, будет характеризоваться обострением борьбы за контроль над стремительно сокращающимися природными ресурсами. Поэтому очевидно, что каспийская нефть - это не только большие деньги, но и большая политика.

Беда в том, что жители территорий, на которых уютно расположился театр военных действий (как и все мы), превратились в заложников этого спектакля. Так что теперь им с одной стороны грозит исламский фундаментализм, представленный моджахедами Хаттаба и Басаева, а с другой стороны - российские "точечные удары", массовые депортации, "зачистки" и фильтрационные лагеря. Простым людям не приходится ждать ничего хорошего ни от тех, ни от других. Мы все фактически превратились в заложников сложной игры, которую ведут Россия, Чечня, Саудовская Аравия (финансирующая исламских фундаменталистов), дагестанские мафиозные кланы.

В Дагестане мафиозные семьи, охваченные страхом потерять все то, что оказалось в их руках после проведения здесь чубайсовской приватизации, спешно вооружает своих сторонников, под прикрытием идеи "народного ополчения". В этой горской республике почти вся собственность оказалась под контролем 200 семей – верхушки горских территориально-родовых общин – джамаатов и традиционных мусульманских суфийских орденов - таррикатов. Еще примерно 100 – 200 тысяч человек работают на принадлежащих этим семьям предприятиях, входят в их частные армии, обслуживают их политические и экономические интересы, т.е. образуют их *клиентеллу*. Именно эти люди составляют основу так называемого народного ополчения. Однако подавляющее большинство жителей двухмиллионного Дагестана, живет в состоянии нищеты, не получая никакой помощи от родовой верхушки. Налицо разложение традиционной общественной структуры. Поэтому дикий капитализм неизбежно пробуждает к жизни новых монстров – собственно дагестанских фундаменталистов. Эти группировки пытаются сплотить под флагами чистого "надклассового" и противостоящего горским традициям ислама прежде всего неимущие слои населения. На самом деле эти господа являются сторонниками мощного бюрократического государства, призванного ликвидировать традиционные привилегии родовой верхушки, "уравнять всех перед лицом Аллаха" и ввести самую широкую свободу торговли. Исламские фундаменталисты избрали объектом своего вторжения горное дагестанское село Карамахи, ведь жители этого села зарекомендовали себя как весьма удачливые бизнесмены, занимаясь извозом по всему Кавказу. "Борцам за веру" нужно интегрировать успешный коммерческий опыт, очистив его от ограничений традиционного общества. Ясно, какой режим призваны установить в Дагестане моджахеды и их патроны в Чечне и Саудовской Аравии в случае успешного исхода дела.

В Чечне налицо новый политический расклад в непрекращающемся конфликте между сторонником светского националистического режима – ориентированным на Турцию Масхадовым - и "баронатом" - полевыми камандирами, опирающимися на идеи исламского фундаментализма и финансовую помощь саудовцев. Однако влияние полевых командиров сегодня явно преобладает (прежде всего, за счет военного преимущества и финансовых вливаний извне). Под их давлением Масхадов вынужден был дать официальное согласие на введение в Чечне шариатского права и фактически солидаризировался с рейдами исламистов в Дагестан. Многие наблюдатели уже

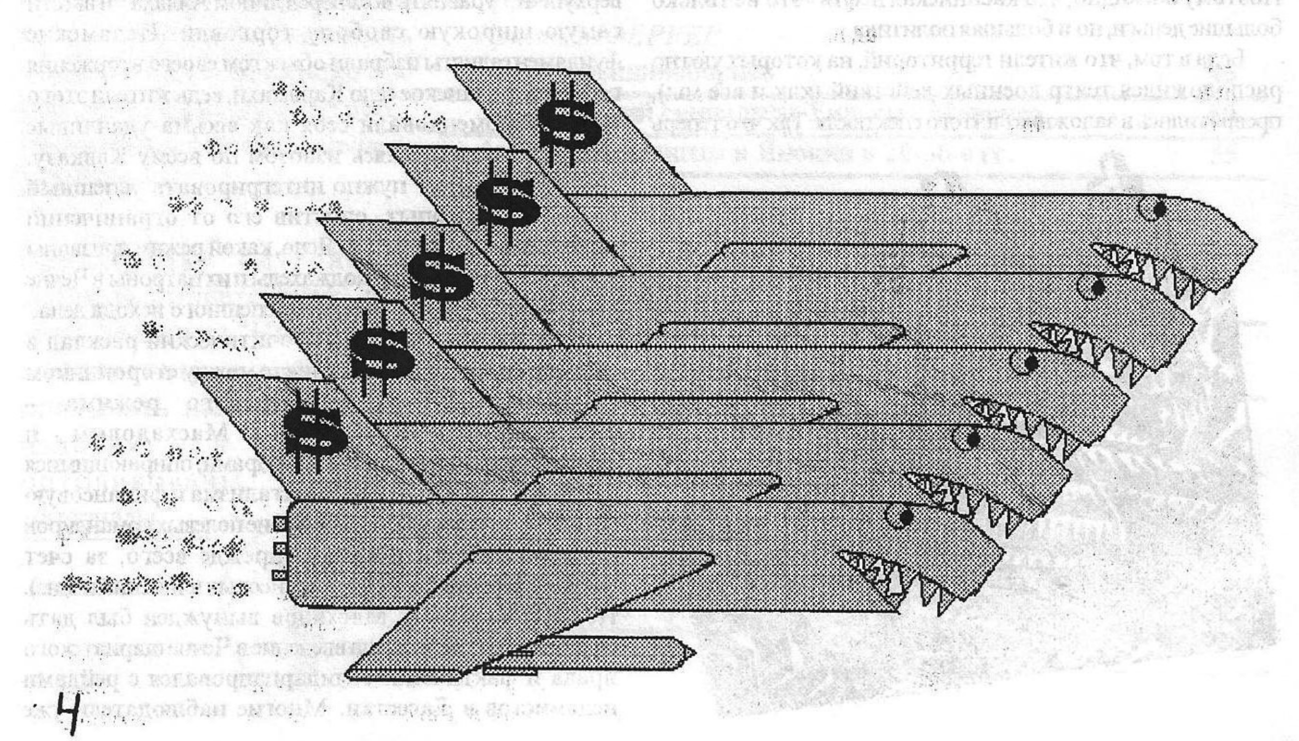
отмечали, что помимо экономических и внешнеполитических причин, рейды в Дагестан могли иметь и внутриполитический смысл для самой Чечни, что они призваны разрядить внутреннее напряжение и сплотить чеченцев против внешнего врага. В этом смысле атаки против Дагестана могли быть какое-то время выгодны всем группировкам. Кажется, этой цели боевики уже добились, во всяком случае - теперь, после начала нового российского вторжения в Чечню, бомбардировок и новых жертв среди мирного чеченского населения.

В России после мощных взрывов в ряде городов и на фоне непрекращающихся столкновений на Кавказе, антикавказская и античеченская истерика, кажется, достигла своей высшей точки. Происходят массовые депортации из Москвы "лиц кавказской национальности". Мы вполне допускаем, что эти взрывы были организованы Кремлем, российскими спецслужбами и премьером Путиным, ради того, чтобы оправдать в глазах народа необходимость очередной войны (хотя при этом совсем не исключено, что непосредственные исполнители терактов были наняты в Чечне). Благодаря усилиям правительства и СМИ, этнический конфликт привел к возникновению народного консенсуса по поводу отношения к выходцам с Кавказа. В этом отличие нынешней ситуации от событий периода предыдущей чеченской войны 95-96 годов, когда большая часть населения России высказывалось против геноцида мирного населения Чечни. Весь вопрос в том, к чему может привести интервенция в Чечню. Российская империя переживает беспрецедентный экономический и политический кризис, неразрывно связанный со стремлением российских регионов ко все большей политической и экономической независимости от центра. Кажется, ясно – маленькой победоносной войны не получится, а затяжная война может закончиться распадом российской империи (Татарстан уже сегодня заявляет о том, что не допустит больше призыва в армию на своей территории). Но что гораздо более существенно – война неизбежно приведет к новым чудовищным жертвам. Существуют ли силы, способные помешать новой империалистической бойне?

В статье, посвященной анализу войны в Югославии, французский либертарный социалист Анри Симон отмечает, что единственное, что могло бы предотвратить войну – это спонтанные стачки на европейских предприятиях, организованные общими собраниями работников, даже в том случае, если бы на начальном этапе в ходе этих стачек выдвигались чисто экономические требования. Почему? Из европейской истории мы знаем, что нет иного способа помешать империалистическим бойням, периодически организуемым правящими классами всех стран ради передела собственности и власти. Только реальность классового конфликта способна прорвать иллюзорную пелену истерического шовинизма, сотканную и искусно поддерживаемую СМИ. Только тогда, когда человек осознает, что его эксплуатируют и унижают, что у денег нет национальности, как нет ее и у работников, объединенных общей борьбой, только тогда появляется шанс на преодоление национализма. Вспомним, русская революция началась с хлебных бунтов в Питере. Эта позиция отделяет подлинные общественные противоречия от мнимых, навязанных нам олигархией и бюрократией. Не следует поддерживать ту или другую сторону в мафиозной разборке, нужно уничтожить мафию как систему. Мы не должны помогать российскому государству и олигархам решать их проблемы, не должны помогать им в борьбе за передел собственности и власти в России, в Чечне и Дагестане, потому что это их проблемы, а не наши, и у нас нет с ними общих интересов.

К сожалению, уровень развития общественного сознания в России и в Чечне оставляет желать лучшего, поэтому надежда на широкие общественные протесты и самоуправляющееся антивоенное, антикапиталистическое и антигосударственное движение не велики. Увы, одному Аллаху известно, какие еще жертвы должны будут понести трудящиеся России и Чечни, чтобы осознать некоторые весьма несложные истины.

РЕДСОВЕТ.

АНТИВОЕННЫЕ ЛИСТОВКИ МОСКОВСКИХ АНАРХИСТОВ

Кому нужна Война?

А ЗАЧЕМ НАМ ПРЕЗИДЕНТ?

антивыборная инициатива «ДИКОБРАЗ»: rk@glasnet.ru

ДОЛОЙ ВОЙНУ!

Хватит делать из нас <u>идиотов!</u>

Ельцины, Масхадовы, Путины, Басаевы... - *все они <u>одна банда.</u>*

Это они организовали террор в Москве, Волгодонске, Дагестане, Чечне. Это их разборка. Это их война. Она нужна им для укрепления их власти. Она нужна им в драке за нефть. Почему за их интересы должны умирать наши дети? Пусть олигархи убивают друг друга сами!

Не верьте националистическому бреду: нельзя обвинять целый народ в преступлениях, которые еще неизвестно кто совершил, но которые в интересах только властителей и господ всех наций.

Не идите на эту войну и не пускайте туда своих сыновей! Не поддерживайте войну! Сопротивляйтесь ей, как можете! Бастуйте против войны и ее поджигателей!

mpst@hotmail.com

ВОЙНА

нужна

только

ПОЛИТИКАМ

антимилитаристская анархистская группа: rk@glasnet.ru

Михаил МАГИД

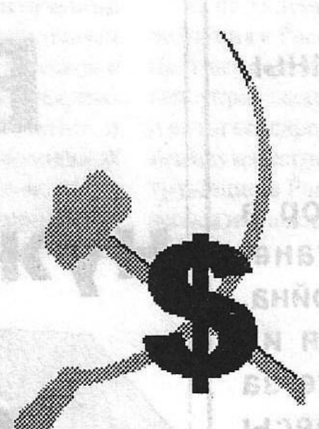
ВНЕ СИСТЕМЫ

Время от времени то там, то здесь происходят стихийные выступления работников, требующих выплаты зарплат, в самых разных сферах. Здесь и бюджетники: шахтеры, врачи, учителя. Здесь и работники машиностроения, и строители. Но все эти выступления разрозненны и, как правило, кратковременны (исключение составляют, пожалуй, только работники Ясногорского машиностроительного завода (ЯМЗ), где стачка продолжалась более полугода).

Обычно, на эти выступления решаются те, кто уже доведен до отчаяния. Не один, а много, много раз нужно было унизить и ограбить работников, что бы они решились хоть на что-нибудь. Но даже это "что-нибудь" выглядит робко и нерешительно на фоне беспредельной наглости власть имущих - политиков, банкиров, руководителей заводов. Почему так редко и так вяло действуют рабочие? – вот что является, вероятно, основным вопросом современности. Но нам бы хотелось поговорить на другую, вроде бы несвязанную с этим вопросом тему, а именно - нужно ли вообще обижаться на правительство, губернатора, директора завода? Нужно ли, как это, например, сделали на первое мая работники ЯМЗ, демонстрировать правительству, губернатору или директору завода свое негодование? Рабочие Ясногорска написали на своих лозунгах, что губернатор Стародубцев их предал. Но почему они решили, что он что-либо должен для них делать? Только потому, что он им что-то обещал?

Когда-то партия коммунистов обещала построить рай на земле. Государство, руководимое партией, якобы вело народ к светлому будущему. Партийно-чиновные господа питались в свое удовольствие из спецкормушек, рабочих заставляли вкалывать ("быдлячить", – вот как определяет этот процесс бывшее и нынешнее партийно-коммунистическое начальство) и платили им копейки (для недовольных предлагались психушки и концлагеря). Но обещанный рай так никогда и не наступил. Потом, когда люди перестали верить лживым ленинистским обещаниям, и начали открыто возмущаться свои положением (вспомним первые шахтерские стачки в 1989 -90 гг. с более чем полумиллионом участников) наиболее предприимчивая часть чиновников сбросила красную маску и переквалифицировалась в демократов. Они обещали народу материальное процветание и свободу. И их в какой-то момент поддержали многие трудящиеся (может быть, даже большинство). Но демократия на поверку оказалась ухудшенным вариантом "социализма": деньги перестали платить совсем, а власть по-прежнему оставалась в руках тех же самых чиновников (или же, их бывших товарищей по коммунистической партии). При этом основная масса населения по-прежнему остается бесправной, т.е. ничего не решает. Другие партчиновники и администраторы, менее преуспевшие в эпоху свободного рынка, сделались оппозицией и приглашают нас теперь обратно, в старые добрые времена реального "социализма". Из таких – тульский губернатор Стародубцев. В какой-то момент часть трудящихся опять поверила тем, кто до сих пор ходит под красной маской. И проголосовала за них на выборах. Каков же результат? Не трудно догадаться, даже если и не знать наверняка, - по сути ничего не изменилось, только опять стало хуже. По некоторым данным, за время правления Стародубцева из бюджета области украдены десятки миллионов рублей, предназначенных для социальных нужд. Теперь многие стали называть пресловутый "красный пояс" – "удавкой на шее рабочих". Кого теперь позовут рабочие, чтобы он или они "сделали как лучше"? Опять демократов? Московского мера Лужкова? Генерала Лебедя? А может, стоит на этот раз попробовать остренькое блюдо, например фашистов из РНЕ? Сама идея о том, что кто-то другой, а не сами работники - все вместе - могут "представлять" и "защищать" свои интересы, порочна и несбыточна. Что же еще должны сделать с народом политики, чтобы это доказать?

В рамках существующих в современном обществе правил и системы организации управления выхода нет. Но, возможно, он есть вне этой системы. Победить можно только в том случае, если мы не будем соучаствовать в чужой борьбе за чуждые нам интересы и установим свои правила. Мы убеждены в том, что главная решающая роль в процессе принятия решений по всем важнейшим вопросам производства, управления и вообще общественной жизни должна принадлежать общим собраниям работников. Вот он – единственный суверенный орган власти. Конечно, трудно, а подчас и невозможно решать все вопросы на общезаводском собрании, где присутствуют сотни или даже тысячи людей. Но существует и зачастую используется рабочими (например, в ходе стачек, а так же, на некоторых кооперативных предприятиях) опыт проведения цеховых и бригадных общих собраний, наряду с общезаводскими. При этом все эти самоуправляющиеся подразделения договариваются между собой о разделе полномочий, о рапределении функций управления, а советы делегатов берут на себя координацию управления. Делегаты таких советов могут действовать только на основе наказов и в жестких рамках решений принятых общими собраниями. Они не управленцы, не чиновники, не представители интересов, они "проводники" воли общего собрания и они в любой момент могут быть поправлены или смещены по решению общего собрания, от лица которого они действуют. Как производство, так и городские службы могут быть со временем перестроены на началах самоуправления. Общие собрания работников предприятий, коммунальных служб, врачей, учителей, жителей городских кварталов и их советы делегатов -

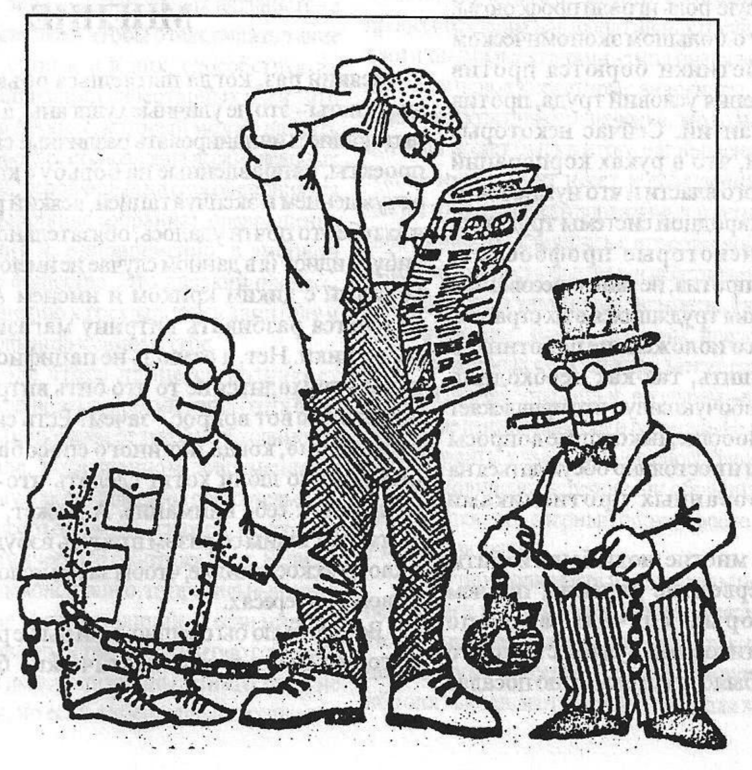
вот тот способ организации жизни и прямой власти трудящихся, который со временем позволит нам взять свою судьбу в собственные руки и стать полноправными хозяевами и на своем предприятии и в городе. Принятие решений по всем основным вопросам на общих собраниях - это единственный залог того, что никакие начальники, никакие чиновники, никакие профессионалы от политики, никакие "представители интересов трудящихся" не смогут никого предать. Не смогут потому, что при этой системе их просто не будет. Именно это, а не ленинско-сталинско-брежневская диктатура партчиновников, с ее потовыжималками для рабочих и спецкормушками для правителей, и есть настоящий социализм.

Нам пытаются возразить, что у рабочего класса нет достаточной подготовки и образования, что рабочие не могут ни разобраться самостоятельно в проблемах управления производством (и потому ими должны командовать администраторы и менеджеры), ни понять, как устроить общественную жизнь (для этого ими должны руководить "политические авангарды", "наиболее сознательные элементы", т.е. партии и лидеры). Да, может быть, сегодня рабочие еще не все знают и умеют, но они вполне в состоянии научиться и они учатся. Рабочий класс – это сообщество взрослых людей, делающих сложнейшие вещи (обеспечивающие, кстати сказать, существование и политиков, и капиталистов), а не младшая группа детского сада! (Важно отметить здесь, что рабочий класс включает в себя всех неруководящих работников от разнорабочих до инженеров). Рабочие и цеховые инженеры, врачи и учителя, шахтеры и транспортники, строители и сельские работники - не они ли сами создают все те блага, без которых жизнь современного общества была бы немыслима и невозможна? Так зачем же, производя все это, – доверять вопросы распоряжение общественными благами и управление обществом капиталистам и профессиональным чиновникам? Конечно, для того, чтобы принимать самостоятельные решения, осуществлять управление, координацию и т.д. нужно учится. Но если работники в состоянии научится сложнейшим вещам, связанным с их сегодняшним трудом, то почему же они не могут научиться коллективно управлять своим цехом, заводом, городом? Этому можно учиться в процессе коллективной борьбы, которая ведется на началах самоуправления. Кроме того, почему бы, например, не попробовать создать курсы по изучению того, как функционирует предприятие или городские службы?

Нам могут задать встречный вопрос - а зачем изобретать что-то новое, когда есть существующие властно-правовые механизмы? Но разве нас устраивает работа этих механизмов? Разве достаточно заменить плохих начальников хорошими, чтобы всем стало лучше жить? Если бы это было так, мы уже давно жили бы при коммунизме!

Рабочие ЯМЗ и ряда других предприятий потратили немало сил, чтобы, действуя в рамках существующих структур управления и государственных законов, доказать свою правоту. Но можно ли поздравить их с успехом? Нет, ситуация как раз обратная, всякий раз, когда рабочие надеются на закон, оказывается, что он не на их стороне. Единственное, чего сумели добиться рабочие Ясногорска, – это легализация рабочего контроля, но еще до получения этого разрешения, они сами явочным порядком, не дожидаясь решения суда, осуществляли рабочий контроль на протяжении нескольких месяцев! Несомненно, они бы добились куда больших успехов, если бы, не дожидаясь решений бесконечных судов, силой отстранили и удалили бы с территории предприятия нынешнюю администрацию, сами запустили бы производство и ввели собственное управление, а заодно попытались бы поднять местных коммунальщиков, врачей, учителей и т.д.

Законы в существующем обществе пишут власть имущие и пишут они их для себя. А суд – это такая же властная структура, как и все прочие, судейские чиновники не зависят ни от кого, кроме тех, кто дает им взятки! На что же надеется рабочим в такой ситуации? Выход один – действовать явочным порядком, игнорируя законы в тех случаях, когда "законные" действия бессильны. Нет нужды негодовать по поводу недостатков существующей власти или администрации завода. ***Они просто не могут быть другими.*** Никто же не требует от клопов, чтоб они не кусали. Их просто давят! К властям следует относиться с подчеркнутым безразличием и готовить почву для силового отстранения их от рычагов управления, параллельно развивая структуры общественного самоуправления – общие собрания, стачкомы, рабочие союзы - с тем, чтобы в нужный момент эти структуры оказались готовы взять ситуацию под свой контроль.

Лора АКАЙ

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ МАШИНЫ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВЛИ

В начале декабря Всемирная Торговая Организация (ВТО) провела очередную конференцию в городе Сиэтл, что вызвало массовые протесты. В конце концов, конференция была почти сорвана после того, как общественные активисты организовали протесты и беспорядки, причем в масштабах, невиданных с 60-х годов. Анархисты даже назвали эти акции «Сталинградом корпораций».

Свыше 100.000 человек участвовали в протестах в течение одной недели. Особенностью этих акций стало то обстоятельство, что они были организованы множеством групп - профсоюзами, различными социальными движениями и их коалициями: от правых протекционистов – «защитников национальной промышленности», до тех, кто последовательно выступает в защиту трудовых, социальных и гражданских прав человека. Но именно анархисты произвели самое сильное впечатлениев СМИ. Анархисты приехали в большом количестве. Они готовились к акции много месяцев - и в результате несколько тысяч людей присоединились к «черным блокам». Они били витрины супермаркетов, принадлежащих корпорациям, заблокировали дороги, чтобы делегаты не могли попасть на съезд, они сообщили миру свое мнение о том, что крупные корпорации зашли слишком далеко и что не стоит больше это терпеть. Интересно, что к таким сообщениям довольно нормально, даже с некоторой симпатией отнеслись многие обычные люди, далекие от всякой политики. Впрочем, это неудивительно, ведь большинство американцев выступает за создание системы международных трудовых и экологических соглашений и гарантий. Хотя, конечно, вряд ли обыкновенные люди настроены столь же радикально, как, например, группа под названием «Союз камнеметателей города Юджина № 666».

Кроме анархистов большую роль играли профсоюзы. Хотя газеты в США пишут о большом экономическом росте, американские работники борются против увольнений, против ухудшения условий труда, против отсутствия трудовых гарантий. Сейчас некоторые профсоюзы говорят о том, что в руках корпораций сосредоточено слишком много власти и что нужно вести борьбу за создание международной системы трудовых гарантий. Между тем некоторые профбоссы в развивающихся странах, напротив, не заинтересованы в резком улучшении положения трудящихся в их странах. Напротив, они говорят, что положение работников можно лишь слегка улучшить, так как необходимо сохранить низкие цены на рабочую силу – это привлекает иностранные ивестиции. Вообще, некоторые вопросы глобализации очень сложны и постоянно обсуждаться на конференциях, организованных противниками глобализации.

В ходе акций протеста многие люди были избиты полицией и получили серьезные ранения, причем полицейские в некоторых случаях вели по демонстрантам огонь пластиковыми пулями с близкого расстояния. Много людей было арестовано, но посадят ли их, это пока непонятно, – слишком велика была негативная реакция в обществе на беспредел ментов.

С другой стороны, действия анархистов нанесли большой ущерб крупному бизнесу (на многие миллионы долларов). Анархисты разбивали витрины дорогих магазинов, а потом сотни обычных людей разбирали их содержимое. Для бедных это был настоящий праздник, а для мирных демонстрантов – кошмар. Полицейские обвиняли анархистов в провокации и организации беспорядков, надеясь свалить на них ответственность за беспредел, но это у них не вышло.

Кроме Сиэтла, беспорядки прошли во многих городах мира - в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине. Существуют разные позиции по вопросам глобализации, но, тем не менее, все больше людей в мире участвует в различных проектах, связанных с сопротивлением глобализации.

МНЕНИЕ

Всякий раз, когда пытаешься объяснить людям, что анархисты – это не уличные хулиганы, а нормальные люди, пытающиеся инициировать различные самоуправляющиеся проекты, направленные на борьбу с капиталистическим отчуждением и эксплуатацией, всякий раз, когда кажется, что тебе это почти удалось, обязательно появляется какой-нибудь идиот (я в данном случае не имею в виду Лору Акай), который с диким криком и именем Анархии на устах бросается разбивать витрину магазина или взрывать памятники. Нет, я отнюдь не пацифист. Бывает так, что людям приходится не то что бить витрины, брать в руки оружие. Но вот вопрос – зачем? Есть ситуации, когда это необходимо, когда нет иного способа защитить себя. А бывает, что люди хотят сделать что-то, просто чтобы привлечь к себе внимание. А может, и того хуже - они пытаются таким образом втянуть взбудораженные толпы в хаотическоенасилие, чтобы затем использовать ситуацию в своих интересах.

Все это было бы смешно, если бы не реальная опасность, которую несут в себе хаотические бунты. Настоящее

Вадим ДАМЬЕ

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ

Студенческое движение на Западе стало уже своего рода мифом для молодежи в нашей стране. Однако, при более внимательном взгляде выясняется, что люди знают в лучшем случае о событиях 1968 года, то есть тридцатилетней давности. События были, бесспорно, яркими и значительными; но действительность и проблемы сейчас уже совсем не те, что были 30 лет назад. Между тем, о реалиях сегодняшнего дня и сегодняшней борьбе студенчества на Западе у нас известно крайне мало. А жаль, потому что в ходе этой борьбы был накоплен определенный опыт, который может нам очень пригодиться. Прежде всего, речь пойдет о Франции - стране, где в нынешнем десятилетии происходят, пожалуй, наиболее мощные социальные выступления. Если мы будем сравнивать проблемы, с которыми сталкиваются студенты во Франции и у нас, то сможем обнаружить как различия, так и некоторое глубинное сходство. Внешне ситуация будет существенно различаться. Прежде всего, почти все вузы во Франции (как и вообще в Западной Европе) государственные, частных почти нет. Обучение практически всюду бесплатное, правда, во Франции, например, при поступлении надо вносить некую сумму денег. Зато и стипендии в нашем понимании не существует, а потому очень многим студентам приходится работать, и это считается нормальным. Но глубинные проблемы те же, что у нас, и связаны они с неолиберализмом, то есть со стремлением власть имущих сделать все сферы, в том числе сферу образования, более прибыльной, подчинить их законам экономической, коммерческой эффективности. Сюда относится, например, внедрение режима жесткой экономии, сокращение расходов на образование, уменьшение числа полноценных учебных и преподавательских мест, а также внедрение более жесткой системы конкуренции в сфере высшего образования. И - главное - если раньше выпускник вуза мог быть в большинстве случаев уверен, что сможет найти образование со своим дипломом, то теперь очень часто его ждет безработица. Большинство этих проблем известны и у нас. Различие в том, что западные студенты пытаются активно сопротивляться этим веяниям и ведут себя гораздо более солидарно и менее индивидуалистично, чем у нас.

Все правительства Франции - как возглавляемые социалистами, так и правыми партиями - с 80-х гг. пытались осуществить неолиберальные реформы в сфере образования. И всякий раз мощные выступления студентов отбрасывали их почти на исходные позиции. Один из таких проектов - "отчет Лорана" - рекомендовал властям повышение в 3 раза суммы, вносимой при поступлении в высшее учебное заведение, сокращение помощи, предоставляемой студентам на оплату жилья, допуск в вузы частных фирм. Если у нас сегодня многие студенты считают нормальным, что в системе образования и в обществе в целом действуют коммерческие законы, то французских студентов возмутило, что система все больше ориентируется на нужды экономики, а не на ценность человеческой личности, не на ее способности и их развитие. Они были и против доступа частных фирм в университеты, против

Мнение (окончание).

социальное движение – это, прежде всего, постоянно действующая инфраструктура - самоуправляющиеся профсоюзные инициативы, независимые общественные центры, экологические или кооперативные инициативы жителей микрорайонов. Задача либертарных активистов *в том только и может состоять*, чтобы отслеживать такие инициативы, работать с ними и в них, способствуя их радикализации и кристаллизации либертарных идей. Это сложный неоднозначный процесс, который можно назвать критическим диалогом, процесс становления ассамблеарных инициатив (т.е. инициатив, основанных на способе принятия решений через суверенные общие собрания), превращение их в ядро сопротивления и, одновременно, в эмбрион будущего либертарного общества. Это двоякий процесс: деструктивный по отношению к государству и капиталу и конструктивный по отношению к самому себе.

Конечно, если в ходе этого процесса возникнет необходимость насильственного сопротивления (хотя бы и вооруженного), анархисты не должны от такой необходимости уклоняться. В материале, посвященном современному французскому студенчеству, как раз показаны обстоятельства, при которых возникает необходимость, скажем, массового перекрытия дорог, экономического саботажа и т.д. Если же полиция атакует мирную демонстрацию, то правильный ответ - это адекватное насилие против полиции, и если мирные демонстранты неподготовлены к такому развитию событий, то они будут разбиты и деморализованы. Никто здесь не призывает к «гандизму», но если либертарные активисты стремятся к гармоничным отношениям между людьми, они не должны стремиться без необходимости повышать уровень насилия в существующем обществе. Кроме того, абсолютно неправильно думать, что можно подменить сложный, чрезвычайно трудоемкий процесс создания альтернативных государству и капиталу структур хаотичными действиями - типа битья витрин. Что бы ни говорили по этому поводу некоторые анархисты, хаотический бунт не имеет никакого позитивного значения, это голый выброс эмоций, агрессия, которая может быть в итоге направлена кем угодно и куда угодно. Хаотический бунт несет в себе зерна будущих тоталитарных диктатур: во главе взбудораженных толп неизбежно появляются вожди (ибо личность, слившись с агрессивной толпой, утрачивает себя, теряет способность мыслить и действовать самостоятельно). Сегодня только контр-культурные элементы, так называемые «анархисты образа жизни» - панки, рейверы, представители иных подобных малоуважаемых субкультур - могут совершать такие действия, в лучшем случае безвредные, в худшем – прямо провокационные, т.е. выгодные именно властям и полиции. Не знаю, как отнеслись мирные демонстранты к выходкам «черного блока» в ходе событий в Сиэтле, но ведь полицейские репрессии обрушились в итоге именно на них. Получается, что «черный блок» просто подставил всех остальных участников акции!

Конечно, копирайта на анархизм не существует. Любой панк, наркоман и т.д. может себя назвать анархистом, просто ради забавы. Но все же, чесное слово, лучше бы таких было поменьше! Своими действиями эти господа дискредитируют либертарное движение – ибо они выставляют анархистов в роли хаотов и провокаторов.

М.Магид.

того, чтобы допускать их к финансированию, опасаясь, что тот, кто платит, будет и заказывать музыку. "Этот проект символизирует для студентов то, что ждет их в будущем, то есть, что с ними от начала до конца будут обращаться как с товаром или со скотом", - объяснили, например, студенты из По. Другим важным моментом были широко распространенные среди студентов чувства солидарности. Социалистическое правительство Франции успело принять "циркуляр Маршана", который давал местным префектам большие полномочия в деле высылки иностранных студентов. Против этого сразу же начались студенческие протесты; требования отмены этого решения с тех пор регулярно включались в списки студенческих требований. В 1994 г. правое правительство попыталось ввести новую систему, позволявшую предпринимателям платить молодым людям до 25 лет меньше установленного зарплатного минимума в обмен на создание новых рабочих мест. Это означало также, что работающие учащиеся будут оплачиваться по пониженным тарифам. Вспыхнувшее против этого закона движение протеста было стремительным и победоносным; мера была отменена. По словам самих студентов, это вдохнуло в них новый дух; страх прошел; люди научились не доверять власть имущим и защищать свои права и свое достоинство. В движении 1994 г. проявилась ***новая радикальность***: непосредственная активность студенческих масс снизу, разительно отличавшаяся от унылых манифестаций официальных бюрократических профсоюзов. Мы расскажем о движении зимы-весны 1995 г. (движении, направленном против упомянутого выше "отчета Лорана") на примере небольшого французского города По, где насчитывается 14 тысяч студентов. Движение во втузе По шло уже несколько дней, когда 7 февраля 1995 г. межпрофсоюзный комитет, созданный профсоюзами преподавателей, технического персонала университета и студентов, призвал провести однодневную стачку против предложенных властями реформ образования. Административный совет университета и "студенческие депутаты" (выборные лица, представляющие учащихся в университетских органах) выступили против акции. Однако она состоялась. 4000 человек приняли участие в демонстрации протеста, а около 800 человек собрались на общее собрание ("генеральную ассамблею"). На этой же первой ассамблее "Координация либертарных студентов" (КЛЕ) - секция анархо-синдикалистской СНТ - предложила, чтобы все организации, участвующие в движении, "сняли" свои названия и движение действовало в форме "суверенной генеральной ассамблеи", которую уже в течение ряда лет используют французские рабочие, а теперь также безработные и т.д. Предложение было принято; возникло "твердое ядро" из людей, которые не желали передоверить свою судьбу каким-либо бюрократическим профсоюзным структурам. КЛЕ не руководила движением, не изображала из себя некий организационный центр. Ее члены действовали только через генеральную ассамблею, отстаивая самоорганизацию и самоуправление в борьбе. Вот как описывала это местная газета: "На генеральной ассамблее каждое утро принимается решение о продолжении движения и проведении акций. Ориентиры, предлагаемые движению, по существу, вдохновляются студентами, которые являются активистами Национальной Конфедерации Труда - CNT (анархистов)". Деятели официальных профсоюзов были отстранены от дел. Активисты СНТ и ее молодежных групп (КЛЕ, Либертарной молодежи) работали в студенческом движении в разных городах - Тулузе, Бордо, Марселе и т. д. - пытаясь осуществить свои идеи - ежедневная ГА, делегаты с правом отзыва, отказ от посредников, от бюрократии, прямое действие, федерализм. Именно такая форма организации придала движению в По особые размах и активность. Активными были не десяток функционеров, а сотни обычных студентов. На всем протяжении забастовки в университете они постоянно участвовали в акциях, делали плакаты и панно, копировали материалы, раздавали листовки... Жизнь била ключом. Это в немалой степени способствовало успеху демонстрации 17 февраля, в которой участвовали 10 тысяч человек - абсолютный рекорд для По!

Рассмотрим некоторые из проблем, с которыми столкнулись студенты. Это может пригодиться и в наших условиях. В первые дня многие преподаватели симпатизировали движению и даже помогали ему, но по мере его радикализации они стали призывать к его прекращению. Для студентов это было сюрпризом. Посылая делегацию к президенту университета, они рассчитывали на поддержку его и преподавателей, полагая, что они сталкиваются с теми же самыми проблемами. Однако администрация поддержать студентов отказалась. В попытке перехватить инициативу административный совет организовал через неделю после начала движения "день дискуссий" с целью убедить студентов возобновить занятия; соответствующее указание было дано преподавателям. И вот в По, несмотря на забастовку, некоторые преподаватели продолжали читать лекции, даже если на них ходили по 3 человека. Это угрожало бы всем остальным, когда настала бы пора экзаменов. Было решено организовать стачечные пикеты против штрейкбрехеров. Тогда администрация и правые преподаватели потребовали, чтобы их не бастующие студенты тоже пришли на генассамблею, чтобы отвергнуть идею пикетов. На очередное общее собрание явились 6 тысяч человек: за пикет высказались 2 тысячи, 3,5 тысяч против, остальные воздержались. Пикет был отвергнут. Но вслед за этим состоялось голосование о продолжении стачки - и 4 тысячи высказались за это. На последней ГА перед каникулами студенты начали обсуждать возможность прибегнуть к новым мерам давления на власти. Принимая решение, они исходили из следующего соображения. Университеты не являются жизненно важным экономическим центром, поэтому непосредственный ущерб от их забастовки не столь велик. Вернувшись с каникул, они одобрили на ГА тактику "кулачных ударов". Один из участников позднее объяснял: "Необходимо, чтобы движение двигалось. Когда ничего не происходит, дело идет на спад. Движение должно всегда быть динамичным". Объектами ударов были определены вокзал, автомагистраль, административный трибунал, центр сортировки почты, аэропорт, торгово-промышленная палата, снова вокзал. В акциях участвовали от 500 до 2000 человек. Участник вспоминал: "Каждый раз нас спрашивали: чего вы от нас хотите? И мы отвечали: мы ничего не хотим от вас, мы ничего против вас не имеем, мы здесь, чтобы блокировать экономический центр". Как конкретно проходили такие акции? Чтобы опередить полицию, такие акции предлагались кем-нибудь перед самым концом ГА, и если большинство одобряло их, то их сразу же и проводили. Все, кто мог, добирались до объекта на машине, остальные шли пешком. Всегда удавалось добраться до объекта намеченного захвата раньше жандармов. В первый раз 2000 пришло на вокзал; железнодорожники оказали студентам помощь, предоставив им мегафон. Поезда были блокированы. Следующим объектом была платная автомагистраль: здесь смысл акции состоял в том, чтобы пропускать людей бесплатно! На ГА было решено избегать столкновений с жандармами. Когда они приезжали, делалось следующее. Место очищалось очень медленно, а в это время 200-300

студентов шли в город и всячески тормозили движение - это называлось "улиточными акциями". Студенты приняли некоторые меры, чтобы уменьшить опасность репрессий. Так, было запрещено журналистам снимать ораторов во время ГА. Был риск, что преподаватели отомстят активистам на экзаменах. Студенты исторического факультета потребовали введения системы, обеспечивающей анонимность экзаменационных работ, чтобы распечатка их происходила в присутствии студентов. Это требование было принято и включено в экзаменационные правила. Важно было, чтобы движение не ограничивалось местными рамками, а распространилось на большинство вузов Франции. Однако соответствующие попытки студентов из По не очень удались. Свою роль здесь сыграла пресса, вылившая на движение потоки лжи. Другим фактором стала деятельность официальных профсоюзов студентов. Не имея возможности захватить движение, студенческие профбоссы блокировали распространение информации, прежде всего в Кан и Париж. Один из анархо-синдикалистских активистов поясняет: "Было очень трудно контактировать с другими вузами. Движение, действующее в форме ГА, не заменяет постоянных профсоюзных структур. (Это, между прочим, одна из причин, почему необходимы анархо-синдикалистские профсоюзы - прим.). Организовать стачку в По - это прекрасно, но как контактировать с другими вузами? По какому адресу? В конце концов забастовочное движение было прервано, но люди продолжали акции "кулачных ударов" и ГА, каждый вечер после лекций". Важным итогом движения весны 1995 г. стало развитие чувства солидарности. Студенты поддерживали "новых бедняков", число которых растет во Франции в результате неолиберальных реформ. Эти солидарные требования снова были выдвинуты французским студенчеством через несколько месяцев, когда Францию потрясла мощнейшая волна социального движения с 1968 г. Некоторое время говорили даже о новой революции рабочих и студентов. Первыми, как и 1968, выступили студенты. В октябре 1995 г. в Руане они объявили бессрочную стачку, тысячи учащихся вышли на улицы, блокировали дороги и ректорат, требуя предоставления дополнительных помещений, создания новых мест для преподавателей и учебных мест и дотаций университетам в размере 12 миллионов франков. Протесты быстро распространились на другие университеты страны. Студенты и школьники собирались на генеральные ассамблеи, выдвигали требования выделения средств на образование, улучшения социального положения учащихся, прекращения дискриминации иностранных студентов и т.д. В итоге власти должны были уступить и выделить на нужды университетов 2 миллиарда франков! В целом можно сказать, что движение студентов 1995 г. отразило как силу, так и слабость современных социальных движений во Франции. Можно говорить о том, что настроения и требования французских студентов уже выходят за рамки чисто корпоративных, но все-таки солидарность делает только самые первые шаги. Хотя официальные профсоюзы все еще удерживают под своим влиянием большую часть студентов, среди последних растет стремление к самоорганизованным действиям. Характерно, что всякий раз в ходе движений возникают генеральные ассамблеи (общие собрания), которые пытаются стать суверенными органами борьбы. И опыт показывает, что именно там, где борьба ведется таким образом, удается добиться наибольших результатов. Вот это - главный урок, который может быть важен и для наших студентов.

(По материалам французских либертарных газет).

Система

Мысль о том, что выборы - это не только "момент истины", когда народ говорит своё мозолисто-костное веское слово, но и время денежного половодья, беспокоила меня давно. Хотелось как-то поучаствовать в перераспределении дензнаков из карманов политиков во всякие иные карманы. Идеей-фикс это устремление стало в конце августа. Тогда в городе проходил некий "неофициальный, неформальный" фестиваль одного демократического молодёжного движения, и люди, которые на нём работали (раздавали рекламки, носили плакаты и занимались просто ничегонеделанием), получали по 200 р. в день. И движение, и сам фестиваль придумал некий действующий политик, молодой и энергичный; его участие в этом деле особенно не афишировалось, т. к. он не хотел до поры раскрывать карты.

По-моему, 200 рублей в день - хорошие бабки. Мне не удалось самому там поучаствовать, т. к. я слишком поздно приехал в Москву, но утешало меня убеждение, что чем ближе к выборам, тем больше будет подобных акций и тем выше, видимо, зарплата участников. Своих знакомых, связанных с этими делами, я постоянно доставал вопросами типа: "Ну, как, а...? Ещё ничего не слышно?..", "Ну что там известно?..", "Ну когда же?..", и т.д., и т.п.

Вскоре возможность подзаработать представилась. После памятных всем взрывов домов в Москве тот же предприимчивый политик решил организовать студенческие отряды, которые ходили бы по домам и смотрели, целы ли в подъездах кодовые замки, закрыты ли подвалы. Было набрано два или три отряда по десять человек. Мне удалось попасть в один из них. Платили по 150 рублей за день. После первого дня я уверовал, что политики имеют кучу бабок, которые им некуда девать. Что дураки-то как раз не политики, понял я несколько позже.

Особенно запомнился второй день. Нам объявили, что приедут ребята из новостей и нас будут снимать. На всех надели майки с символикой того самого движения, которое устраивало "неформальный фестиваль", дали выучить роли. Потом подъехали телевизионщики. Вечером вся страна узнала, что есть такие московские студенты, которые бескорыстно решили помочь родному городу..., чувствуют ответственность..., ну и всё такое... За съёмку начальство доплатило ещё по 10 $.

Кстати услышал новость: "неформальное" движение, которое устраивало фестивали, проводило рейды, вскоре стало официально поддерживать того самого молодого политика. У движения появилась своя газета, в первый номер которой была помещена статья про бескорыстных московских студентов, которые хотят, чтобы город спал спокойно, и патрулируют улицы: "...Есть ещё что-то, что не продаётся за деньги - человеческая и гражданская совесть, ответственность. И обнадёживает тот факт, что у нашей молодёжи всё это есть".

Николай Кириллов.

Павел СЕНТЯБРЬСКИЙ.

ШИЛО И МЫЛО

"Кто ездил в трамвае до 25 октября? Деклассированные интеллигенты, попы и дворяне. За сколько ездили? Они ездили за пять копеек станцию. В чем ездили? В желтом трамвае. Кто будет ездить теперь? Мы будем ездить со всеми советскими удобствами. В красном трамвае. За сколько? Всего за десять копеек..."
В.Маяковский. "Баня".

Прошли и канули в замутненную Лету времена власти парткомов. Настали времена власти денежных тузов.

Вечерами, когда смог над фабричными кварталами становится невидимым, а солнечные лучи чуть серебрят шпили высоток, московские интеллигенты, по старому обыкновению, сходятся в своих, уже приватизированных, но по-прежнему тесных и душных кухнях и оживленно обсуждают вечный и роковой вопрос: когда же все-таки жилось хуже – тогда или теперь...

Раньше мы смело и открыто обличали ужасы самодержавной России. Сейчас мы еще более смело и открыто клеймим злодеяния коммунизма.

Раньше мы мечтали о социализме подлинном и жили при "социализме реальном". Сейчас мы также мечтаем о подлинной демократии и обречены существовать при "реальной".

Раньше боссы говорили о равенстве и имели скрытые привилегии. Сейчас настала гласность и привилегии боссов стали явными.

Раньше на нашей шее сидела и рулила одна огромная партия. Сейчас на нашей шее сидят несколько больших и множество мелких партий, которые рулят в разные стороны, отчего у населения начинается головокружение и морская болезнь.

Раньше мы гордились космонавтами, атомными боеголовками, и тем, что "в области балета мы впереди планеты всей". Сейчас космонавтика загнулась, боеголовки проржавели, балет распродали. Зато теперь нас утешают тем, что русская мафия в Америке – самая крутая.

Раньше не было возможности свободно издавать многое из хорошей литературы. Теперь появилась возможность свободно издавать порнографию и бульварные романы.

Раньше Власть держала нас за колючей проволокой, за Железным Занавесом, на скудном пайке и не давала ступить ни шагу. Теперь – Власть, сняв с нас последние штаны и вовсе перестав выдавать паек, великодушно отпустила нас свободно подыхать с голоду.

Раньше в литературе и искусстве были цензоры. Сегодня – спонсоры.

Раньше у нас были принципы и идеалы, в которые мы не верили. Сегодня неверие – наш официальный принцип и идеал.

Раньше мы не могли купить хороших продуктов, поскольку их не было в магазине. Сейчас же мы не можем купить их в супермаркете из-за отсутствия у нас денег.

Раньше мы не могли даже посмотреть на хорошие товары, не могли говорить о том, что у нас есть наркомания, проституция и коррупция. Сегодня мы уже можем смотреть на высококачественные и дорогие товары (которые покупаются не нами) и находить утешение в том, чтобы прямо и открыто говорить о растущей наркомании, проституции и коррупции.

Раньше телевидение по-отечески сурово зомбировало нас историческими решениями очередных съездов. Сегодня оно навязчиво зомбирует нас рекламными клипами.

Раньше Государству было дело до каждого нашего шага, каждого нашего вздоха, каждой нашей мысли. Сегодня ему нет дела до нашей жизни.

Раньше на собрания и демонстрации парторги заманивали людей, обещая им отгулы. Сегодня эти проявления активной гражданской позиции уже многопартийные менеджеры покупают за наличные: пройтись в шествии в честь годовщины Великого Августа или сходить на Васильевский спуск послушать верноподданнических музыкантов – за все, в духе времени, свои расценки.

Раньше наша плохая жизнь объяснялась временными трудностями на пути построения коммунизма. Сегодня же наша плохая жизнь объясняется особенностями переходного периода от тоталитаризма к правовому государству и свободному рынку.

Раньше мы были "советскими людьми" и знали, что СССР идет в авангарде мира и прогресса. Сегодня мы – "дорогие россияне" и знаем, что русский народ – богоносец.

Раньше наши танки утюжили Афганистан. Сегодня наши самолеты бомбят Чечню.

Раньше инакомыслящих сажали в тюрьмы и психушки. Сегодня модно их просто убивать из-за угла.

Раньше в храмах часто устраивали музеи. Теперь – в музеях вновь устраивают храмы.

Раньше мы боялись начальства тайно и скрыто. Теперь нам позволено бояться его явно, смело и открыто.

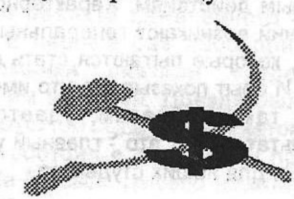
Раньше диссидентский самиздат ни на что не влиял в СССР. Сейчас в России ни на что не влияет уже "большая" и "независимая" печать.

Раньше Ельцин, Шеварднадзе, Алиев, Ниязов и другие назывались первыми секретарями. Сегодня они же именуются суверенными президентами.

Нас покупают теперь уже не так, как покупали тогда.

Нас насилуют, грабят, мучают, обманывают теперь уже отнюдь не так, как насиловали, грабили, мучили и обманывали прежде.

Вы чувствуете разницу?

КОНЕЦ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ВЕКА

КАК НАМ ЭТО ВИДИТСЯ

Общий взгляд на самих себя, окружающий мир и перспективы социальных изменений.

1. Абсолютное большинство людей в мире не контролирует основные социальные, экономические и политические решения, которые непосредственно и значимым образом отражаются на их собственной жизни. Мы вынуждены жить, работать и умирать в соответствии с тем, что диктуют нам иерархические организации - начиная от школы, корпораций и церкви и кончая кульминацией всех их в лице национального государства. Нас индоктринируют в государственных и церковных школах. Мы вынуждены продавать свои жизни и свой труд в капиталистической экономике, в то время как те, кто владеет и распоряжается средствами производства, не только наживаются на нашем труде, но также определяют форму и характер все более широких пространств как в социальном, так и в природном мире. Нас дисциплинируют, облагают налогами и оболванивают интегрированные системы местных, региональных и национальных правительств. Они не только издают законы, регулирующие наш труд, культуру и общественные отношения, но также содержат значительный пропагандистский аппарат, полицейские силы, тюрьмы, армии, системы слежки и даже центры пыток и батальоны смерти, если это необходимо для обеспечения нашего подчинения.

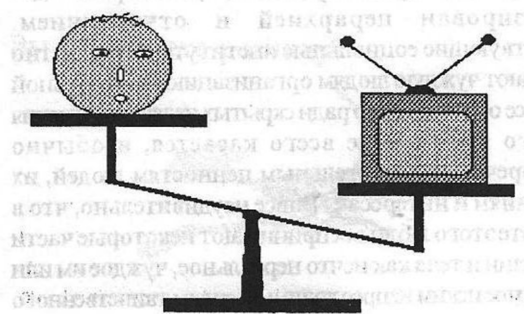
2. Иерархическая и отчужденная организация общественной жизни, которую навязывают нам эти господствующие институты, вызывает непрекращающиеся кризисы в жизни каждого человека, в каждой сфере человеческой деятельности. Эти кризисы зачастую проявляются наиболее интенсивно в области производства - там, где большинство из нас должны продавать значительную часть своей жизни за зарплату, которая никогда не сможет возвратить нам того, что у нас отнимают. Мы вынуждены работать в системе, которая не позволяет нам контролировать ни содержание нашего труда, ни его условия, ни его организацию, ни его смысл и цели. И мы делаем все это в обмен на «привилегию» купить небольшое количество производимых в массовом порядке товаров и стандартизованных «услуг», которые всегда останутся пустыми и неудовлетворительными заменителями богатой и радостной жизни, которой все мы действительно желаем. На самом деле почти каждый аспект жизни в современном обществе - семейная жизнь, сексуальность, образование, культура, знание, коммуникации, здравоохранение, транспорт и т.д. - колонизирован иерархией и отчуждением. Господствующие социальные институты повсеместно навязывают чуждую людям организацию повседневной жизни. Все организовано ради скрытых целей, без участия тех, кого это больше всего касается, и обычно противоречит действительным ценностям людей, их стремлениям и интересам. Вовсе неудивительно, что в результате этого люди воспринимают некоторые части своей жизни и тела как нечто нереальное, чуждое им или подвластное неким непреодолимым силам таинственного характера.

3. Нищета, бессмысленность и отчуждение повседневной жизни в современном мире - это не случайные продукты социальной системы, которая во всем остальном «хороша». Это неизбежные и непосредственные последствия существования системы, которая по своей сути не только чудовищно непродуктивна, но в нынешний ядерный век все более самоубийственна. Эта система состоит из относительно целостной структуры самовоспроизводящихся общественных отношений принуждения, иерархической власти и товарного обмена, общим основанием которых служит то, что для краткости может быть названо «отчуждением». Понятие «отчуждение» означает процесс, в ходе которого действия людей становятся отчужденными по отношению к ним самим и больше не воспринимаются ими как их собственные. Например, институт рабства, очевидно, подразумевает процесс отчуждения жизнедеятельности раба. Когда изначально свободные люди были впервые захвачены рабовладельческими обществами, было необходимо насильственно поработить их, поскольку они естественно понимали, что труд, почтительное отношение к хозяину и пассивное подчинение, которых от них требовали, были абсолютно чужды их желаниям и воле. Единство их желаний, воли и деятельности было разрушено, но они могли легко чувствовать и осознавать это отчуждение, поскольку его необходимо было поддерживать с помощью силы. Однако, после того, как их рабство поддерживалось таким образом некоторое время, они сознательно вырабатывали привычки самоподавления, чтобы избежать наказания за то, что они забывали о той роли, которую должны были играть. Они усваивали ожидания рабовладельцев, обучаясь быть рабами и думая о себе, как о рабах, хотя и поневоле. И - в конце концов - через некоторое время многие из них (особенно после нескольких поколений) действительно начинали смотреть на себя как на рабов, они начинали думать, что рабство было естественным установлением, и что состояние раба - их естественное состояние. Их привычки самоподавления были интернализованы, стали подсознательными, и в конце концов, они забывали, что это всего лишь привычки. Они стали рабами на самом деле, и если бы им была предоставлена возможность бежать, они были бы неспособны даже увидеть ее, поскольку не осознавали, что где-то в глубине души они хотели бежать. Их отчуждение было настолько полным, что они больше не могли ощущать свои желания как свои собственные или осуществлять свою волю вне рамок своей жестко регламентированной жизни. Процесс отчуждения, связанный с рабовладением, аналогичен процессу «социализации», с помощью которого мы усваиваем свои «естественные» места внутри современных институтов нуклеарной (моногамной) семьи, всеобщего и обязательного (дез)образования, наемного рабства, представительной «демократии» и т.д.

4. В соответствии с классическим описанием отчуждения в процессе труда при капитализме, когда человеческий труд продается капиталисту в обмен на зарплату, он становится отчужденным. Поскольку тогда этот труд контролируется капиталистом (независимо от того, выступает ли в качестве капиталиста отдельная личность или некий институт, например, корпорация или государство), а не самим человеком, работник оказывается в ситуации, когда он действует в соответствии с устанавливаемой извне логикой. Он становится простой шестеренкой в машине производственного аппарата, который руководствуется целями внешними и чуждыми по отношению к занятым в нем работникам. Корпоративное или бюрократическое управление в больших организациях ставит своей целью изолировать работника от других как можно больше, в то время как наличие иерархической власти поддерживает жесткое разделение труда в организационной системе, рассчитанной на производство прибылей, накопление капитала и воспроизводство власти управляющих. Таким образом, коллективный труд атомизированных работников постоянно воспроизводит всю организационную систему, которая приобретает собственную инерцию и направление развития, так, что даже действия управляющих все более жестко определяются логикой организационного воспроизводства и расширения, которой они тоже вынуждены подчиняться.

5. Ирония заключается в том, что именно отчужденная деятельность людей и их труд составляют действительное содержание тех институтов, которые в свою очередь управляют ими. Тот же процесс отчуждения имеет место не только в сфере производства, но и во всех сферах общественной деятельности. Это приводит к тому, что социальный мир в целом кажется находящимся вне чьего-либо контроля; кажется, что он неумолимо движется по своему собственному загадочному пути в соответствии со своей собственной отчужденной и иерархической логикой. Поэтому говорят, что экономика регулируется сама по себе с помощью действий «невидимой руки», делающей нас жертвами депрессий, инфляции, безработицы и т.д. В политической сфере органы местной, региональной и центральной власти демонстрируют те же тенденции. Политические партии все больше напоминают друг друга, в то время как все они оказываются неспособными контролировать кризис, который привел к их избранию или государственному перевороту. Все правительства вынуждены подчиняться отчужденной логике международной системы. На Востоке и на Западе результаты одинаковы, хотя средства употребляются разные. Во всех сферах жизни, где господствуют иерархические формы организации, личность подчиняется одним и тем же процессам, поскольку все иерархические организации по определению подразумевают наличие принуждения, а принуждение обязательно требует от личности отчуждения ее деятельности с тем, чтобы она могла вписаться в отведенную ей роль. В результате, чем больше наша жизнь зависит от выполнения всех этих отчужденных ролей в иерархически построенном товарном обществе, тем менее мы способны жить, тем менее наши жизни являются «нашими» в каком-либо смысле этого слова.

6. Люди никогда не являются просто пассивными жертвами навязанного извне подавления и манипуляций. Через нашу «социализацию» (наше «социальное обусловливание») в этом обществе каждый из нас учится участвовать в той или иной степени в своем собственном подавлении и манипулировании собой. Наш конформизм навязывается нам не только приказами хозяев или оружием полицейских, но также интернализованным хозяином и полицейским, которого каждый носит в себе, и который называется «характер». Характер - это форма, принимаемая отчуждением в личности человека. Это нечто вроде умерщвленного психического панцыря, который возникает у каждого из нас для того, чтобы мы могли приспосабливаться к иерархическому и отчужденному обществу. Развивая этот бессознательный панцырь (привычный слой принудительного, навязанного нам самоподавления), мы защищаем себя от некоторых наиболее жестких проявлений иерархии и отчуждения, но нам удается достичь этого только огромной ценой самоизоляции и извращения своих действий и мыслей. Характер может проявляться по-разному - в виде навязчивого стремления подавлять собственные чувства, в постоянном мышечном напряжении и возбужденности, в хроническом чувстве вины, в блокировке или хроническом сужении поля восприятия, в преувеличенном уважении к носителям власти, в приверженности догмам и неспособности мыслить самостоятельно, в навязчивых страхах или паранойе, в постоянном чувстве незащищенности, в принудительном выполнении ролей и неспособности отбросить притворство и «быть самим собой», в религиозных верованиях и вере в некие другие абсолюты, в расизме, сексизме... - и так до бесконечности. Характер - это целостная организация всех усвоенных и привычных неспособностей, которые служат адаптации личности к требованиям иррационального общества. Это средство, с помощью которого иерархические и отчужденные социальные структуры вторглись в наши тела и в наш опыт и колонизировали их. Мы все парализованы отчуждением. Многие люди настолько сильно изуродованы им, что теперь они идентифицируют себя с репрессивными и эксплуататорскими институтами в большей степени, чем со своими собственными спонтанными импульсами, желаниями и чувствами. Характер - это механизм, создающийся в результате взаимодействия социального обуславливания и наших реакций на него. Он позволяет нам относиться к другим людям и к себе самим прежде всего как к товарам на рынке, которые продаются и покупаются, как к объектам внутри иерархических систем, которым можно отдавать приказы и которыми можно манипулировать. Иерархическое капиталистическое общество требует от людей, чтобы они относились друг к другу исключительно как если бы они были просто

объектами. Развитие характера это всего лишь то, как мы становимся объектами и забываем о том, что когда-то мы были чем-то большим. (Детальное описание этой концепции характера дано в классической работе Вильгельма Райха «Анализ характера».)

7. Идеология - это проявление характера в области логики, языка и символов. Это средство, с помощью которого отчуждение и иерархия (и в конце концов - характер) рационализуются и оправдываются через извращение человеческой мысли и общения. Всякая идеология по своей сути связана с заменой человеческой субъективности отчужденными концепциями и образами. Идеологии - это системы ложного сознания, в которых люди больше не рассматривают себя в качестве субъектов по отношению к своему миру. Вместо этого они рассматривают себя в качестве объектов, подчиненных тем или иным абстрактным вещам, которые становятся «реальными» действующими лицами в их мире. Всегда, когда некая система идей или обязанностей структурируется вокруг некоей абстракции, тем самым назначая людям роли и обязанности, подобная система является идеологией. Все разнообразные формы идеологий структурированы вокруг различных абстракций, но, тем не менее, они всегда служат интересам иерархических социальных структур, основанных на отчуждении, поскольку они представляют собой иерархию и отчуждение в области мысли и общения. Даже если идеология по своему содержанию выступает против иерархии и отчуждения, по своей сути она следует тому, против чего сама выступает, и эта ее сущность всегда будет подрывать видимое содержание идеологии. Является ли центральной абстракцией идея Бога, Государства, Технологии, Семьи, Человечества, Мира, Работы, Любви или даже Свободы, если она представляет собой самостоятельный субъект, который предъявляет требования к нам, тогда она является центром идеологии и потому лжива. Капитализм, индивидуализм, коммунизм, социализм или пацифизм идеологичны в некотором смысле (как они обычно и воспринимаются). Религия и мораль идеологичны всегда по определению. Даже сопротивление, революция и анархизм зачастую принимают идеологическую форму, если мы недостаточно внимательны к тому, чтобы сохранять критическое отношение к тому, как мы мыслим и каковы действительные цели наших размышлений. Идеология буквально вездесуща. От рекламы до академических трактатов и научных исследований, почти всякий аспект современного мышления и общения идеологичен, и его реальный смысл для человеческих существ скрыт под многочисленными слоями мистификаций и извращений.

8. Наиболее ярким примером идеологической мистификации является зрелище. Зрелище - это организация образов, ставшая возможной благодаря современным средствам коммуникации. Простота, с которой образы могут быть оторваны от своих источников и реорганизованы для представления в этих средствах коммуникации в соответствии с идеологиями господствующих институтов, составляет техническую основу не только для манипуляции этими изолированными образами или идеологиями, но для создания видимости действительности. По мере того, как размах и сила зрелищной организации общества возрастает, то, что раньше непосредственно проживалось, все больше и больше сводится к репрезентации в образах, созданных для потребления. Организация зрелищной деятельности на практике одновременно является организацией действительной общественной пассивности, культивируемой среди зрителей. Вместо того, чтобы непосредственно проживать свои жизни, люди все более соблазняются ролью зрителей, потребляющих образы своей собственной отчужденной жизни, которые односторонне представляются им господствующими институтами современного общества. Зрелище - это не просто набор образов, но, что гораздо важнее, общественное отношение между людьми, опосредованное образами. Главная проблема с современными средствами массовой коммуникации состоит не в том, что они всегда представляют точку зрения иерархии, как будто иных точек зрения не существует вовсе (хотя в них, безусловно, существует идеологическая узость содержания). Гораздо более серьезная проблема заключается в самой форме или структуре масс медиа. В конце концов, содержание менее важно, чем иерархическая и отчужденная структура, которая несет это содержание. Каковы бы ни были высказываемые через масс медиа явные идеи, скрытая, но постоянно присутствующая идея заключается в том, что каждый из нас всего лишь беспомощный зритель в мире, который он никак не может контролировать. Наш единственный выбор состоит в том, чтобы выбирать из различных возможностей, предложенных нам невидимыми силами, определяющими все вокруг.

9. Если бы наши институты, культура, общественные отношения были бы действительно непосредственным выражением наших собственных коллективных желаний и нужд, они вряд ли бы часто ставились под сомнение. Против них не возникало бы столько возражений, если бы они действительно выполняли свои цели. Но всегда, когда людям навязывают систему отчужденных общественных отношений, это вызывает широко распространенное сопротивление. Это сопротивление - естественный результат того, что людей вынуждают принять чуждый им образ жизни, как если бы он был на самом деле их естественным образом жизни. Всегда, когда людей вынуждают подавлять свои импульсы, восприятие, суждения и ценности и действовать вопреки им, они имеют склонность к бунту, - иногда открыто, прямо и сознательно, но зачастую скрыто или даже бессознательно. Даже если подобная отчужденнная система существует на протяжении поколений и люди «социализируются» ею и воспринимают ее настолько, что она кажется им более реальной, чем их собственная личность, даже тогда неизбежно существует широкое сопротивление, хотя оно может проявляться лишь спорадически и в основном оставаться на уровне подпольных, скрытых тенденций к бунту и отрицанию. Институционализация подавления и отчуждения всегда оборачивается возвращением того, что подавляется. В соответствии с психоаналитической концепцией человеческой природы подавляемые стремления и желания никогда не уничтожаются сразу, но вместо этого возвращаются в человеческую деятельность, принимая другие формы (например, во сне или в бессознательных срывах, проговорках). Аналогично, институционализованное подавление никогда полностью не уничтожает неискоренимое человеческое желание жить и контролировать свою собственную жизнь. Напротив, человеческое сопротивление навязыванию

искусственных ограничений иррациональных и авторитарных в своей основе общественных систем всегда будет выражаться в тысячах различных способов в повседневной жизни людей. Сопротивление, возникающее в самом сердце нашей повседневной жизни, - это естественный и спонтанный ответ на навязываемые нам авторитарные общественные отношения. Это всеобщее, но в основном все же бессознательное, движение отрицания, которое несет в себе семена всех потенциально сознательных движений за вольное (либертарное) общественное переустройство. На самом деле именно сюда уходят корнями все другие радикальные политические, общественные и религиозные движения. Все - от неопределенного желания «что-то делать», «что-то менять» до небольших актов вандализма в университетах и школах, от воровства с работы и высмеивания носителей власти до серьезных актов вроде решения участвовать в бунте или «дикой» забастовке, - все эти спонтанные выражения отрицания могут быть неисследованными и неописанными отправными точками, которые заключают в себе наибольший потенциал для подлинного общественного радикализма в самом ближайшем будущем. Мы должны осознавать, что исключение всего, кроме сознательной и последовательной деятельности, из нашего восприятия политической «действительности» может привести лишь к «пораженчеству» в том, что касается перспектив радикального общественного переустройства.

10. На первый взгляд может показаться очевидным, что любой акт сопротивления репрессивной и отчужденной общественной системе - это пусть небольшой, но все же шаг вперед в направлении создания нового общества. Однако, подобное умозаключение неверно. В действительности мы сталкиваемся с тем, что многочисленные акты, которые поверхностно кажутся направленными против иерархии и капитала, на самом деле вполне совместимы с ними. Эти акты частичной оппозиции всегда опираются на признание необходимости иерархической власти и социального отчуждения, они направлены лишь против специфических «злоупотреблений» или «несправедливостей» внутри целостной системы. Поскольку частичная оппозиция сосредотачивается на узких требованиях реформирования только определенных аспектов социальной структуры, она производит парадоксальный эффект, - она укрепляет общественную систему, против которой она на первый взгляд борется, оправдывая эту систему в целом и в то же самое время помогая снизить давление на нее и адаптировать к ней требования социальных изменений. Это снижение давления на систему со стороны различных социальных сил, требующих изменений, иногда называют «исправлением» (recuperation). «Исправляя» импульсы, направленные на реальные социальные изменения, и канализируя их в русло действительных или воображаемых реформ существующей общественной системы, эта система не только уничтожает угрозу собственному существованию, но также укрепляет свой контроль над людьми, создавая ощущение того, что фундаментальные реформы могут быть достигнуты постепенно, и что какая-либо более радикальная оппозиция может угрожать уже достигнутым реформам. Частичная оппозиция всегда вступает в противоречие с действительно радикальной оппозицией, поскольку первая всегда принимает в качестве правил игры основные установления иерархического товарного общества. Либеральные реформисты, «радикальные» моралисты и социал-демократы всегда предпочитают, чтобы мы боролись за «реалистические» реформы, стоя на коленях, нежели за радикальные изменения, встав во весь рост.

Ложная оппозиция - частный случай частичной оппозиции. Это попытка показаться всеобщей или радикальной оппозицией, оставаясь только частичной на практике. Этот тип оппозиции особенно характерен для марксистско-ленинских групп. Они объявляют себя революционерами, но их действительная практика воспроизводит иерархические и бюрократические тенденции того общества, которое они критикуют. Несмотря на свои радикальные претензии, их представители, в конце концов, сохраняют менталитет людей, ориентированных исключительно на государственный переворот и на то, чтобы встать у власти в качестве нового, «просвещенного» правящего класса. Другой разновидностью частичной оппозиции является то, что можно назвать зрелищной оппозицией. Зрелищная оппозиция подразумевает создание образа бунта, который на самом деле не имеет или почти не имеет корней в окружающей социальной действительности. При этом типе воображаемой оппозиции целлулоидные образы бунта создаются «радикалами от масс медиа» или самими масс медиа, и их содержание либо полностью отсутствует, либо сведено к минимуму.

С другой стороны, радикальная оппозиция стремится к уничтожению иерархии и отчуждения в корне. Это всегда сознательная оппозиция по отношению к тотальности существующей общественной системы, поскольку она опирается на понимание того, как эта система действует в целом. Подобный целостный взгляд показывает, что когда ставится под сомнение один аспект системы, та в свою очередь компенсирует и «исправляет» брошенный ей вызов, распыляя его и интегрируя в себя, после чего система оказывается в состоянии свертывать какие бы то ни было реформы по мере того, как они перестают служить ее целям. Единственное движение, которое может когда-либо рассчитывать на действительные изменения, это такое движение, которое всегда ставит под сомнение всю систему в целом, даже тогда, когда оно сосредотачивается на частных аспектах этой системы.

11. Абсолютное уничтожение всякого отчуждения, наверное, невозможно, и те, кто требует достижения этого абстрактного абсолюта скорее всего догматичные фанатики, которых лучше избегать. Они - возможные кандидаты в робеспьеры будущих царств террора. Однако между Сциллой фанатизма и Харибдой беспринципного и оппортунистического реформизма лежит то, что мы считаем реализуемой и жизненной концепцией качественно более свободной, справедливой и приятной социальной системы. Подобная система не будет «чиста» и «безупречна», но она потребует действительно радикального переустройства общества, которое будет заключаться в изменении баланса общественных отношений, - оно покончит с нынешним историческим господством иерархических и авторитарных общественных отношений, заменит это господство самовоспроизводящейся системой неиерархических общественных отношений, которые могут быть названы

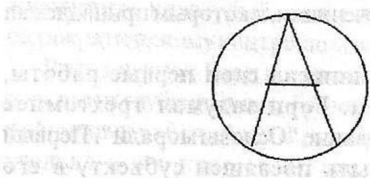
некой разновидностью анархии.

12. Анархия в буквальном смысле означает «отсутствие власти». В своем лучшем смысле она означает общественную систему, в которой нет места политической иерархии и авторитаризму. Вместо иерархического правления монолитных институтов над простыми людьми анархия требует возможно более широкого, полного, действительного и непосредственного контроля со стороны тех, кого это непосредственно касается. Это не означает, что анархисты верят в некую абстрактную и неопределенную идею «демократии», «консенсуса» или «индивидуализма». Это значит, что анархисты требуют исключительно прямого и конкретного народного участия и контроля над всеми значительными общественными институтами, которые оказывают влияние на людей - не просто контроля над институциональной организацией и управлением, но также, что особенно важно, над направлением их деятельности, целями и самим существованием. Этого можно достичь только путем широкого и сознательного обращения людей к либертарным общественным и организационным ценностям и деятельности (самоуправление, спонтанность, автономия, сотрудничество, организации, созданные для людей, прямое действие, взаимная ответственность и отчетность, максимальная гибкость) в перестроенных институциональных рамках, ориентированных на специфические, работающие и эффективные средства свободного общения и принятия решений.

13. Всякое подлинное сопротивление и оппозиция по отношению к иерархически организованному обществу, всякое движение, которое желает действительного и качественного изменения организации общества должно быть самосознательным и критически-радикальным общественным движением. Подобное движение должно включать в качестве центрального момента предопределение типа общества, которое оно хочет создать, как в вопросах организации, так и в вопросах качества повседневных отношений, которые она хочет установить. Концепция предопределения - это всего лишь другими словами выраженная идея о том, что средства общественного переустройства во многом определяют его результат. Исходя из этой концепции, мы приходим к выводу о том, что традиционное марксистско-ленинское движение почти неизбежно переведет диктаторский стиль своих традиционных средств (иерархически построенную политическую партийную организацию, идеологическое и догматическое мышление, «демократический централизм», авангардистское мышление и достаточно консервативные общественные ценности) в реальные монолитные бюрократические диктатуры, возникновения которых с уверенностью можно ожидать в качестве результата подобной деятельности (как это случилось в СССР, Китае, на Кубе, во Вьетнаме и т.д.). В то же время либертарное революционное движение, напротив, пытается создать непосредственно и демократически контролируемые альтернативные организации и контр-институты в качестве средств для достижения своей цели - создания действительно самоуправляющегося общества. На практике подобные организации могут быть (и всегда были) различны: от анархистских неформальных групп до федераций, от рабочих групп и анархо-синдикалистских профсоюзов до фабричных комитетов и советов, от вольных общин, групп по месту жительства до муниципальных движений, коллективов и кооперативов различных типов, разнообразных культурных учреждений, от вольных школ, исследовательских групп, до радикальных библиотек и центров документации, от фабричных и местных групп самозащиты до организации народной милиции, когда в этом существует необходимость.

14. Мы понимаем, что условия нашей жизни и опыт нашей деятельности в господствующих общественных институтах подталкивают нас к тому, чтобы сомневаться, сопротивляться и находить методы организации, бросающие вызов установившемуся общественному порядку и установленным правилам поведения и мышления. С другой стороны, мы признаем, что мы разрознены, лишены средств коммуникации и находимся на разных уровнях сознательности. Колумбийская Лига анархистов - лишь одна небольшая самостоятельная группа, являющаяся частью всемирного движения людей, стремящихся изменить свою жизнь и мир вокруг. Мы не рассматриваем себя как еще одну руководящую группу, ищущую последователей, но как группу людей с некими общими идеями, работающими над созданием либертарного общества. Мы хотим помочь демистифицировать все идеологические претензии, которые парализуют людей и оставляют их беспомощными перед лицом господствующих институтов. Мы стремимся бросить вызов всем проявлениям иерархии, эксплуатации, отчуждения и мистификации, помогать людям, которые вовлечены в либертарную борьбу, обобщать их опыт, создавать целостную критику нынешнего положения и причин, его создавших, и помогать развитию широкой революционной сознательности и деятельности, необходимых для тотального переустройства жизни.

Колумбийская Лига анархистов (США).

Публикуемый нами документ представляет собой манифест небольшой анархистской группы из США. Он был написан в конце 1985 года, после того, как вышли в свет первые номера журнала с поэтичным названием Anarchy: A Journal of Desire Armed (Анархия. Журнал вооруженного желания). В течение нескольких последующих лет Anarchy была ведущим анархистским журналом в Соединенных Штатах и Канаде, но, конечно же, не в смысле центрального органа, дававшего указания своим последователям, а в смысле творческой мастерской, в которой проходили порой достаточно ожесточенные дискуссии, где возникали новые идеи и обсуждалась практическая деятельность анархистов.

Anarchy: A Journal of Desire Armed:
CAL Press
POB 1446
Columbia, MO 65205-1446
USA
jmcquinn@mail.coin.missouri.edu

Вадим ДАМЬЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ АНДРЕ ГОРЦА

"Я воспринимаю себя как философа - неудачника, который пытается протащить свои первоначально философские соображения через политические или социологические темы. При этом под "философским" вопросом я понимаю следующий основополагающий вопрос: ... Когда я являюсь "самим собой", то есть не игрушкой или определяемым извне продуктом чуждых сил и влияний, а причиной своих собственных поступков, мыслей, чувств, ценностей и т. д. ... То есть философию я понимаю не в духе Гегеля или создателей великих систем, а как усилие понять, исследовать, освоить, освободить и творить самого себя и то, что ты есть".

А.Горц.

"Слабости... людей наследуются наиболее стойко; они находят у своих слушателей самую благоприятную почву, в то время как благородные идеи с широкой перспективой вербуют себе последователей с гораздо большим трудом. Ввиду этого современный читатель должен... строить свое собственное суждение. Сам Бакунин блестяще разъясняет, что он никогда не подчинялся ничьему авторитету, кроме авторитета специалистов в их специальности. Мы учимся у Бакунина - социального критика и смелого поборника свободы; это - его специальность. Его взгляды в других областях для нас не обязательны, если мы действительно анархисты".

М.Неттлау об ошибках Бакунина.

Андре Горц родился в Вене в еврейской семье. Его настоящее имя - Герхард Хирш, позднее он изменил свою фамилию на Хорст. После захвата Австрии нацистской Германией в 1938 г. он перебрался в Швейцарию, учился в школе "Институт Монтана". Юноша отказался ехать в США, Палестину или СССР, а предпочел в 1946 г. переселиться во Францию. Это означало для него полную смену окружения - там у него не было ни семьи, ни друзей, ни связей, даже французский язык он практически не знал. Но ему повезло. Он стал любимым учеником философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра и в течение 9 лет непрерывно изучал его философскую систему, хотя и не был столь связан политически с теми течениями, к которым принадлежал Сартр.

В это время он написал свои первые работы, навеянные Сартром. Горц задумал трехтомное философское исследование "Основы морали". Первый том должен был быть посвящен субъекту в его отношении к себе и к миру, второй - отношению субъекта с другими субъектами, третий - отношениям субъекта с коллективом (обществом). Труд удалось издать только частично: в 1948 г. - черновик второго тома, из третьего - раздел "Мораль истории" и куски, вошедшие позднее в его книгу "Прощание с пролетариатом". Первый том так и не увидел свет, но Горц написал как бы приложение этих идей к самому себе. Эссе вышло под названием "Предатель", и предисловие к нему написал Сартр.

"Мораль истории" стала как бы продолжением фундаментального труда Сартра "Бытие и ничто", попыткой ответить на вопросы, которые учитель поставил, но оставил без ответа: об идентичности, об экзистенциальном обращении, о свободе как высшей ценности и одновременно основе всех ценностей. Для этого ему потребовалось определенным образом переработать сартровскую онтологию. Далее он сконцентрировался на развитии теории отчуждения Маркса и Сартра, причем опирался не только на работу учителя "Критика диалектического разума", но и на исследования американских социологов Дэвида Ризмана и Райта Миллза, которые он соединил с экзистенциалистским марксизмом. Горца интересовал, прежде всего, вопрос: в чем состоит и чем вызван тот факт, что развитие собственной свободы невозможно в силу реальной ситуации? Насколько возможно классовое самоосвобождение пролетариата? Молодой философ стремился вопреки диаматовским догмам показать, что пролетариат может быть революционным и добиться освобождения, только если во всех своих частях и представителях превращает себя в субъект отрицания и присвоения того, что делают из него материальные условия. Никакой объективной необходимости самоосвобождения не существует. Более того, в современном "обществе благосостояния" вследствие разрыва между трудом и потреблением отчуждение испытывают также потребители, "массовый человек" и даже предприниматели. Освобождение, понимаемое как ликвидация отчуждения, невозможно только на каком-то одном уровне.

Влияние сартровской концепции отчуждения продолжает сказываться вплоть до самых последних работ А.Горца. Поэтому, вероятно, стоит напомнить, в чем она состоит.

Прежде всего, по Сартру, субъект всегда индивидуален; групповое и коллективное вторично. Свобода истолковывается, в первую очередь, не как политическое или социальное, а как экзистенциальное понятие. Индивид как бы по самому своему существу "обречен" на свободу. Вопрос лишь в том, бежит ли он от этой свободы, превращая себя в орудие чего-то вне его самого находящегося, надчеловеческого - или "присваивает", принимает ее, выдвигая свои цели и беря на себя ответственность за это.

В современном обществе человек становится игрушкой чуждых ему сил. Именно это состояние Сартр и Горц определяют как отчуждение, опираясь на "Немецкую идеологию" Маркса. "Общественные индивиды" (члены общества) воспринимают результат своих (взаимо)действий как некую чуждую силу, противоречащую его воле. Почему

это происходит? Потому что совокупный процесс общественного развития, сумма действий индивидов подчинены материальным закономерностям, которые никто заранее не может знать и контролировать. Судьба человека "определяется извне", покоряясь интересам прибыли, товарному фетишизму, потребительству, формальной рациональности, увеличению производства и т.д. Итог действий всех вместе не соответствует желаниям каждого отдельного индивида (Сартр называл это состояние "антифинальностью") и предстает по отношению к нему как внешняя сила. Человек, "определяемый извне", отчужден, он "гетерономен", а не "автономен". Позднее, в "Критике разделения труда" и "Критике экономического разума" Горц разовьет эту идею: он назовет причинами такого положения разделение труда, индустриализм и (вслед за Максом Вебером) развитие "формальной рациональности" и покажет его проявления в системах рыночной экономики и "централизованного планирования".

Как можно преодолеть отчуждение? Создать обстоятельства, при которых каждый сможет осознать и спланировать результаты своего взаимодействия с другими членами общества, результаты своей деятельности и своего труда, осознать их как им самим делаемые и желаемые, а нежелаемые - устранить.

В начале 60-х гг. А.Горц выступил как один из теоретиков так называемых "революционных реформ". В 1960 г. он стал членом редколлегии журнала "Тан модерн", издававшегося Сартром и Симоной де Бовуар. С позиций "критического марксизма" он полемизировал с теоретиками "Французской компартии", а в 1969 г. - с маоистами, написал ряд заметных работ - "Трудный социализм" (1967), "Реформа и революция" (1969). До 1982 г. под псевдонимом "Мишель Боске" он работал в журнале "Нувель обсерватёр", который был тогда рупором "новых левых" - пока не начал поддерживать Миттерана.

1968 год стал началом поворота в позиции Горца - в сторону концепции альтернативизма, коммунитаризма, общины, или, как он сам говорил, "поворота от Маркса к Илличу" (теоретику "альтернативного развития"). В результате появился знаменитый сборник статей "Критика разделения труда", где были сформулированы многие ключевые идеи экологического движения - и прежде всего, антипродуктивистская критика современного капитализма.

Еще в домайских работах (особенно в написанной в 1964 г. "Рабочей стратегии и неокапитализме") Горц определял новую фазу развития капитализма как период роста зависимости работника в результате того, что отчуждение распространяется не только на сферу производства, но и на все области жизни. Потребление подчиняется интересам производства ради прибылей капитала, которое становится самоцелью. В результате "общество потребления" удовлетворяет количественные материальные потребности людей, но подавляет высшие, созидательные, духовные. Поэтому Горц полагал, что революционное рабочее движение должно бороться с отчуждением на производстве и в обществе, переориентировавшись на новую стратегию - изменения всего образа жизни.

Теперь Горц пришел к выводу, что основной источник отчуждения в обществе следует искать в самом индустриальном способе производства, в существующем разделении труда и вытекающих из него отношениях иерархии, господства - подчинения, начиная со сферы производства и кончая всеми областями жизни. Существующие технологии программируют отчуждение. "Волей к господству насквозь пропитаны как само существо машин и механизмов, так и организация производства с воплотившимся в ней разделением труда: с одной стороны - капитал и его представители и администраторы, а с другой - исполнители, занятые в процессе производства". Фабричная технология предполагает "определенное техническое разделение труда, последнее же требует субординации, иерархии и деспотизма". Фабричный деспотизм "отчуждает производителя, лишает его возможности контролировать производственный процесс в целом и, более широко, общественное бытие, а с другой - создает привилегированный управленческий аппарат, складывающийся, в конечном счете, в господствующий над обществом бюрократический класс".

В итоге Горц делал вывод о том, что простого изменения формы собственности недостаточно. "Производительные силы, развитые капитализмом, настолько пронизаны его рациональностью, что не могут функционировать согласно рациональности социалистической". Следует преобразовать не только производственные отношения, но и сами производительные силы. "До тех пор, пока материальная матрица капитализма (организация труда, техника и технология) останется неизменной, коллективное присвоение всей совокупности фабрик будет ни чем иным как сугубо абстрактным актом юридического изменения формы собственности, изменения, которое, конечно, не сможет уничтожить угнетение и подчиненность рабочих... Институциональные аппараты производства и обмена в их нынешнем виде не поддаются ни контролю, ни присвоению со стороны производителей, ассоциированных в реальные производственные и жизненные коммуны" - они подвластны только бюрократическому контролю со стороны государства.

В этот период Горц все еще полагал, что главную роль в этих глубинных преобразованиях должен сыграть фабричный рабочий класс, хотя речь должна идти не столько о его классовом, сколько о личностном освобождении. Узко классовая ориентация привела его к временному сближению с полу-маоистской, полу-увриеристской средой наподобие итальянской группы "Лотта континуа"; Горц присутствовал на ее съезде в 1971 г. Впрочем, уже тогда он начинает проявлять интерес к экологии, правда, еще в довольно смутном виде. Как вспоминал позднее Мюррей Букчин, во время посещения Калифорнии Горц встретился с ее губернатором Дж. Брауном и счел его "экосоциалистом".

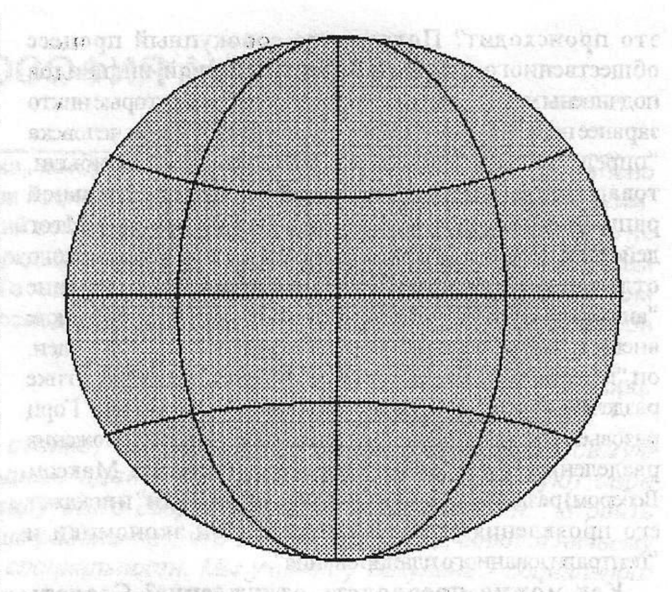
В 70-х гг. Горц все больше разочаровывается в традиционном рабочем классе и возлагает все свои надежды на новые социальные движения, прежде всего - экологическое. Он видит в нем антикапиталистический протест против наступления технократии на общество. Глобальный кризис всей индустриально-капиталистической цивилизации требует решения долгосрочных проблем человечества, но государство и капитал не могут и не хотят их решать. В середине и второй половине десятилетия Горц пишет ряд работ на эту тему - "Экология и политика", "Экология свободы".

Он пытается соединить экологию с социализмом, но - в отличие от Букчина 70-х гг. - на практике нередко склоняется к реформистским рецептам. Теперь его подход во многом противоречит тому, что он сам провозглашал еще несколько лет назад.

В 1972 г., отвечая социал-демократу С.Мансхольту, Горц отвергал мысль об экологических реформах в рамках капитализма. Экологическое равновесие, спасение основ человеческой жизни и природы было для него неразрывно связано с социальной революцией и созданием общества, "которое основано не на законе стоимости, а на принципе: каждому - по потребностям". Государство и реформы, утверждал французский мыслитель, не может осуществлять экологические изменения в интересах всего общества, поскольку "государство есть классовое государство, существующее общество - это классовое общество, и... интересы этого классового общества, которое представляет государство, ни в коей мере не идентичны всеобщим интересам... Только путем разрушения классов, классового общества может осуществиться всеобщий интерес всего общества... Социализм станет реальностью не посредством простой смены правительства... Новое общество возникнет только как результат гигантской, всеми силами ведомой борьбы".

Капитализм, - утверждал Горц в "Критике современного капитализма" (1973), - страдает от двоякого кризиса - воспроизводства и сверхнакопления. Такие блага, как воздух, вода, пространство, уже не являются бесплатными, поскольку их надо воспроизводить. Сырье также становится менее доступным, более дефицитным и, значит, дорогим. В результате стоимость продукции растет, норма прибыли уменьшается, капитализм распознает в этом физический предел своей главной цели - увеличению прибыли. Развитие производства влечет рост скрытого отчуждения: сами эксплуатируемые классы требуют прироста производства, чтобы иметь возможность более глубоко врасти в общество и выбиться наверх. Низы в индустриальном обществе не лишены жизненных благ, но лишены самостоятельности, возможности общения, пространства и времени, которые становятся привилегией меньшинства.

В конце 70-х гг. тональность Горца изменяется. Он по-прежнему убежден, что капитализм и экология несовместимы, что лишь свободный социализм может обеспечить гармонию и равновесие, но теперь он уже не провозглашает резкую и радикальную революцию и не отрицает однозначно реформистские средства и методы. Он принимает тезис экологического движения о необходимости прекращения экономического роста в силу ограниченности ресурсов Земли, об ограничении потребления. Вместе с этим Горц принимает и стратегию экологического движения: "Ни реформа, ни революция, но замещение. Переход рассеянный, постепенный и расчлененный, как цветное фото, которое медленно проявляется на блеклом листке бумаги". Он больше не требует ликвидации государства: "Не может быть и речи об уничтожении государства одним махом; следует исходить из посылки об его отмирании по мере расширения гражданского общества". Экологическую альтернативу Горц видит в постепенном утверждении экологического общества самоуправления, без

бюрократии и без рынка - общества, в котором люди могли бы сами сознательно строить свою жизнь.

Увлечение новыми социальными движениями шаг за шагом привело Андре Горца к написанию его новой книги - "Прощание с пролетариатом. По ту сторону социализма" (1980).

В какой-то степени речь шла о полемическом заострении. Тем не менее, книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Пролетариат, утверждал Горц, так и не стал классом, которому надлежит выполнить историческую миссию преодоления капитализма. Маркс ошибся. По мере экономического развития капитализма пролетариат перестал быть классом, противостоящим капитализму, он превратился в придаток производственного процесса и извлекает из этого положения выгоды.

Рабочий класс не стал революционным классом. Развитие производительных сил не создало материальную основу для возникновения всесторонне развитой личности - оно породило более бедного и зависимого индивида. Рабочий как личность потерял целостность, утратил даже ремесленную целостность процесса труда - он лишь выполняет конкретные операции, носящие дробный характер, его труд не является и не может быть автономным. Пролетариат не может решить задачу коллективного присвоения общественных благ и управления всей совокупностью производительных сил. "Капитализм, - пишет Горц, - порождает рабочий класс, который не способен стать хозяином средств производства, поскольку его интересы, способности, квалификация являются производными от капиталистической рациональности". Автоматизация еще больше уничтожает живой труд, труженик становится безынициативным придатком автомата. Он не может идентифицировать себя с процессом производства как целым, он не ощущает своей принадлежности к классу с особыми интересами. Социализм по Марксу оказался несостоятельным.

Тогда, в 1980 году, многим казалось, что прежний "революционный субъект" исчез. Так полагал и Горц. Он продолжал утверждать, что экономическое положение развитых капиталистических стран делает возможным создание свободного социалистического общества, но заявлял теперь, что оно может быть результатом не действий пролетариата, а "дуалистической стратегии" -

взаимодействия базисных, низовых инициатив и реформ сверху.

Базисные инициативы должны опираться на новый "не-класс не-производителей", то есть на тех, кто либо сознательно уклоняется от наемного труда, либо самими социальными условиями поставлен вне его. Этот новый субъект постепенно образует "не-общество", шаг за шагом вытесняющее существующее. По мнению Горца, большинство населения уже теперь принадлежит к этому "постиндустриальному неопролетариату", для которого (наемный) труд перестает быть главным занятием. Этот слой в значительной мере свободен от труда, тем более в условиях кризиса традиционной протестантской трудовой этики. Поэтому ему надлежит отвоевать и закрепить за собой пространства автономии.

Андре Горц утверждает, что развитие производительных сил зашло "слишком далеко", что они теперь организованы по самой своей структуре столь авторитарно и разрушительно, что не поддаются социализации. Но из этого момента блестящей критики капиталистического индустриализма он делает теперь совершенно иной, пессимистический вывод: анархо-коммунистический идеал общества, построенного по принципу "киббуца киббуцев" ("коммуны коммун") теперь невозможен. В отличие от Мюррея Букчина, который именно с таким социальным устройством связывал разрыв с индустриально-капиталистической системой и с индустриалистским типом организации производства (статья "Об освободительных технологиях"), Горц принимает в этом вопросе реформистскую логику "меньшего зла" и "дуализма". Позднее он возвращается к этой идее в "Критике экономического разума". По его мысли, гетерономию (отчуждение) полностью вообще невозможно устранить, поскольку любой общественно *необходимый* труд заведомо несвободен: ведь его "нужно" совершать. Вот почему в сфере труда, в рабочее время можно лишь включить в гетерономию максимально возможное количество автономии, разбавить отчуждение элементами свободы. Но полная автономия, - утверждал теперь французский философ, - возможна только там, где кончается необходимое, в *излишнем,* в свободное время, и именно сокращение рабочего времени - магистральный путь освобождения. Государство теперь для Горца - историческая неизбежность, которая так или иначе необходима для регулирования пусть сужающейся, но сохраняющейся сферы гетерономии (вместо рынка). Зато сфера автономии, свободного времени может развиваться на либертарных, неиерархических и нерыночных основах взаимопомощи, в виде производственной деятельности и услуг, которые коллективно выполняются индивидами в свободное время в дополнение к сфере гетерономии и постепенно все более сужая ее: "Возможности личностного совершенствования, творчество и коммунитарная деятельность, развиваемые альтернативным сектором, обострят критическое отношение индивидов к иерархическому разделению труда, к производству продукции сомнительного качества. И наоборот, общественно обязательный труд в сфере необходимости защитит индивида от давления и напряженных отношений в сильно интегрированном сообществе".

Последнее можно воспринимать уже как утешение или превращение нужды в добродетель. Но так или иначе, Горц 80-х гг. прочно становится на сторону "альтернативизма", то есть параллельного существования нынешнего и альтернативного обществ. Эта идея оказала огромное влияние на "зеленое" движение тех лет и стала преобладающей в самых различных его вариантах. Реформисты заявляли, что такой "дуализм" оптимален, именно к нему следует стремиться, его надо развивать, добиваясь на это средств у государства. Революционеры предпочитали видеть в этом сосуществовании временное явление и (подобно немецкому "зеленому" теоретику Р. Баро) рассчитывать на то, что альтернативный самоуправляющийся сектор рано или поздно полностью низвергнет капиталистическую сферу гетерономии.

О том, как можно придти к становлению альтернативного общества, Горц пишет свою следующую книгу - "Пути в рай" (1983). В ней он вновь говорит о тяжелых недугах современной цивилизации. Мы живем в эпоху распада общества, ценностей, надежд, идеологий и моделей преодоления кризиса, в период кризиса реформ и самой господствующей рациональности. Сам индустриализм подошел к своему концу; наступило время смуты и неопределенности. В глубоком кризисе оказался наемный труд, поскольку технологические перемены, автоматизация, ведут к сокращению доли общественно необходимого живого труда. Исчезает трудовая этика. С другой стороны, безработица становится постоянной, структурно обусловленной: она больше не зависит от экономической коньюнктуры. Пространство для "не-класса не-трудящихся" растет. В то же время, ни традиционные, ни новые левые, считает Горц, не понимают, что происходит. Они продолжают цепляться за социальное государство или, напротив, идут на уступки неолиберализму, соглашаясь на интенсификацию труда.

Настало время для великого проекта, связанного с развитием сферы автономии, - утверждает Горц. Единственно возможный выход из кризиса состоит в сокращении, где только возможно, крупных технологий, порождающих разделение и раскол труда и свободного времени, за счет распространения добровольной кооперативной деятельности, которая направлена не на рынок, а на самообеспечение, на удовлетворение потребностей членов самих самоуправляющихся сообществ, то есть за счет расширения самопроизводства вместо производства товаров на обмен. Таким образом, по его мнению, сломить не только закон стоимости и привязанность к рынку, но и саму капиталистическую рациональность.

Выдвинув эти революционные положения, французский философ, однако, вновь обращается к реформизму. Для распространения сферы самопроизводства, полагает он, необходимо провести две важнейшие реформы, за которые, по его мысли, и должны выступать левые силы и профсоюзы. Об этих двух мероприятиях он подробно пишет в "Путях в рай" и особенно в своей следующей, своего рода итоговой книге - "Критике экономического разума". Это, во-первых, *сокращение рабочего времени* и, во-вторых, *предоставление каждому члену общества гарантированного социального дохода, независимо от его труда и результатов этого труда.*

"Критика экономического разума" (в самом имени

ее обыгрывается название работ Сартра) вышла в 1989 г. В этой книге Горц попытался суммировать свои взгляды на общество в виде некоей цельной системы.

Он начинает ее с исследования возникновения понятия о труде и марксовой "трудовой утопии". Затем Горц переходит к проблеме функциональной интеграции, или к разрыву между сферой труда и жизнью. Развитие капиталистической экономики, - утверждает он вслед за Максом Вебером, - требует роста рассчитываемости и предсказуемости, а следовательно - рационализации всех областей человеческой деятельности, в том числе аппарата управления. Рационализация осуществляется посредством специализации функций; система усложняется и все меньше зависит от каждой из своих отдельных частей. Задача этих частей сводится к осуществлению отдельных функций целого. Этот процесс, раз начавшись, приобретает свою собственную динамику, ведет к бюрократизации, функционализации и омертвению жизни. В сфере гетерономии социальная интеграция (взаимодействие индивидов как частей общества) подчинена функциональной интеграции; любой человек и коллектив являются колесиком и винтиком целого, контролировать которое он не в состоянии. Это целое как бы регулирует людей и коллективы извне.

Регулирование извне ("тотализация", по Сартру) осуществляется двумя путями. Первый основан на стихийной, заранее не предполагаемой и не просчитываемой тотализации действий (*спонтанное* регулирование извне без регулирующего центра, как в термодинамике). У каждой части - свои намерения; общий результат не соответствует им. Люди, говоря словами Сартра, действуют, как "иные". Таков рынок. Второй вид регулирования извне - *планируемое* регулирование извне, с помощью гигантских технологических и бюрократических механизмов. В реальном обществе есть элементы как того, так и другого. Для того, чтобы побудить людей подчиняться регулированию извне, система прибегает к *инициативному* воздействию (материальным и символическим стимулам) и к *прескриптивному* воздействию (санкциям). Причем лишь первый вид воздействия обеспечивает функциональную интеграцию индивидов, побуждая их пойти добровольно на инструментализацию своей полностью отчужденной деятельности.

Между тем, развитие специализации функций ведет к углублению раскола в обществе между управляющей элитой и управляемыми. Рациональность на индивидуальном уровне вступает в противоречие с рациональностью организации, в итоге жизнь человека распадается на части, причем в частной жизни он ищет компенсации за отчужденное и конкурентное поведение на работе и на службе. А для того, чтобы иметь средства для компенсации, он вынужден стремится к еще большему профессиональному успеху. Постепенно бюрократия становится все тяжеловеснее, планируемое регулирование извне - все бесчеловечнее, а камеры несвободы, в которые заключен современный человек, - все более насильственными и одновременно более удобными.

Но рациональность дошла до своей высшей точки и оказалась в кризисе. Функциональная интеграция привела к социальной дезинтеграции, к уничтожению самого общества. Подобно Кропоткину и другим анархистам, Горц отстаивает тезис о том, что капитализм разрушает нормальные общественные связи, отношения между людьми, саму социальность как таковую. Он прослеживает этот процесс на примере как так называемых "соцстран", так и западных рыночных моделей.

Социалистическая теория, по мнению Горца, пыталась достичь недостижимого. Она хотела, чтобы люди, руководствуясь "социалистической сознательностью", воспринимали функциональную интеграцию как социальную интеграцию, то есть воспринимали интересы целого как свои собственные. Это, полагает Горц, еще возможно в небольшой коммуне, где люди работают ради удовлетворения своих потребностей. Но это совершенно недостижимо в огромном производственном аппарате, размеры и сложность которого нельзя охватить взором, и которые не поддаются контролю со стороны отдельного человека или коллектива. Поэтому "социалистический" панрационализм (единый централизованный план) должен был взывать к иррациональным мотивам веры в "светлое будущее", в партию, вождя и т.д. Это требовало и веры в иррациональных врагов, а также обращения к традиционным и дорациональным националистическим ценностям. "Советская" система следовала той же самой индустриалистской рациональности, являясь огрубленной карикатурой на основные черты капитализма. Она так же стремилась к накоплению и экономическому росту, но заменяла спонтанное, рыночное регулирование извне планируемым и централизованным. Социальная система фабрики (фабричный деспотизм) вместе с функциональной иерархией и кастой управленцев переносился на общество в целом, а любая демократическая дискуссия воспринималась как подрыв рациональных установок. Постепенно разложение затронуло и правящую бюрократию, распространилась коррупция.

Результат был неизбежен - демотивация людей в отношении их труда, бегство в "неформальное" общество (в том числе - в теневые структуры, черный рынок и т.д.). В конце концов, бюрократическая система вынуждена была прибегать к помощи теневой сети для компенсации собственной неповоротливости и провалов.

Когда иррациональная вера испарилась, осталось одно принуждение. Надолго этого не хватало, и правящие круги все больше и больше вынуждены были прибегать к мотивированию индивидов, к тому чтобы те развивали в себе компенсаторные потребности ("потребительство"), а значит - больше работать. Но для этого шаг за шагом понадобились рынок и частная собственность. Люди должны были предпочитать материальные компенсации прежним гарантиям.

Однако регулирование с помощью стимулирования компенсаторного потребительства дает лишь нестабильную функциональную интеграцию. Она имеет свою логику и ведет к всеобщей монетаризации, а та усиливает социальную дезинтеграцию, вымирание остатков неформального и некоммерческого общения между людьми. В результате, - предупреждает Горц, - такая "асоциальная социальность" должна рано или поздно привести к новому усилению полномочий государства.

Именно так происходит в рыночном обществе, где властвует "антифинальность". Горц демонстрирует это на примере сценария Хардина. Предположим, каждый фермер

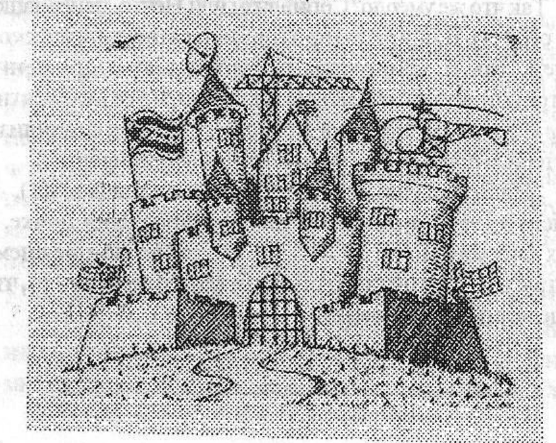
может выпускать пастись на общественное пастбище столько своих коров, сколько он сможет. Однажды общее количество скота достигнет такого предела, после которого "каждая дополнительно выпущенная корова будет давать меньший удой молока с головы. Но это снижение удоев будет происходить за счет всех, в то время как каждый отдельный крестьянин сможет и дальше повышать собственное производство молока, увеличивая число своих коров. Его интерес будет состоять в том, чтобы увеличивать собственное стадо так быстро, как это возможно, причем быстрее, чем все остальные". Преследуя свою индивидуальную выгоду, — подытоживает А. Горц сценарий Г. Хардина, — отдельный крестьянин неотвратимо приближает общую катастрофу. Поэтому рано или поздно наступление неолиберализма вызовет необходимость новой диктатуры (возможно, в форме экофашизма). Государству придется вмешаться во всеобщую антифинальность, чтобы спасти сами основы жизни от всеобщей гибели. Логическим итогом этих процессов станет оруэлловский кошмар полностью дезинтегрированного, тотально растворившегося общества, в котором все саморегулирующиеся социальные связи будут заменены функциональными связями между запрограммированными и подкармливаемыми индивидами. Эти индивиды запрограммированы теми же зрелищами и развлечениями, для участия в которых их призывают.

***

Сегодня, в самом конце века, в условиях развития компьютерных, "постфордистских" и "тойотистских" производственных технологий, многое из того, о чем тогда говорил Горц, представляется уже не столь безнадежным и безысходным. Действительно, конвейерная эпоха была, повидимому, наиболее неблагоприятной для социальной революции, экспроприации капитализма и ликвидации отчуждения. Это было время наиболее глубокой и детальной специализации и тотального разделения труда при наличии (правда только в странах капиталистической метрополии) непрерывного экономического роста и формировании общества потребления. Именно эти тенденции блестяще проанализировал Горц. Но возможно, "технологические возможности" для свободы сегодня уже не столь мрачны, как 20 лет назад. Конечно, это не означает, что современные производительные силы автоматически ведут к социально-революционным изменениям. Однако неисключено, что в их рамках формируются условия для преодоления узкой специализации, для сетевой организации и координации экономики и труда. Так, современный капитализм разрушает многие гигантские индустриальные комплексы, заменяя их сложными "цепочками эксплуатаци": сетью отчасти самостоятельных производственных подразделений, предприятий или даже индивидуальных работников. В рамках таких структур практикуется известная автономия участников производственного процесса, через элементы бригадного самоуправления, "кружки качества", "новую самостоятельность труда" и т.д. Теперь уже во многих случаях сами работники отчасти определяют формы и методы производственного процесса, при этом они же несут основные убытки, в случае неудачи. Подобные меры направлены на рационализацию процесса извлечения прибыли, т.е. служат интересам крупного капитала, придающего сетевым структурам форму "звезды" (Серджо Болонья), привязывающую их к эксплуататорским центрами концентрации капитала через систему работы по контракту. Эти изменения двойственны, они ведут как к росту самостоятельности работников, так и к их атомизации (так как теперь автономные индивидуальные работники или отдельные производственные подразделения находятся в процессе непрерывной конкурентной борьбы за заказы, получаемые из центра). "Утвердился новый менталитет, – пишет современный немецкий либертарный исследователь Карл-Хайнц Рот. - Мы привыкли с ходу критиковать и осуждать этот новый индивидуализм. Но у него есть и положительные аспекты. В нем скрыто требование суверенного распоряжения своим временем и права на самоуправляемое существование. Конечно же, это новое мировоззрение двойственно. Традиционные нормы и структуры распадаются - от семьи до крупных объединений. Этот процесс можно охарактеризовать и такими терминами, как десолидаризация, и возобладание права сильного для осуществления индивидуальных интересов".

Кроме того, эти процессы наряду с глобализацией капитализма ведут и к падению уровня жизни огромной части людей, занятых в процессе производства. Но отсюда же следует, что капитализм уже не в состоянии в далеко идущей степени удовлетворять материальные потребности работников, и пресловутое общество потребления во все большей степени превращается в миф. Поэтому можно констатировать наличие процесса репролетаризации, "возвращение пролетариата". "Мировое сообщество 21-го века, – пишет Рот, - распадается приблизительно на 400-500 локальных центров - глобальных городов. Вместе с бурным исчезновением крестьян из мировой экономики происходит капитализация самого сельского хозяйства, ведущая к укреплению структуры крупного землевладения. Это влечет за собой формирование сельского пролетариата, принуждаемого к различным формам несвободного труда. С другой стороны идет массовая миграция обнищавших, лишившихся земли и пролетаризированных людей в новые "глобальные города". В них будет концентрироваться массовая бедность, и эти "глобальные города" станут центрами, в которых снова заполыхает классовая борьба".

Поэтому сегодня как никогда актуальны самопределяемые выступления городского и сельского пролетариата. Но для их успеха по-прежнему необходим радикальный и решительный разрыв с индустриально-капиталистической цивилизацией.

ЛИБЕРТАРНЫЙ КОММУНИЗМ ИЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА?

Реквием по социализму?

«Социализм оказался утопией, и чары его развеялись! Социализм умер!» - Эти и подобные им высказывания можно сегодня услышать со всех сторон. - «Человечество переболело опасной детской болезнью и теперь выздоравливает! Идеи демократии и свободной рыночной экономики наконец-то одержали победу, и теперь уже ничто не сможет омрачить их торжество!» Так или примерно так заявляют лидеры и политики западного мира, а вслед за ними - и вожди новых независимых государств, образовавшихся на развалинах СССР.

Ну что ж, скажем над постелью умирающего прощальное слово и отправим затем покойника в последний путь?

Во избежание недоразумения следует объясниться. Мы не испытываем ни малейшего сожаления в связи с кончиной той общественной модели, которую с таким счастьем отпевают одни и так же сильно оплакивают другие. Крах тоталитарного устройства, так напоминающего мрачный кошмар оруэлловского "1984", можно было бы только приветствовать. Но помимо сомнения в адрес тех, кто идет в похоронной процессии, есть и другие моменты, заставляющие пристальнее всмотреться в единодушное торжество новоявленного "праздника избавления".

Кого же здесь хоронят?

Тоталитарный ленинистский порядок? Да, конечно. Но только ли его? Не присутствуем ли мы при своеобразной переоценке ценностей, да притом таких, которые отнюдь не ограничиваются рамками большевистской модели? Давайте вслушаемся в эти доводы, доносящиеся из похоронной толпы. Хватит экспериментов, хватит утопий! Долой мечты о светлом будущем, "сны о чем-то Большем" — подайте нам гарантированное и сытое настоящее! Довольно вообще фантазий и идеалов — это иллюзии! Истинны только сытое брюхо да набитая мошна: торжествующая психология сверчка, знающего свой шесток...

Виновато ли естественное стремление человека к свободе, равенству, счастью, гармонии, взаимной помощи в том, что тираны использовали его и прикрыли свое царство этими красивыми словами? Виноват ли Христос в зверствах инквизиции, а Будда — в угнетении религиозных меньшинств в буддийских странах?

Так что же умерло? Социализм или Нечто, нацепившее на себя его плащ? Как противники социалистической идеи, так и апологеты потерпевшего поражение устройства здесь оказываются едины, и это невероятно характерно. И для тех и для других именно социализм потерпел поражение, разбит, отступает, умирает.

"На Земле еще не существует социализма" (1), — писал в 1963 г. немецкий революционер Руди Дучке. С тех пор миновало 30 лет, но эти слова по-прежнему остаются горькой правдой. Не будем же отпевать то, что еще не родилось на свет!

Индустриализм и миф о двух системах.

Еще в начале 70-х годов, ученые, далекие от любого социализма, обосновали тезис о "пределах роста". Сопоставив самые различные факторы, такие, как ограниченность природных ресурсов, рост количества ядовитых, вредоносных отходов в результате бурного развития производства, увеличение потребления, климатические изменения, порожденные хозяйственной деятельностью человека, и другие, эти исследователи пришли к заключению, что уже во второй четверти — середине XXI в. человечество ждет уничтожающая и губительная экологическая катастрофа или, возможно, серия таких катастроф. Их следствием может стать вымирание человека как вида либо его деградация.

С тех пор как были сделаны эти прогнозы, прошло 20 лет. Они и оправдали выводы ученых и не оправдали их. Наступление катастрофы оказалось не таким резким и быстрым, в некоторых сферах и странах угрожающие процессы удалось если не остановить, то замедлить. Но главный прогноз, главная тенденция остается в силе. Признать это заставляет нас не только простой вывод о том, что безграничный, бесконечный количественный рост производства и потребления в ограниченной системе планеты Земля с ее конечными возможностями воспроизводства и сложным балансом природных систем невозможен. Сама жизнь — от Чернобыля до озоновой дыры, от умирающих лесов до засух и голода в Африке — подает нам многочисленные признаки надвигающейся беды.

Отбросим сиюминутные нужды и проблемы, оглянемся внимательно вокруг. Да, история, основанная на завоевании и покорении природы и внутреннего мира человека, действительно зашла в тупик. На всем ее протяжении людской род дорогой ценой платил за экономический и технический прогресс. На месте многих процветавших и плодородных речных долин расстилаются пустыни, а некогда богатые и шумные города занесены песками. Но сегодня под угрозой не несколько долин, а всемирная человеческая цивилизация. Наступил день, когда никакие достижения и блага культуры и технического гения, никакое потребительское изобилие уже не в состоянии возместить издержек. Человек последовательно уничтожает основы собственной жизни и жизни грядущих поколений. Как будто он заключил сознательный союз со смертью, подобно гигантским стаям леммингов, неуклонно стремящимся к скалистому обрыву над морем.

Все это отнюдь не предопределенный свыше, религиозный "конец света", не апокалипсис или армагеддон, родившийся в сумеречном сознании. Нет, таков, увы, вполне закономерный итог того типа развития человечества, что издревле был основан на логике господства над всем окружающим как над объектом власти (будь то природа или другие люди), на тотальной жажде обладания и властвования. Десятки человеческих поколений усваивали с детства, что гармония немыслима, невозможна, что выжить в обществе и в окружающем мире можно лишь,

победив в ожесточенной и бескомпромиссной борьбе за существование.

Капитализм — строй, подчинивший всю жизнь человека экономике с ее законами роста, накопления и конкуренции, — негласно начертил эту максиму на своих знаменах. Капиталистический индустриализм довел ее до апогея, единственной и необратимой нормы бытия.

Индустриально-капиталистическая система — вот непосредственный виновник надвигающейся катастрофы, которая приближается медленно кошачьим шагом, заслоняясь от населения наиболее развитых стран грудами товаров, комфортом, бесконечным разнообразием искусственных продуктов, вытесняющих живой мир.

Индустриализм — это не просто тип производства и потребления. Он предстает перед нами как логика, закономерность безграничного увеличения производства, потребления, накопления, материального достатка, с одной стороны, расхищения энергии, сырья и человеческих ресурсов (любой ценой и невзирая на долгосрочные потребности живущих и будущих поколений) — с другой, стандартизации, "формовки" людей — с третьей. Его содержание — лихорадочная гонка за экономической эффективностью, материальным богатством, умножением благ и привилегий, совершенствование контроля и власти. Именно поэтому он неотрывен от бюрократии, от централизованной власти, примата неких "общих" (государственных, национальных, ведомственных, корпоративных и т. п.) интересов перед необходимостью сохранения здоровья и жизни людей, их свободной самореализации.

Этот поезд в огне...

В основе индустриальной экономической системы — особый тип разделения труда, производительные силы, организованные таким образом, что неизбежно возникает предельное разделение между руководителями и исполнителями конкретных, частичных операций. Поэтому существование управляющих и управляемых, тех, кто принимает решения, и тех, кто выполняет приказы, запрограммировано. А вместе с этим предопределены отчуждение и эксплуатация. Причем отчуждение не только экономическое (от продукта своего труда). Оно комплексное, или, если угодно, тотальное: отчуждение от природы, от продуктов своей деятельности, от решений, принимаемых в обществе, от своих подлинных интересов, от себя самого, от других людей. Человек становится своего рода роботом, выполняющим конкретное задание, но не постигающим совокупности и смысла своих собственных действий.

Начавшись как система организации производства, индустриализм распространился на все сферы общественной жизни, сковывая их тем, что М. Вебер назвал "формальной рациональностью". "Рационализируются" все отрасли человеческой деятельности, происходит "замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса" (2), торжествует узкий утилитаризм, форма превращается в самоцель. Модели огромной фабрики, которая работает подобно единому механизму, обеспечивая оптимальный и наиболее эффективный рост прибыли и власти, соответствует и общество, либо функционирующее как единая фабрика по централизованному плану, либо управляемое наиболее "компетентными", то есть выдержавшими испытание в острой конкурентной борьбе менеджерами, технократами, предпринимателями, политиками и иными «специалистами», «солью земли». Демократия сводится лишь к периодическому отбору наиболее "способных" из них. На большее "маленький человек" просто не тянет — таков негласный постулат индустриального общества. Колесику или винтику не обязательно знать, для чего работает машина, лишь бы они прилежно выполняли свои задачи. А чем их "смазать" - сверхличностной, сверхчеловеческой "идеей" или жаждой личного обогащения - это принципиальной роли не играет.

"Рационализируются" не только экономика и управление, но и сама повседневная жизнь людей, их отношение к себе, к окружающему миру, друг к другу. Стремление возобладать над окружающим, над природой и другими людьми, достичь собственного господства над этим миром, чтобы выжить в борьбе за существование, и до этого было стимулом многих человеческих поступков, пусть не единственным. Теперь же этот стимул заслоняет и вытесняет другие. От природы и от людей требуют не гармонии и не взаимопомощи, но исключительно материальной полезности. Наконец, деформируется само мышление человека. Не эта ли "рационализация" мышления побуждает обывателя высмеивать и отвергать любую мечту, фантазию, идею, любой благородный порыв, любую "утопию", вырывающуюся за пределы утилитарной выгоды и серой, усредненной нормы?

Итак, если мы суммируем проявления индустриализма как определенного строя жизни и мышления, то обнаружим две характерные черты. Они

наиболее важны в нашей попытке добраться до коренных причин той опасности, что угрожает человеческому роду. Во-первых, это доведенная до абсолюта логика господства как ведущий стимул любой деятельности. В различных вариантах индустриалистского общественного устройства она может проявляться по-разному: на частнокапиталистическом Западе — в виде погони за прибылью любой ценой, в том мире, который до сих пор прикрывался этикеткой "социализма" с определением "реальный",— как жажда приобрести иерархические привилегии. Но в обоих вариантах человека вынуждают стремиться к власти, к триумфу над всем окружающим. Ибо: топчи — или будешь растоптан сам.

Во-вторых, к важнейшим чертам индустриализма следует отнести предельную специализацию, крайнее разделение труда (техническое и социальное), которое доходит до полного разрыва между руководителем и исполнителем, производителем и потребителем. Этот признак, опять-таки характерный и для "западных" и для "восточных" разновидностей, предопределяет негативные последствия индустриализма: "производство ради производства", разрушающее окружающую среду и игнорирующее действительные нужды природы и потребителей, отчуждение и подчинение человека внешнему диктату (будь то безликие, надличностные законы рынка или произвольные решения управляющей бюрократии), антисолидарное поведение людей, подтачивание человеческой личности, ее творческой фантазии и свободы экономической рациональностью и материально-потребительской ценностной ориентацией.

Индустриализм, конечно, не есть исключение в человеческой истории. В известном смысле это развитие тенденций, которые складывались и накапливались в ходе предшествующей эволюции. Это логическая и, вероятно, последняя стадия в истории обществ, основанных на господстве классовых и государственных структур. Абсолютизированная рациональность, подчинение всех жизненных проявлений экономике и крайнее разделение труда позволяют локализовать индустриализм еще конкретнее — как завершающий этап развитого товарного производства, капитализма. Тот, на котором все вокруг превращается в товар, в объект для подчинения монополии на обладание (собственности) и управление (власти).

Более старый и развитый, своего рода классический вариант индустриализма — западное рыночное общество. Оно наиболее смягчило и комфортабельно обставило свой закат. Ломящиеся от товаров прилавки магазинов, высокое материальное благосостояние значительной части населения в западных метрополиях скрывают от глаз нищету и голод на периферии этой части мира, где-нибудь в Африке или Латинской Америке. Но и в самом центре уже неумолимо тикает часовой механизм экологической мины замедленного действия, напоминая о том, что умирание тоже может быть пышным и изобильным.

Рыночный производитель не знает, найдет ли спрос его товар. Конечно, он предполагает, прогнозирует, но он рискует. Апологеты рыночной экономики видят именно в этом ее достоинство. Дескать, риск заставляет хозяйствовать более эффективно, рационально, прибыльно, порождает изобилие товаров и услуг. Верно, западный рынок порождает изобилие, и измученному дефицитами "советскому" потребителю этого оказалось достаточно. Он наивно поверил, что рынок — идеальный механизм для удовлетворения его потребностей. И при этом забыл о том, что на многие из этих потребностей рыночному производителю, по существу, наплевать. Ведь рынок удовлетворяет лишь потребности людей, обладающих платежеспособным спросом. А им обладают далеко не все, в этом бывшие советские граждане уже смогли убедиться. "Голодный ребенок в Африке, - пишет автор учебника по маркетингу, - имеет потребность в хлебе, *но не обладает спросом на хлеб"*. Индийский, китайский или африканский крестьянин, живущий полунатуральным хозяйством, житель кварталов нищеты в Азии или Латинской Америке, перебивающийся случайными заработками или милостыней, российский рабочий, мясяцами не получающий зарплату, - все они почти не имеют дела с живыми деньгами, они находятся на далекой переферии рыночной системы или даже полностью выброшены из нее. Их потребности рыночные производители практически не учитывают. Половина или даже большая часть населения земного шара, особенно в экономически слаборазвитых регионах находится в таком положении.

«В современном мире заинтересованность в экономическом росте (плодами которого пользуются немногие) больше, чем заинтересованность в том, чтобы обеспечить всех людей всем необходимым. Если, как предрекают, 20% населения, работающего по найму, будет достаточно для мирового капитализма, возникает вопрос, какой же интерес будут иметь остальные 80% в сохранении мирового капитализма, если они не будут иметь никаких жизненных и социальных гарантий» - пишет немецкий левый журнал "Шварцен Фаден"?

Но и с теми, кто обладает возможностью платить, не все просто. Если удовлетворять тот или иной запрос потребителя рыночному предпринимателю не выгодно, он выберет иной путь: постарается убедить покупателя, что ему нужен именно тот товар, который он, производитель, изготовляет. Если потребности нет — ее нужно создать. Это и называется маркетингом. "На самом деле, - говорится все в том же учебнике маркетинга, - корпорации не удовлетворяют спрос, а создают его". Исследуя доходы, виды деятельности, способы развлечений, наконец психологические особенности той или иной категории потребителей, корпорации выбрасывают на рынок товар, который потребители данной категории, возможно, захотят приобрести. Пускается в ход все, начиная от реальных потребностей людей в том или ином предмете и кончая тонкой игрой на слабостях человека, на его амбициях. На него непрерывно обрушивается, своего рода, поток соблазнов, зачастую самого низкого пошиба, и этим соблазнам бывает очень трудно противостоять. Вся эта тончайшая монипулятивная кухня дополняется мощной психологической обработкой - рекламой, зачастую воздействующей уже на подсознание человека.

Результаты оказались ужасными. Целый мир искусственных, стимулированных потребностей все больше и больше вытесняет подлинные реальные потребности человека. Производитель манипулирует желаниями людей, побуждая их приобретать все больше не столь уж нужных, а то и попросту ненужных им вещей. И производство таких вещей растет неуклонно, из года в год. "Производство ради производства" подстегивает "потребление ради

потребления". Изготовляется намного больше товаров, чем общество в состоянии потребить.

"Ну и что же здесь ужасного?" — может спросить иной гражданин, которому и в наши трудные дни, несмотря ни на что, доступны все радости рыночного потребления.

Ужасно то, ответим мы, что для производства всей этой груды товаров затрачивается больше сырья, энергии и человеческих сил, чем это необходимо и допустимо. Растет не только гора благ и услуг — растут и кучи отходов, груды мусора. Рыночное общество оказывается на поверку расточительным и разрушительным. Экономическая рациональность рынка оборачивается экологической нерациональностью. Змея пожирает собственный хвост. Рынок "диктует... беспощадное требование "расти или умри" (3), — пишет современный американский анархист и эколог М. Букчин. А французский экосоциалист А. Горц суммирует: порождаемый рынком "разрыв решений о производстве и потреблении пробуждает на всех уровнях тенденцию к максимальному росту" (4). Но это означает именно последовательное, упорное, комфортабельное (для некоторых) сползание в экологическую пропасть!

Рыночный капитализм — это общество, развившее экономику до ее высшего предела, подчинившее ей всю остальную жизнь людей. А погибнет он от того, что экономика как раз игнорирует, — от экологических неразрешимых проблем. Вопрос только в том, погибнет ли он один, или увлечет в смертельную бездну человеческий род? Индустриалистическая логика господства и количественного роста оказывается сердцевиной рыночной экономики, а потому, не устранив ее, невозможно ни освободить человека от диктата внешних сил, ни спасти нашу планету.

Каким бы уязвимым ни был западный вариант индустриализма, он оказался все же сильнее своего восточного конкурента — так называемого "реального социализма". Правители и апологеты этой модели избрали в качестве своего идейного оружия теорию о "двух системах". Они объявляли свое общество альтернативой "западному капитализму", коренным образом отличной от него и ведущей с ним непримиримую борьбу. Они гордо и самонадеянно уверяли, будто их "социализм" окажется победителем в этой долгой войне (иногда "холодной", чаще "горячей") и восторжествует не только политически, но и экономически. Надежды эти оказались таким же несбыточным мифом, как и сам тезис о "двух противостоящих друг другу системах".

Никаких двух систем не было и в помине. Существовали две разновидности одной и той же системы — капиталистического индустриализма. И принципиально они не отличались друг от друга.

Бюрократическое централистское руководство в обществах - так называемого "реального социализма" отнюдь не устранило обменный, товарный характер производства. Разрыв между производителями и потребителями сохранялся, но обмен стал осуществляться не частными лицами, а государством с помощью определяемых им монопольных цен. Как и в условиях рыночной экономики, человек не имел возможности определять, как ему следует жить, трудиться и распоряжаться своим свободным временем.

А. Горц в "Критике экономического разума" выделял две формы несвободы человека, две разновидности положения, при котором его воля скована, а собственная деятельность и вся жизнь общества ускользают из-под его сознательного контроля (5). Первая форма проистекает из многочисленности несогласованных эгоистических действий индивидов. Именно так происходит при рыночной экономике. "Их действия обретают некую связанность в виде внешнего вектора, устанавливающегося в ходе рыночных процессов, но эта связанность — результат случая. Он, как и в термодинамике, основан на чисто статистических законах и не имеет ни смысла, ни цели" (6). Итог не отвечает задачам, которые ставят перед собой участники процесса, их жизнь подчинена, таким образом, внешним, чуждым им "закономерностям". Это и рождает разрушительность, неразумность рыночного общества, толкает его к экологической катастрофе.

Но есть другая форма несвободы, другой тип отчуждения. Это подчинение людей могущественной организационной структуре, что побуждает их предпринять действия, смысл и цель которых люди не осознают. Отдельные индивиды все так же оторваны друг от друга, не постигают, не видят и не контролируют целого. За них решает всемогущий механизм, предполагающий, что он знает все. Таким механизмом является государство и его бюрократия, а орудием ее становится централизованное планирование сверху. Таким образом, в обществах "реального социализма", как и при "классическом" западном капитализме, жизнь не подчинялась свободной согласованной воле людей, но определяющие функции передавались не внешним по отношению к индивидам законам рынка, а правящей бюрократии. С другой стороны, бюрократия подобно частным или коллективным капиталистам стремилась к тотальному господству, для чего ей был необходим все тот же безграничный индустриальный рост и экспансия вовне. Экономика все так же торжествовала над экологической гармонией и над свободой человеческой личности. Более того, произвол бюрократического управления, равнодушие чиновников к потребностям природы, людей, вообще ко всем сферам, не приносящим бюрократии непосредственного расширения ее власти и могущества, порождали постоянные экономические диспропорции и дефициты.

"Исторической миссией" российского большевизма стало создание с помощью государства гигантских, ориентированных, в основном, на военные цели заводов, где работники находились под тяжелейшим эксплуататорским прессом и под жесточайшим контролем государственной бюрократии, присваивавшей себе все результаты их труда. Так, под лозунгами социализма и коммунизма создавалась основа индустриального капитализма с огромными армиями наемных рабов.

Когда во время первой мировой войны Германия ввела у себя "принудительное хозяйство" почти во всех отраслях промышленности, немецкое государство устанавливало твердые цены, отбирало весь продукт, нормировало распределение не только промышленного сырья, но и непосредственного потребления людей путем карточек и пайков. Государство глубоко вторглось в сферу частных интересов, заменив рынок централизованным обменом между отраслями экономики, способствовало созданию огромных промышленных монополий. Была отменена свободная

торговля и введена принудительная трудовая повинность. Ленин в 1917 году охарактеризовал эту систему как "военно-государственный монополистический капитализм" и назвал ее "военной каторгой для рабочих". Вместе с тем он утверждал, что государственно-монополистический капитализм полностью обеспечивает материальную подготовку социализма и между государственно-монополистическим капитализмом и социализмом "никаких промежуточных ступеней нет". Нужно только поставить вместо государства капиталистического государство рабочее. Получалась удивительная вещь: оказывается для перехода к социализму "на военной каторге для рабочих" требовалась лишь смена правительства и изменение структуры госаппарата

"Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут", - не допуская возражений, провозглашал Сталин в конце 20-х годов. Особенная скорость и жестокость индустриализации 30-х годов, в ходе которой были уничтожены миллионы людей, объяснялась, по словам немецкого исследователя Р.Курца, тем, что "в нее, невероятно короткую по времени, уложилась эпоха капиталистического развития (Запада) длиною в две сотни лет: меркантилизм и Французская революция, процесс индустриализации и империалистическая военная экономика, слитые вместе". Оказавшись у власти в огромной стране, правящая партийно-хозяйственная номенклатура, по существу, очутилась в том же положении, что и царский режим. Она не меньше его стремилась к имперской, державной политике, но материальная база для такого курса оставалась по-прежнему чрезвычайно узкой. Для этого понадобилась бы широкомасштабная модернизация страны, создание мощной современной тяжелой и военной промышленности. С этим власти связывали не только решение внутренних проблем, но и независимость и мощь государства, а значит, стабильность господства и привилегий правящего слоя. Партийно-государственная бюрократия рассчитывала на то, что "... опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, проводя строжайший режим экономии, можно будет накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии» (Сталин). Речь шла, по существу, о специфическом государственном капитализме, при котором государство бюрократии действовало более или менее как совокупный капиталист, как огромная раздувшаяся капиталистическая фабрика. Эта гигантская корпорация под названием СССР была интегрирована в мировую экономику. Она продавала за границу сырье - в 30-е годы – золото, добывавшееся главным образом системой концлагерей и хлеб, выкаченный из деревни с помощью коллективизации, а в более поздний период – нефть, газ, лес, золото, алмазы и т.д. Средства, полученные от экспорта, использовались как для осуществления индустриализации (так, только по германо-советским торговым соглашениям, действовашим с 1931 по 1936 годы была получена значительная часть станков для строящихся советских заводов в обмен на хлеб и золото), так и для поддержания внутренней стабильности режима.

В течение одного десятилетия Россия превратилась из преимущественно аграрной страны в индустриальную супердержаву мирового значения. Для того, чтобы быстро осуществить столь грандиозную структурную перестройку народного хозяйства, требовалась не менее грандиозная насильственная ломка сознания людей, которым отныне предстояло жить в новых условиях. Нужно было так же подавлять в зародыше всякие попытки сопротивления.

Используя индустриальную капиталистическую технологию, государственная бюрократия стран "реального социализма" переняла и индустриалистический капиталистический облик производительных сил с его крайним социальным и техническим разделением труда, с полным подчинением человека технологическому процессу производства, всеобщую систему наемного рабства, рационализацию политической структуры общества, и, наконец, капиталистическую модель потребления, основанную на накоплении материальных ценностей и стремлении к обогащению. Но именно здесь ее и подстерегал рок. Первоначально попытка развивать индустриально-капиталистическое производство лучше капиталистов и без капиталистов удавалась благодаря гигантской концентрации и централизации сил (в руках государства). Эти преимущества долго помогали бюрократии в борьбе с ее зарубежными конкурентами. Но постепенно она стала сдавать, не справляясь со все усложняющейся системой производственной и общественной жизни.

Советская индустриальная модель позволяла успешно осуществлять некоторые современные производственные проекты (прежде всего в военной области) за счет гигантской концентрации усилий всей экономики страны. Но при этом бюрократическая машина государства была крайне неповоротлива. Вынужденная контролировать все и вся в огромной стране, она не могла обеспечить гибкое динамичное реагирование на изменения, происходящие в мире. В условиях глобальной технологической революции советское технологическое отставание стало фатальным, в том числе и в такой сверхважной для любой крупной империалистической державы сфере как военная техника. СССР проиграл технологическое и военное соревнование с западным капитализмом.

Кроме того, именно в оборонке концентрировались лучшие, наиболее профессиональные кадры рабочих и специалистов. И на оборонку работала колоссальная часть "мирной" промышленности: одни добывали руду, другие плавили сталь, третьи делали из этой стали танки, а танки стояли где-нибудь в Восточной Европе. Но поскольку завоевательная политика, имеющая целью ограбление чужих территорий, в ядерную эпоху стала невозможной, советский ВПК работал практически вхолостую, транжиря ресурсы страны и не давая ей взамен ничего ценного. Существование советской экономики, производившей мало ценных нужных населению товаров (сельское хозяйство было в основном разрушено, благодаря колхозам, а о советской легкой промышленности с ее "знаками качества" вообще трудно говорить всерьез), обеспечивалось за счет экспорта нефти и газа, а так же некоторых других видов сырья. Именно за счет экспортно-импортных операций и удавалось поддерживать более-менее сносный уровень жизни населения в СССР. Падение же цен на нефть в 80-е

годы привело к краху советской экономики.

Советский государственный капитализм в конце концов оказался в тисках глубочайшего кризиса. Диспропорции и дефициты умножались, став постоянным кошмаром "тришкиного кафтана". Дали сбой старые стимулы: нельзя бесконечно управлять кнутом, а на пряник уже не хватало ресурсов. Наконец, эгоистические и потребительские притязания разодрали на части некогда монолитную твердыню правящей бюрократии и дело закончилось переделом имперского пирога между различными региональными группировками бюрократии. Это процесс, имеющий свою собственную логику, продолжается и в наши дни.

С крушением "реального социализма" рухнул и миф о "двух системах". Выяснилось, что диктатура и представительная демократия, сверхцентролизованная тоталитарная экономика и свободный рынок - с поразительной быстротой адаптируются к изменившимся условиям и переходят друг в друга. При этом бывшие партийные бонзы на глазах превращаются в демократических политиков – твердых сторонников парламентских свобод и laissez faire, а бывшие советские хозяйственники – в новоиспеченных Ротшильдов и Рокфеллеров. Оглядываясь назад после десятилетий безумной борьбы за гегемонию в мире, мы можем теперь ясно увидеть: никакого противостояния двух альтернативных друг другу систем не было. Были лишь два пути лихорадочного развития капиталистического индустриализма, каждый из которых представлял собой, оборотную сторону, тень другого. Несмотря на различия в условиях собственности (государственной или частной) и конкуренции (управляемой или рыночной), оба вели в принципе к одному и тому же — к катастрофическим последствиям в сфере экологии и к разрушению человеческой личности. Насилие над Землей и людьми восторжествовало и на Востоке и на Западе. Разными дорогами подошли эти разновидности индустриализма к порогу катастрофы. Но оба оказались в итоге над одним и тем же обрывом.

В поисках "меньшего зла".

Сила привычки и сила воспитания, вся тяжесть устоявшихся норм и авторитета, вся мощь пропаганды, наконец, сам доминирующий стиль жизни заставляют человека избегать "экстремистских крайностей", чураться "утопических фантазий". К тому же индустриализм в его высших проявлениях комфортабелен, и этот комфорт исподволь подточил волю к переменам. Нет, изменения, конечно, необходимы, но пусть они не заставляют нас отказаться от наших привычек и слабостей, пусть не подвергают риску неизведанного, не заставляют искать, мыслить и решать самостоятельно. Только без крутых поворотов! Пусть будет золотая середина. И люди отправляются в путешествие на поиски нового святого Грааля — меньшего зла. Она очень длинна, история этого путешествия! По-разному назывались его цели, но путь всегда был бесплоден и вел к миражу.

С помощью мягких, постепенных, бережных изменений предполагается придать рыночной экономике новые черты, создать "постиндустриальное общество". Не фабричное серийное производство с его гигантскими заводами и разрушающими среду технологиями, а гибкая, автоматизированная цивилизация услуг должны будут определять лицо грядущего мира. Капиталистические фирмы и компании, рыночные производители осознают выгодность и прибыльность экологичной техники, "чистого" производства и "чистой" продукции. Капиталистическая рыночная экономика станет, таким образом, постиндустриальной, личностной и экологической, и тень катастрофы развеется.

Многое на сегодняшнем Западе, как кажется, даже подтверждает эти прогнозы. "Прочь от старых, больших, "тяжелых" и грязных индустрий с дымовыми трубами к современным, небольшим, децентрализованным и вроде бы чистым индустриям с "высокой технологией", "мягкой" химии — и к "экологически приемлемым услугам", — таков был лозунг капитала. И частично это развитие произошло" (7), — подытоживал немецкий либертарный журнал "Уайлдкэт". Современный капиталист зачастую охотно "экологизирует" свое производство, вкладывает средства в альтернативную энергетику, сельское хозяйство без химических удобрений, децентрализованное планирование развития городов, рециклинг; почти на всех предприятиях созданы экологические комиссии, должности экологических уполномоченных. Кое-где стали чище воздух и вода. Наконец, опережающий рост сферы услуг (так называемой "третичной сферы") по сравнению с материальным производством доказывается почти всеми статистическими исследованиями. И все же...

Разберемся вначале, насколько удается западному капитализму стать "постиндустриальным". Все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в понятия индустриализма и постиндустриализма. В глазах апологетов и защитников рыночной экономики разница между ними — всего лишь в отличии промышленной цивилизации от цивилизации услуг. Сводя различие лишь к поверхностной проблеме соотношения двух хозяйственных секторов (промышленного и услуг) или исключительно к фактору автоматизации, эти теоретики упускают главное в индустриализме — отчужденный, товарный (на продажу) характер производства, разделение труда, обусловливающее господство человека над человеком, стимулы к бесконечному росту экономики за счет природы, унификацию и стандартизацию товаров, связанную с господством производства над потреблением. Сама рыночная система порождает неизбежную одномерность, однонаправленность человека, превращает его в узкофункциональный механизм, предназначенный, главным образом, для получения прибыли и приобретение материального достатка. Политика, культура, язык, право, искусство, господствующая мораль подчиняются вышеупомянутому императиву и изменяются в соответствии с требованиями решения главной задачи.

А потому вышеупомянутые теоретики не говорят о простом и очевидном факте: речь идет не об отказе от капиталистического индустриализма, а, напротив, о его распространении на новые сферы, в частности на сферу услуг. Как справедливо замечает А. Горц, информатизация должна "позволить индустриализировать ремесленные услуги человека человеку, приватизировать ранее общественные службы и превратить производство в вид деятельности, которую

выполняют сами потребители с помощью средств, поставляемых индустрией" (8). Отныне уже не только материальные, но и иные потребности людям придется удовлетворять через рынок. Но это означает дальнейшее вытеснение отношений самопомощи, взаимопомощи, самодеятельности и т. д., сокращение производства индивидуально предназначенных благ и услуг и гигантское расширение сферы анонимного, стандартизированного, коммерческого производства. Все это лишь усиливает деградацию, отчуждение и рабство человеческой личности. Создавая новый рынок, технологический переворот обостряет конкуренцию, борьбу всех против всех; тем самым господство человека над человеком не только не устраняется, но, напротив, увеличивается.

Столь же необоснованными выглядят претензии "постиндустриального капитализма" на мир с природой. Не принося гармонии во взаимоотношения между людьми, он не может и стать экологичным. По словам того же журнала "Уайлдкэт", "с помощью "защиты окружающей среды" капитализируются все новые и новые сферы" (9). Природа все больше превращается в товар; естественные блага, воздух, вода — даже то, что прежде было бесплатным, — продаются и покупаются, а значит, и расхищаются во имя прибыли. Они предлагаются немногим, тем, кто, опять таки, обладает платежеспособным спросом. На остальных эта логика не распространяется, так что вредные производства просто переводятся в менее развитые регионы и страны, где население радо любой работе на любых условиях и потому готово поступиться экологическими гарантиями (или оказывается не в состоянии предъявить на них платежеспособный спрос). Такая политика только приближает экологическую катастрофу. Мы все, нравится это кому-то или нет, живем на одной планете. Очевидно, что экокатастрофы в одних регионах неизбежно скажутся на всех остальных регионах. Наконец сам принцип обладания, господства человека над человеком и природой, неразрывно связанный с принципом частной собственности, с рыночной логикой купли-продажи, разрушителен и для человека и для природы, даже в том случае, если собственник любит чистый воздух. Нельзя относиться к природе (равно как и к человеку) потребительски, такая логика неизбежно приведет к разрушению как объекта обладания так и его субъекта. Это неопровержимо доказал один из крупнейших психологов и социологов XX столетия Эрих Фромм.

Порочная логика "производства ради производства" и "потребления ради потребления" — эти неотъемлемые признаки капиталистического индустриализма — лишь подчиняет себе новые, постиндустриальные и экологичные технологии, которые в иных условиях, быть может, могли бы стать фактором освобождения и гармонии. Орудие свободы и мира становится инструментом разрушения и всеобщей конкурентной войны.

Реформистские левые сознают, что капитализм не может быть "постиндустриализован" и "экологизирован". Но и они не желают рвать с тем, что считают достижениями нашей цивилизации, — развитым разделением труда, специализацией и стандартизацией, рыночными отношениями, стремлением к выгоде как стимулу экономического развития. Они предпочитают разрабатывать проекты "рыночного социализма", который призван, по их расчетам, соединить и примирить социальную справедливость с конкуренцией, самоуправление производителя и потребителя с рынком, спасение природы с экономической эффективностью и получением прибыли.

Насколько реальны эти надежды? Их можно понять как реакцию на провал модели "централизованного планирования" и всего восточноевропейского псевдосоциализма. Но оправдать их нельзя. В истории человечества были только две логики, только два стимула поступков. Одни опирались и опираются на унаследованный от природы инстинкт взаимопомощи, в их основе — солидарность и гармония. Другие — стихия взаимной конкуренции, господства и ненависти, кровавой борьбы друг с другом ради собственной утилитарной выгоды. И подобно тому, как (говоря словами Козьмы Пруткова) нельзя объять необъятное, столь же невозможно, немыслимо соединить несоединимое. Либо одно, либо другое.

Трагедия Кассандры была в том, что люди не часто верят в предостережения, особенно если им кажется удобным не следовать им. Но осознание того, что человек все-таки разумен, заставляет нас не поддаваться либерально-рыночному духу времени и не делать ему уступок. Поэтому мы напомним здесь предупреждение П. А. Кропоткина: "... Никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал... Наемный труд начал свое существование именно с этого принципа — "каждому по его трудам", - и привел он нас понемногу к самому явному неравенству и ко всем возмутительным явлениям современного общества. С того дня, когда люди начали мерить услуги, оказываемые обществу, платя за них деньгами..., — с того дня, когда было заявлено, что каждый будет получать столько, сколько он сможет заставить себе платить за свои услуги, — с этого дня вся история капиталистического общества была (при содействии государства) написана заранее... Неужели же мы должны теперь опять вернуться к этому исходному пункту и вновь пройти через то же развитие?" (10).

Увы, к этому предостережению пока что не особенно прислушиваются, забывая, что история, по образному выражению историка В. О. Ключевского, может жестоко проучить тех, кто не желает у нее учиться. Даже самые левые, революционные марксисты из тех, кто убеждены в необходимости общества самоуправления и самоопределения человека, даже они по-прежнему пребывают в плену абсолютизированных гегельянских догм. Они уверяют (и в этом оказываются неожиданно согласны с социал-дарвинистами!), будто лишь в борьбе состоит развитие, будто без противоречий невозможен прогресс, а гармония — это застой и энтропия. Они допускают возможность общества, где описанные нами противоположные принципы сосуществуют в длительной продолжающейся борьбе "на вытеснение". У самых левых речь идет о переходном периоде. У более "умеренных" или "рыночных социалистов" — о совершенной и законченной модели. Считая дисгармонию орудием гармонии, уверяя, будто рынок "отомрет" через собственное распыление, расширение или, наоборот через государственный контроль над ним, они изображают господство как инструмент свободы.

Экологическая политэкономия давно доказала, что рыночные отношения наносят огромный ущерб окружающей среде. Профессор Капп в своей ставшей уже классической работе "Социальные издержки частного предпринимательства" (вышла впервые в 1960 г.) приходит к выводу, что "экономика свободного предпринимательства должна быть охарактеризована как экономика неоплаченных издержек... в той мере, в какой подлинные издержки производства вообще не учитываются предпринимателем. Эта часть производственных издержек перекладывается на третьих лиц или на общество и фактически лежит на них" (12).

Гаррет Хардин прекрасно продемонстрировал, как это происходит, в великолепном теоретико-игровом сценарии "Трагедия Альменде". Предположим, каждый фермер может выпускать пастись на общественное пастбище столько своих коров, сколько он сможет. Однажды общее количество скота достигнет такого предела, после которого "каждая дополнительно выпущенная корова будет давать меньший удой молока с головы. Но это снижение удоев будет происходить за счет всех, в то время как каждый отдельный крестьянин сможет и дальше повышать собственное производство молока, увеличивая число своих коров. Его интерес будет состоять в том, чтобы увеличивать собственное стадо так быстро, как это возможно, причем быстрее, чем все остальные. Преследуя свою индивидуальную выгоду, — подытоживает А. Горц сценарий Г. Хардина, — отдельный крестьянин неотвратимо приближает общую катастрофу" (13).

Любой индивидуальный или коллективный товаропроизводитель в рыночной системе заинтересован произвести пусть вредную, но наиболее дешевую по себестоимости продукцию и продать ее как можно дороже. Что это - бомбы, яды или просто никчемная дребедень - не имеет никакого значения. Как-то по российскому телевидению был показан фермер, потчующий своих свиней БВК — искусственной биологической добавкой к корму, опасной при производстве и канцерогенной при потреблении мяса животных. Он прекрасно знал о последствиях, но его это не особенно интересовало. Дело-то выгодное: свиньи растут быстрее... Предостережение, которое, увы, не было услышано!

Остается, правда, еще возможность стимулировать предпринимателей на экологические меры с помощью государственных штрафов и льгот. Но во-первых, это будет уже вмешательством в столь любимую ныне "свободную игру" рыночных сил, а во-вторых, нигде в мире это еще не решило экологических проблем (максимум кое-где смягчило их). Дело в том, что не существует возможности реально ограничить экологический ущерб, который наносит природе (и человеку) индустриальный капитализм, потому что в этой системе господствуют императивы прибыли и материального производства, составляющие ее сущность, а все прочие идеи неизбежно маргинализируются и интегрируются в капиталистическую реальность.

Однако страны Восточной Европы и бывший Советский Союз не избрали даже этот весьма сомнительный путь "рыночного социализма". Они сочли, что их "меньшее зло" в другом — в попытке сменить государственный капитализм на обыкновенный западный, рыночный капитализм. При этом российские либералы обнаружили у частнокапиталистической модели такие преимущества и достоинства, на каких не рискуют настаивать и самые убежденные ее апологеты в Западной Европе, Японии или Северной Америке. Но попытки ввести на территории бывшего СССР рыночный капитализм с треском провалились.

Мы можем видеть в России, как и в большинстве стран мира, преимущественный бурный рост спекулятивного и посреднического капитала, который избегает вкладывать крупные суммы в производство. Иностранный капитал тоже не рвется делать инвестиции в странах, где отсутствует социальная и политическая стабильность. Между тем, о какой стабильности можно говорить в условиях, когда большая часть населения живет в нищете? Пример восточноевропейских стран и "третьего мира" наглядно показывает, что массового производства для массового потребления здесь не получается. Здесь возможен лишь экономический рост в отдельных секторах экономики, обслуживающих, прежде всего, потребности имущей элиты (например, производство предметов роскоши). В социальном отношении это общество с чудовищной поляризацией богатства и бедности.

Разрушительные стороны рыночной экономики, о которых уже шла речь, дополнительно усугубляют тот тяжелый ущерб, что был нанесен окружающей среде в предшествующие годы централизованно-бюрократическим руководством и планированием сверху. Правда, из-за падения производства, экологическая ситуация на территории бывшего СССР кое-где улучшилась. Но с другой стороны, к обычным повсюду негативным последствиям рынка — торжеству краткосрочных хозяйственных интересов, слепой погоне за экономической эффективностью, производительностью и прибылью любой ценой, отсутствию контроля над производством со стороны потребителя, разграблению ресурсов — добавилась и особенность менее развитых стран — нежелание владельцев капитала финансировать экологическую переориентацию промышленности, энергетики и т. д., отсутствие элементарных правил экологической безопасности. Сейчас обсуждаются выгодные с коммерческой точки зрения проекты, предусматривающие складирование на территории России ядерных отходов транснациональных корпораций! В сельском хозяйстве введение частного земледелия и землепользования неизбежно приведет к резкой интенсификации эксплуатации почвы, ускоренному разрушению почвенного слоя и к бесконтрольному применению химических удобрений и вредоносных средств защиты растений. И это в ситуации, когда по данным Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), до 70% аграрных земель в бывшем Советском Союзе находится под угрозой эрозии!

"Экологизированный и постиндустриальный" капитализм, "рыночный социализм", переход от государственного капитализма к рынку — таковы те дороги, на которых люди хотят найти сегодня "меньшее зло". Мы попытались обнаружить за туманной, красивой дымкой слов обещаний изгибы, повороты, выбоины и пропасти этих дорог. А потому можем теперь подвести итог: как централизованная бюрократическая модель общества с его планированием сверху, так и рыночная экономика и любые попытки их совместить в равной

мере приносят жизнь, свободу, здоровье, благо людей и экологическое равновесие в жертву власти, господству, конкуренции, накоплению материальных благ. Меньшего зла нет. Единственный выход, единственная возможность остановить надвигающуюся катастрофу — порвать с самой логикой господства и с орудиями этого господства. "Собственность, господство, иерархия и государство во всех их формах и проявлениях немыслимы для дальнейшего существования биосферы, — писал М. Букчин. — ... Любая попытка реформировать общественный строй, который натравливает человека на все силы жизни, — грубый обман, служащий лишь сохранению существующих институтов" (14).

Человеческий род сможет спасти себя и мир вокруг себя, лишь водворив гармонию между людьми и между человеком и природой, лишь поставив взаимопомощь и солидарность на место конкуренции и подавления. Но этому соответствуют и иные, альтернативные сегодняшним формы взаимоотношений людей, а следовательно, и новое общество.

Альтернатива сегодняшнего и завтрашнего дня предельно проста и сурова. Либо люди отыщут новый общественный строй гармонии, либо действительно наступит конец времен и больше уже не будет ничего. Есть лишь один способ превратить технологию, с помощью которой люди до сих пор завоевывали и эксплуатировали планету и себе подобных, в основу новой жизни. По словам М. Букчина, следует "преодолеть не только буржуазное общество, но и живучее наследие имущих: патриархальную семью, систему (гигантских) городов, государство; должен быть преодолен исторический разрыв, разделяющий дух и чувственность, индивид и общество, город и деревню, труд и игру, человека и природу. Дух спонтанности и многообразия, пронизывающий экологическое восприятие естественного мира, должен теперь снизойти на революционные изменения и утопию вновь создаваемого общества" (15).

Обрести гармонию с природой и с людьми — это значит преодолеть отчуждение, диктат со стороны внешних сил, угнетение и индустриальное разделение труда. Это значит заменить государство, бюрократию и иерархию социальной и личностной автономией и самоуправлением отдельных людей и их ассоциацией, а конкуренцию и взаимную борьбу эгоистов — солидарной взаимопомощью, добровольной координацией интересов и потребностей. Предоставим трусам и скептикам считать все это несбыточной мечтой. Наша задача — холодно, трезво, прогностически установить: либо такой прорыв будет совершен, либо мы погибнем!

Коммунитаризм.

В современных обществах можно обнаружить три неравные социальные сферы. Это прежде всего государство как институционализированная сфера власти и господства, затем — буржуазное гражданское общество, образующее неинституционализированную основу государства, также проникнутое духом и логикой господства, иерархии и эксплуатации, и элементы развивающегося снизу альтернативного (в потенциале — либертарного) гражданского общества, стремящегося освободиться от господства, иерархии и эксплуатации. Представляя собой историческое развитие человеческой наклонности к взаимной помощи, эти элементы выступают в форме самоорганизации и самоуправления людей: рабочих организаций, гражданских инициатив, объединений жителей, различных коммун, самоуправляющихся групп и ассоциаций производителей и потребителей, и т. д. и т. п. — короче, в виде разнообразных добровольных социальных экспериментов, позволяющих строить жизнь и производить по-новому.

Прежде всего, возникновение и развитие альтернативных общественных структур отразило стремление объединившихся в них людей восстановить целостность человеческого бытия, единство труда, быта и досуга (свободного времени). Были опробованы различные формы такого соединения, наиболее совершенной оказалась до сих пор модель небольшой самоуправляющейся и в тенденции самообеспечивающейся основными продуктами и благами коммуны (общины), концентрирующей труд и досуг свободных, творческих и разносторонне умелых людей. По оценке теоретика движения кибуцев М. Бубера, "подлинная и устойчивая реорганизация общества изнутри может быть осуществлена лишь посредством соединения производителей и потребителей... сила и жизненность которого может быть обеспечена лишь системой взаимодействующих, полностью коллективных общин" (16). Таким образом, коммуна представляется наиболее оптимальной формой реальной ассоциации производителей и потребителей. В законченном виде такая автономная коммуна социализирует производство и берет его в свое распоряжение и под свой контроль. Интересный и полезный коммунитарный опыт был накоплен в аграрных коммунах Арагона в 30-е годы, и израильских кибуцах, многочисленных коммунах в странах Европы, Америки, Азии и т. д.

Оценивая в начале века причины неудачи или сравнительно малого распространения коммун (общин), П. А. Кропоткин пришел к выводам, которые актуальны до сих пор. Во-первых, многие общины строились и поныне строятся не на либертарных (анархических), а на авторитарных или полурелигиозных основах. Особенно это касается объединений, создаваемых приверженцами некоторых духовных сект.

Вторая причина — это изолированность коммун, которая делает внутреннюю жизнь скучной, рутинной, однообразной, заставляя людей ежедневно иметь дело с одними и теми же коллегами. Это часто заставляет молодежь покидать общину (как это имеет место, например, в израильских кибуцах). Помимо этого, изолированность заставляет коммуну (если она не находится на полном самообеспечении, а это достаточно редкий случай!) продавать продукты своего труда на рынке, то есть играть в системе общественного труда по существу ту же роль, которую играет индивидуальный предприниматель-капиталист. Поэтому Кропоткин рекомендовал объединять общины в локальные, региональные и т. п. федерации, с тем чтобы обеспечить в них более или менее разнообразное (диверсифицированное) хозяйство, свободу перехода из одной коммуны в другую (17). Объединяясь снизу, такие коммуны могли бы образовать систему, покрывающую собой все общество.

Экологические императивы и информатизационная технология "предписывают" облик производства в таком

коммунитарном обществе: небольшие по размерам, гибкие компактные организационные формы, не допускающие детализированного разделения труда, технического и социального отчуждения человека, не разрушающие окружающую среду и основы жизни людей. Постиндустриальные и экологические технологии отнюдь не противоречат коммунитарным общественным формам. Более того, М. Букчин еще в 1966 г. доказал (в статье "За освободительную технологию") (18), что при информатизации, децентрализации, экологизации и небольших размерах производства его коммунитарное ведение не только возможно, но и благоприятно. Соединение экологических критериев с производственным самоуправлением было осуществлено на практике не только некоторыми коммунами, но и кооперативными трудовыми группами (так называемыми "альтернативными проектами").

Важное преимущество коммуны состоит в том, что производители и потребители в ней имеют возможность совместно и солидарно определять, что, где и как будет производиться и потребляться. Таким образом, производство ориентируется на удовлетворение вполне конкретных потребностей, на основе свободного договора обеспечивается взаимная координация потребностей и возможностей. Пути такого "планирования снизу" были подсказаны опытом ряда коммун и потребительских ассоциации: потребители суммируют свои потребности на регулярных общих собраниях и координируют затем эти решения с производственными возможностями либо в экономических органах коммуны (вместе с самоуправляющимися производителями), либо на общих собраниях коммун.

В свою очередь заинтересованные коммуны, объединенные в отдельные региональные и межрегиональные федерации, самоуправляющиеся производители и потребители могут совместно и солидарно, суммируя и координируя свои потребности и возможности, развивать более крупные промышленные и транспортные объекты, которые служат более чем одной коммуне. Подчинение экономических решений общественной договоренности, свободной согласованной воле людей позволит покончить с "экономическим" обществом, с порабощением человека экономикой.

Люди, желающие выжить в достойных их условиях, вынуждены будут отказаться от господства над природой и себе подобными. Но это означает коренное изменение процессов и путей принятия общественных решений, замену "внешнего регулирования" (со стороны централизованно-планирующей бюрократии либо стихийных рыночных законов) самоуправлением и федеративным договорным "планированием" снизу.

Некоторые альтернативные сообщества уже предприняли определенные шаги в этом направлении. Так, ряд анархических коммун во Франции выдвинул идею "непрямого обмена", в соответствии с которым каждый член договорившейся коммуны может прийти на склад в любой из них и взять себе то, в чем он нуждается.

Что касается распределения внутри коммун (общин) и будущего коммунитарного общества в целом, то практика альтернативных движений четко выразила тягу людей к гармонии и социальному равенству. Речь не идет о той карикатурной, казарменной "уравниловке", которую власть имущие приписывают левым, чтобы потом пугать этим страшилищем обывателя. Напротив, это современное общество господства нивелирует и усредняет людей. Задача левых в ином — в том, чтобы, говоря словами М. Букчина, заменять неравенство одинакового равенством неодинакового (21). Каждый человек просто по праву рождения должен иметь возможность свободно жить и удовлетворять свои индивидуальные потребности.

Именно так обстояло дело в прошлом в некоторых левых кибуцах. Один из теоретиков и практиков кибуцного движения так описывал этот способ распределения: "Принцип равенства... в кибуце не означает усреднения, то есть того, что все люди делают и должны делать одно и то же; именно здесь действует индивидуализирующий принцип. С одной стороны, от каждого по способностям. У людей различные способности... и каждый в соответствии со своими индивидуальными возможностями вносит вклад в общее дело. И точно так же наоборот: каждому по его потребностям. То есть и тут исходят из посылки, что индивидуальные потребности различны и что, с другой стороны, не существует связи между способностями и результатами труда — и удовлетворением потребностей, что это две различные сферы. В кибуце в целом есть связь между результатами труда и удовлетворением потребностей, но не на индивидуальном уровне" (22).

Примером настоящей самоуправляющейся коммуны можно считать современный немецкий коллектив Нидеркауфунген. Эта коммуна под Касселем была создана в декабре 1986 г. и в 1995 г. насчитывала 50 взрослых и 16 детей. Она намеревается продолжать расти. Принципы коммуны: идейный анархизм, совместное хозяйство, принятие решений на основе консенсуса, коллективные структуры быта и труда, демонтаж семейных и половых иерархий. Труд организован в соответствии с критериями экологичности и социальности производимых продуктов и услуг. В Нидеркауфунгене имеются детский сад (интегрированный и смешанный по возрасту), строительная мастерская, архитектурное бюро, столярная мастерская, слесарная мастерская, пошивочно-кожевенная мастерская, дом для конференций и встреч, столовая, зал заседаний, предприятие по биогородничеству, животноводческая ферма, наборная мануфактура и т.д. Всем этим занимаются отдельные трудовые группы. Создаются пенсионная система. Особенностью коммуны является совместное ведение хозяйства (все решения принимаются на общем пленуме). Ее члены говорят об "общем хозяйстве", а не об "общей кассе", предназначенной обычно для конкретных целей. "В общем хозяйстве есть только одна касса. В нее дается и из нее берется все. Все имеют к ней равный доступ. Частных доходов больше нет. Подарки, гонорары и т.д. тоже идут в общий котел. Нет никакой возможности делать расходы помимо общей кассы. Кроме того, в том, что касается производства, общее хозяйство включает в себя договоренность относительно рабочего времени, форм производства, предложении услуг и квалификации работающих. В том, что касается потребления, общее хозяйство требует договоренности о потреблении и потребностях, о том, как возникают потребности и какие последствия будет иметь удовлетворение моих

потребностей". В коммуне нет имущественных различий.

В Нидеркауфунгене разделяют потребительское и инвестиционно-производственное достояние. Первый "котел" образуется из ежемесячных доходов коммуны; при этом соблюдается следующий принцип: в среднем за год он должен быть не ниже, чем расходы. Инвестиционно-производственное достояние образовано из обобществленного имущества членов коммуны, которое они офомили на нее в качестве долгосрочных даров или внесли при вступлении. Это имущество расходуется только при покупке и ремонте зданий и для инвестиций в сферу труда, но ни в коем случае не на нужды потребления. Коммуна сознательно отвергла принцип строго равного потребления и установила принцип распределения по потребностям. Интересно, что опыт коммуны Нидеркауфунген доказал: в условиях гласного, открытого и совместного обсуждения всех проблем злоупотребления являются исключением, люди учатся сознательно и ответственно относиться к своим потребностям, обсуждать и понимать их. Каждый член коммуны заключает с ней договор о том, что он может взять, если выйдет из коммуны; он утверждается консенсусом. Каждый месяц в коммуне подводится баланс, из которого видно, из чего складываются доходы (собственные сферы труда, работы вовне, гонорары, пособие по безработице, подарки, пособия на детей и т.д.) и расходы (продукты питания, книги, поездки, карманные расходы, арендная плата и т.д.). При указании расходов не фиксируется, кто именно их совершил, желающий узнать это может обратиться к кассовой книге. О расходах свыше 200 марок следует предварительно уведомлять для того, чтобы другие могли дать совет, нельзя ли где-то и как-то купить это дешевле. Более крупные расходы (путешествия, компьютер и т.д.) подлежат одобрению пленума: обычно о них сообщают и если в течение последующих недель и на следующем пленуме никто не возражает - вопрос считается решенным. Каждая трудовая группа представляет отчет примерно раз в год, сообщая о своих доходах, расходах, рабочем времени, планировании развития. Все это считается важной частью информационной культуры в коммуне, которой уделяется много внимания.

В основном, однако, до сих пор речь шла, скорее, об экспериментах меньшинства, а не о полностью освобожденных пространствах, поскольку в своих отношениях с "внешним" миром коммуны, кибуцы и иные альтернативные единицы зачастую сохраняют закономерности господствующих товарно-денежных отношений. Это ограничивает, а частично и деформирует завоеванную свободу. Скажем, большинство кибуцев, даже установивших внутри чисто коммунистические отношения, ориентировалось на рыночный сбыт своей продукции вовне. В результате включения в процессы разделения труда многие из них вынуждены были пересмотреть прежние, самоуправленческие нормы и правила принятия решений в сторону большей экономической рациональности, интенсификации, специализации, концентрации полномочий и т. д. Такова характерная ситуация, когда рыночное начало открыто подрывает самоуправленческое, навязывает ему свою логику прибыли и господства. (Это, в конце концов, привело к полному перерождению кибуцного движению, превращению киббуцев в чисто комерческие предприятия с жестской иерархической ситемой управления, то же самое произошло и с большинством "альтернативных проектов" 70-х годов).

Любые изолированные и локальные попытки достичь свободы уязвимы, подвергаются постоянной опасности интеграции в существующую эксплуататорскую систему, риску. Устойчивость коммунитарной модели возможна лишь в том случае, если она будет распространена на целые общества, то есть на макросоциальный уровень. Но для того, что бы это произошло, необходимо массовое движенние, вдохновляющееся анархистскими принципами и способное осуществить радикальную трансформацию существующего общества. В качестве примеров таких движений, необходимо, прежде всего, указать на испанскую революцию 1936-1939 гг.

В Испании самоуправляющийся анархистский профсоюз CNT насчитывал в то время до 2,5 миллионов человек и играл исключительно важную роль в испанской революции. В революционной Испании 1936 г. функции координации и планирования промышленности снизу взяли на себя анархистские профсоюзы, образовавшие отраслевые генеральные советы делегатов и центральную кассу для равномерного распределения ресурсов отдельных самоуправляющихся предприятий. В декабре 1936 г. общее собрание профсоюзов в Валенсии решило координировать деятельность различных производственных сфер единым общим планом, чтобы избежать вредной конкуренции и бессвязных изолированных действий.

Наиболее далеко зашла революция в северном регионе Арагон, который считался "маяком революции". Именно здесь, на территории, где анархистские народные ополчения под командованием легендарного революционера Буэнавентуры Дуррути вели тяжелые бои с фашистскими войсками, были сделаны решающие шаги на пути к либертарному коммунизму, хотя официально он так и не был провозглашен.

В арагонских коллективах жили 500 тысяч человек - больщая часть населения региона; в их распоряжении находились 60% обрабатываемых земель. В отношении "индивидуалов", не входящих в коллективы, конгресс в феврале 1937 г. принял следующее решение: поскольку мелкие собственники, желающие остаться вне коллектива, считают себя способными работать в одиночку, они не должны пользоваться преимуществами коллектива (до тех пор случалось, что им разрешали на определенных условиях пользоваться коллективными благами и услугами). Однако их право вести хозяйство по-своему должно соблюдаться, если они не препятствуют деятельности коллектива. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно. Применение наемной силы строжайше запрещается.

Арагонские деревни - это не чисто сельскохозяйственные поселения. Мы бы назвали их скорее небольшими городами. Каменные дома, жители, которые занимаются не только обработкой земли, но и ремеслом, местной промышленностью и т.д. Эти предприятия, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись. В поселениях были сильны древние общинные традиции. Все это облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества.

Внутри "коллективов" не было какой-либо иерархии, все пользовались равными правами. Главным решающим

органом всегда было регулярное общее собрание членов, которое собиралось раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены - в основном, делегаты от отраслевых секций - не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член "коллектива" (кроме беременных женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5-10 человек, решали все основные рабочие вопросы на ежевечерних собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информации с другими бригадами. Во многих коллективах" применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации.

Важнейшей мерой стала ликвидация денег. При этом арагонцы руководствовались не какой-то финансовой теорией, а своими этическими и революционными чувствами. В первые недели во многих "коллективах" вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление всех продуктов с общественных складов. Но в условиях войны и дефицитов это было нелегким делом, тем более, что вне "коллективов" сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую "семейную оплату". Каждая семью в "коллективе" получала равную сумму денег (в зависимости от "коллектива" примерно по 7-10 песет на главу семьи, еще 50% - на его жену и еще по 15% - на каждого другого члена семьи). Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В третьих существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов рационировались почти повсюду (шла война), зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений. До решения об отмене денег "в трети из всех 510 сел и городов, принявших коллективизацию в Арагоне, деньги были отменены и товары предоставлялись бесплатно из магазина коллектива по потребительской книжке"; "в двух третях были приняты соответствующие заменители денег - боны, купоны, монеты и т.д., которые были действительны только в выпустивших их общинах".

Первое время в деятельности отдельных общин проявлялось определенное местничество, сказывалось и стартовое неравенство "коллективов" - одни из них были зажиточнее, другие беднее. Как утверждал А. Зухи, вначале некоторые выступали против идеи хозяйственного планирования под лозунгом самообеспечения. Полная независимость "коллективов" друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли координацию их хозяйственной деятельности. К координации действий призывали анархисты - сторонники углубления социальной революции, в том числе Дуррути, который лично агитировал "коллективистов". В феврале 1937 г. в местечке Каспе состоялся конгресс "коллективов" Арагона с участием нескольких сотен делегатов. Было принято решение о создание Федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу "коллективизации", создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между "коллективами" с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся "коллективы" решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной па обмен, а не для собственного потребления общин, а также начав составлять статистику производственных возможностей. Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри "коллективов" и их Федерации и введение единой для всех потребительской книжки (по ее предъявлении предметы потребления выдавались бесплатно по норме). Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из жителей региона, чтобы затем, ориентировав производства на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике "планирования снизу".

Деятельность арагонских "коллективов" оказалась чрезвычайно успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился. В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры - во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Многие жители впервые получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами "коллективов").

Поражение испанской революции прервало этот социальный эксперемент. Однако, испанские анархо-синдикалисты, суммируя практику революции 30-х и последующих социальных экспериментов, предложили в 70-е годы системную "Конфедеративную концепцию либертарного коммунизма" (19). Их идея развивает модель двойной федерации: территориального объединения коммун и хозяйственного объединения самоуправляющихся производителей. При этом экономические федерации производителей, как хозяйственные органы федераций коммун, призваны собирать информацию со всех коммун, координировать и согласовывать ее с помощью современных информационных средств и рассылать по коммунам. Таким образом, предполагается принимать решения по отраслям о распределении сырья, о производственном сотрудничестве. Затем эти решения подлежат ратификации или уточнению на соответствующих конгрессах коммун различных уровней.

Наконец, важнейшая черта того общественного устройства, которое придется утвердить человеку, если он хочет выжить в достойных его и его потомков условиях, это отмирание труда. Он должен стать свободной самоопределяемой деятельностью каждого человека, уже не рабством и проклятием, а (благодаря современным технологиям и ориентации на способности и склонности человека) своего рода созидательной игрой. В итоге различия между трудом и хобби могли бы все в

большей степени растворяться, чтобы когда-нибудь, быть может, исчезнуть совсем. "Электронная технология и робототехника впервые в истории человечества создала предпосылки для качественно иной формы общества и экономики, которая не будет уже основана на классической "экономике рабочего времени". Поскольку для изготовления общественно необходимого набора товаров требуется все меньше человеческой рабочей силы и рабочего времени, эра труда, создающего стоимость и прибавочную стоимость, в тенденции идет к концу, как это гениально предвосхитил еще Карл Маркс..., - заявлял на конференции "Солидарность-2000", организованной профсоюзом металлистов ФРГ в марте 1989 г., левый социолог М.Шнайдер. - Высокоавтоматизированный капиталистический процесс производства создал объективные предпосылки для осуществления этого марксового представления". С этими сдвигами Шнайдер связывал и изменения в сознании трудящихся: смена ценностей "выражается сегодня в растущей потребности в личностной самореализации и творчестве..., затрагивающих уже не только сферу свободного времени, но и сферу труда. Увеличивающееся свободное время придало людям вкус к самоуправляемой жизни и самоуправляемому труду. Труд как подневольный труд утратил свой мифологический ореол... Но тем самым прокладывает себе дорогу преобразование всех моральных понятий, этических систем и категорий разума, основанных на голом успехе и труде.

Заключение.

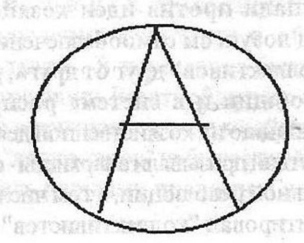
Говоря об "обществе спасения", очень легко впасть в соблазн и подобно утопистам прошлого нарисовать детальные картины устройства прекрасного мира гармонии, справедливости и доброты. Мы постарались, напротив, не дать чрезмерной воли умозрительной фантазии, а говорить только о том, что было опробовано, или о том, что совершенно необходимо для выживания. Поэтому мы не приводим здесь "научного" определения или "строгого" конкретного описания строя либертарного социализма. Удовлетворимся для обобщения емкой характеристикой, оставляющей полный простор самоорганизации и самодеятельности людей. Ее автор П. А. Кропоткин: "Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, — из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой — снабжением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительских общин с производительными союзами. И наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собой... Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму; оно будет, напротив, беспрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм" (23).

Конечно, социальная система, описанная Кропоткиным, разительно отличается от общества, в котором мы сегодня живем. Те явления, о которых мы говорили, — это еще отнюдь не свободный мир возможного завтрашнего дня, в лучшем случае — пример или тенденции. Будут они реализованы или нет, зависит не от мнимых объективных и автоматических "законов", а от воли и способности самих людей к действиям, к борьбе, к сопротивлению и созиданию. Бесполезно надеяться, что какая-либо верхушечная, чисто политическая революция, захват политической и государственной власти хоть на шаг приблизит нас к цели. Но если люди смогут самоорганизоваться, если трудящиеся смогут занять фабрики, заводы, учреждения, аграрные хозяйства и утвердить на них самоуправление, если жители организуют постоянное самоуправление по месту жительства (в форме народных собраний, идущей от древнегреческого полиса или секций революционного Парижа), если потребители и производители объединятся в свободные ассоциации и начнут сами, совместно и солидарно решать вопросы собственной общественной жизни, без бюрократии, государства и рынка, — это будет социальная революция, дорога к свободе и сама свобода!

---

(1) Dutschke R. Geschichte ist machbar! Berlin, 1980. S. 12.
(2) Цит. по: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 22.
(3) Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft. Berlin, 1981, S. 33.
(4) Gorz A. Wege ins Paradies. Berlin, 1986, S. 36.
(5) Gorz A. Kritik der oekonomischen Vernunft. Berlin, 1989, S. 55-57.
(6) Ibid, S. 65-66.
(7) Wildcat, № 54, Maerz/April, 1991, S. 22.
(8) Gorz A. Wege ins Paradies, S. 43-44.
(9) Wildcat, № 54. Maerz/April, 1991, S. 23.
(10) Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990, с. 176, 181.
(11) См. The World Environment 1972—1982. A Report by the UNEP. Dublin, 1982, p. 267.
(12) Kapp K. W. Soziale Kosten der Marktwirtschaft. Frankfurt a. M., 1988, S. 195.
(13) Gorz A. Kritik der oekonomischen Vernunft. Berlin, 1989, S. 75.
(14) Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft. Berlin, 1981, S. 54.
(15) Ibid, S. 54.
(16) Buber M. Pfade in Utopia. Heidelberg, 1980, S. 136.
(17) См. Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия, с. 378—383.
(18) См. Bookchin M. Fuer eine befreiende Technologie. — In: Unter dem Pflaster liegt der Strand. Anarchismus heute. Bd. 2. Berlin, 1980.
(19) См. El Anarco-sindicalismo en la era tecnologica. Madrid, 1988, p. 11-19.
(20) Unter dem Pflaster liegt der Strand. Anarchismus heute. Berlin, 1980. S. 113.
(21) См. Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft..., S. 33.
(22) Цит. по: Scherer K.-J., Vilmar F. (Hrsg.) Projektgruppe: Oekosozialismus. Berlin, 1984, S. 502.
(23) Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988, с. 389—390.

Андрей КОНСТАНТИНОВ

НАПЕРЕКОР

(радикально-гуманистическое письмо в двух частях).

Так уж сложилось, что наш журнал неофициально считается анархистским изданием. Откровенно говоря, временами меня это нервирует, поскольку - при всём уважении к М.А. Бакунину, П.А. Кропоткину и Н.И. Махно - я себя к анархистам не причисляю. Во всяком случае, в сложившемся на сегодня смысле этого слова. Вот на эту тему хотелось бы порассуждать с умными, внимательными и доброжелательными читателями, обратившись к ним с данным письмом. Предлагаемый небольшой текст, выполненный в жанре "потока сознания" - не результат одних только гениальных прозрений автора, он возник под непосредственным влиянием идей А. Бергсона, В.И. Вернадского, И.А. Ефремова, традиции недогматического осмысления наследия К. Маркса.

I. По дороге на Курукшетру[1].

Что за варварская беспечность? Где ваши часовые? Что ты несёшь - "карма, карма". Перережут вас ночью, вот и будет карма!

Из романа Д. Морозова «Дваждырождённые».

Возьмём такую прекрасную вещь, как свобода. По-моему, её нельзя рассматривать без дополнительной стороны - ответственности, - и здесь дело не только в том, что свобода одной личности кончается там, где начинается свобода другой. Например, каждый свободен "сесть на иглу" (и, таким образом, свободу утратить), это его право, и если данный индивид не приобщает к игле подростков, не становится после "дозы" или в поисках её общественно опасным, его никто, по идее, трогать не должен. Но вот мне почему-то совсем не хочется бороться за общество, в котором свобода используется для того, чтобы разлагаться тем или иным образом. На мой взгляд гуманиста, высшая ценность состоит в развитии и возвышении Человека, расширении Его кругозора и росте могущества, а всё остальное ценно лишь постольку, поскольку способствует этому. Свобода нужна для развития, обеспечивающего дальнейшее возрастание свободы - для дальнейшего развития, - и т.д., причём социальное освобождение следует рассматривать как преодоление некоторого этапа в этом вечном восхождении. Несвобода от стихийных бедствий или от собственного невежества ничуть не "лучше" несвободы от классового угнетения.

Следующий тезис вытекает из предыдущего. В анархо-экологической среде сегодня популярен "антипрогрессизм", рассматривающий технологическое развитие как безусловное зло. Я тоже эколог, но на мой взгляд, вопрос лежит в иной плоскости: что - человек или производство - рассматривается как цель, а что - как средство. Об этом хорошо говорили и Маркузе, и Фромм, и многие другие. Верно, что сегодня человек представляет собой придаток производственного процесса, но из чего следует, что эта болезнь роста лечится только ампутацией? Верно, что технологическое развитие в мире отчуждения[2] привело к накоплению ядерных арсеналов, радиоактивных и токсичных отходов и прочих "прелестей". Но также верно то, что *только* с помощью грамотного использования и развития технологий мы, люди, сможем избавиться от этих "прелестей". В то же время складывается впечатление, будто "антипрогрессисты" искренне полагают, что с победой анархии все проблемы исчезнут сами собой, и можно будет спокойно предаваться растительному существованию в локальных коммунах. И даже если оставить в стороне названные проблемы, хочется задать вопрос: а Вас устраивает растительное существование? Лично меня - нет.

Сегодня гуманистически ориентированное технологическое развитие - это, в первую очередь, качественное совершенствование и разумное использование технологий, а не тупое применение всей индустриальной мощи по всем направлениям. Например, так называемым "развивающимся" странам не нужно повторять путь т.н. "развитых" стран, плодя промышленных монстров. Да это и невозможно по экологическим причинам. "Британии понадобились ресурсы половины планеты, чтобы достичь своего процветания, - говорил Махатма Ганди. - Сколько планет потребуется такой стране, как Индия?" Созданные (но широко не используемые) в процессе индустриального развития мира высокоэффективные, автоматизированные, компактные и экологически чистые технологии, плюс соответствующий уровень образования, плюс проявление соответствующей политической воли способны помочь "развивающимся" странам обеспечить разумную материальную достаточность уровня жизни, избежав перекосов индустриализма. Но это возможно лишь при создании социально-политических условий, существенно отличающихся от нынешних.

Гуманизация общества не происходит - увы! - реформистским путём, - слишком велики противостоящие силы. Революционная ломка неизбежна, но (и здесь со мной не согласятся многие анархисты) она не может привести к мгновенному избавлению от всякой власти. Ведь даже там, где анархистам удавалось осуществлять свои социальные программы - на Украине и в Испании, - создавались смешанные формы самоуправления и управления, функционировали государственные или квазигосударственные институты (одна махновская контрразведка чего стоит). Несмотря ни на какие программные установки, жизнь распорядилась по-своему. Наверное, неспроста.

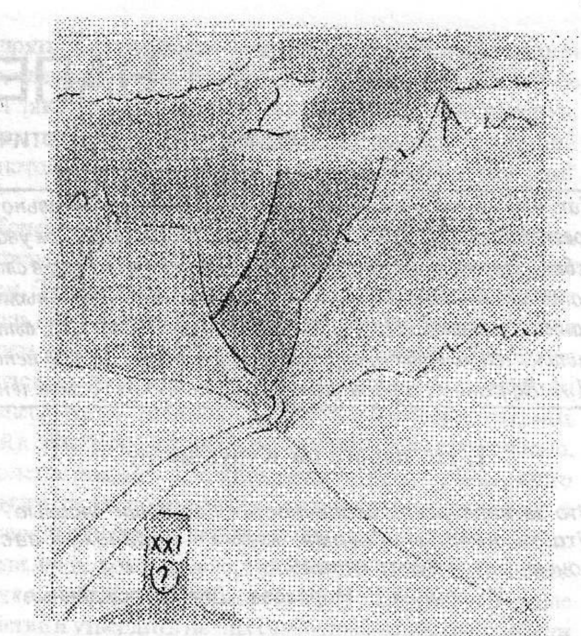
По-моему, в задачи ближайших революционных преобразований, за которые нам всем необходимо бороться, входит свержение власти транснациональных корпораций, мафии и бюрократии, создание сильного гражданского общества, под давлением которого политическая власть примет форму некоторого *нового варианта* социального и демократического государства (эдакое "двоевластие"). Анархисты, не спешите бросать в меня кислые помидоры! Во-первых, мне самому не нравится слово "государство",

связанное в русском языке со словом "государь" (т.е. судья). Но здесь речь идёт об его античном значении: πολις и civitas (гражданская община), res publica (общее дело), status (английское state - состояние, штат). Во-вторых, государство, как природное явление, представляет собой не плод заговора "тёмных сил", а результат специализации функций управления в обществе. Соответственно, преодолевается оно не просто политическим переворотом, но, прежде всего, духовным ростом человека, дополненным совершенствованием технологий. Развитое общественное самоуправление, полностью устраняющее государство, предполагает развитых людей: "- Вы не признаёте ревности, Рахметов? - В развитом человеке не следует быть ей" (Н.Г. Чернышевский, "Что делать?"). Это ответственно-свободные люди, т.е. свободные не только от внешнего угнетения, но и от собственного эгоизма, ото всех привязанностей к *обладанию* в ущерб *бытию*, как сказал бы Эрих Фромм.

В подполье, в состоянии острой конфронтации можно вырастить бунтаря, революционера баррикад, но не Человека Развитого - как массовое явление. Для этого нужна несколько иная среда. Революция, о которой говорится абзацем выше, может создать благоприятные условия для развития науки и культуры, прогрессивной педагогики, самоуправления и других социалистических инициатив, - всего того, с чем связано полное преодоление государственной власти. Хотелось бы, чтобы при этом было поменьше откатов и перерождений, а последующие революции были "бархатными", - мечты... Но это уже следующий сюжет, а нам сейчас важно уяснить, что чем больше антиавторитарных левых (в том числе - анархистов) будет игнорировать задачи первой - антимонополистической и антимафиозной - революции, тем в большей мере эти задачи сосредоточатся в руках у социал-шовинистов, нацистов и т.п. Но тогда вместо демократического социального государства мы получим корпоративное, и безо всякого гражданского общества. (Архипелаг ГУЛАГ! - Во истину ГУЛАГ! С Пасхой Вас, дорогие россияне!..) "...Вот и будет карма!"

Приведу ещё несколько соображений относительно государства. Так, группа знакомых анархистов однажды вышла на профсоюзную демонстрацию с плакатом, гласившим что-то вроде следующего: "Государство, отдай зарплату, а то сами отберём!" Чем это принципиально отличается от гипотетического требования сильного гражданского общества: "Государство, обеспечь социальные программы и сократи аппарат, иначе - пеняй на себя!"? В конце концов, в Декларации независимости США 1776 года (т.е. в *государственном* учредительном документе) было провозглашено право (и даже обязанность!) народа свергнуть деспотическое правительство и назначить себе другого управляющего.

Среди анархистов (по крайней мере - в Москве) считается нормальным для осуществления уличной акции подавать заявление *в установленном законодательством порядке*. Это понятно, если цель мероприятия - донести что-то до окружающих, а не бегать от полицейских дубинок. (Сказанное не означает принципиальное отрицание "нелегальных" мероприятий, но это несколько иная тема.) Кроме того, если, предположим, эти товарищи на акции будут атакованы превосходящими силами фашиков, то полиция (теоретически) будет обязана вмешаться на стороне

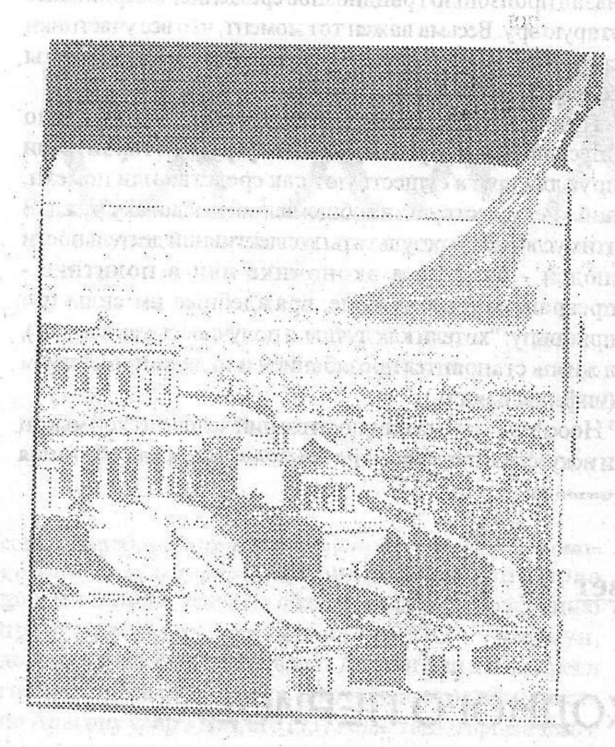

анархистов. А если кому-нибудь из товарищей будет угрожать тюрьма, то с его стороны окажется вполне разумным воспользоваться услугами адвоката. Таким образом, анархисты для целей своего движения стараются использовать силы государства, манипулировать ими. По-моему, от стратегии движения к безвластию, изложенной в данном письме, всё это отличается только степенью вмешательства. Если уж выступать за немедленное уничтожение государственной власти, то следует не работать в госучреждениях и на госпредприятиях, да и вообще никак с государством не сотрудничать, постоянно идя на принципиальную конфронтацию с ним. Такая позиция, по крайней мере, последовательна. Выбирайте, товарищи анархисты, только выбирайте между последовательными позициями.

...Нам выпало жить в один из переломных моментов истории нашей милой планеты, и от наших усилий многое зависит. Уже сейчас формируются и стягиваются к Курукшетре различные силы: фашизированный транснациональный "неолиберализм", "традиционалистские" и "революционные" тоталитарные альтернативы... И третья сила, потенциально включающая всех тех, кто хоть в какой-то степени является гуманистом. Для возрастания её шансов нам необходимо перестать сектантски отгораживаться, блюдя "чистоту" своих "заморочек". "Преодолеваемые противоречия служат почвой для нашего роста", - просто и гениально говорил Антуан де Сент-Экзюпери. И двумя абзацами ниже: "Замкнувшись в сектантских распрях, я могу забыть, что политика теряет смысл, если она не служит духовной истине. В иные часы нам дано было познать чудо особых человеческих отношений: в них наша истина" ("Письмо к заложнику"). Нужно уметь в каждом, независимо от самоназвания, обнаруживать жемчужины и извлекать их на свет, находить общий язык и налаживать сотрудничество в рамках широкой гуманистической коалиции. Эта коалиция не подразумевает железной большевистской организации, но представляет собой пространство ответственного сотрудничества. Не надо шарахаться от тех или иных в целом интересных

инициатив только потому, что вокруг них вьются какие-то шизоиды "не той ориентации" (идейной). Может, потому и вьются, что нас там нет.

Эпоха, открытая Великой Французской и продолженная Великой Российской революцией, подходит к концу. Повод оглянуться, пересмотреть ставшие привычными понятия и "измы" и - двигать дальше. "Над Средиземьем разгоралась заря новой эпохи..."

II. Держаться корней.

Нет бога, который не был бы когда-то человеком.
(Восточная мудрость).

По-моему, анархистам зачастую недостаёт обыкновенной жюль-верновской романтики. А напрасно. Разве нет у нас в сердце прочно укоренившихся представлений о прекрасном, возвышенном и благородном, прорывающихся сквозь любые умствования? Так давайте культивировать эти ценности - и они украсят и обогатят нашу жизнь, помогут в трудах, выведут к звёздам. Но откуда взялись, каким образом накопились в нас эти зёрна призванной спасти мир красоты романтического бытия?

Один из возможных ответов состоит в том, что мы все - дети великого события, произошедшего не менее ста тысяч лет назад, когда людям надоело кормиться объедками от трапезы хищников, стараясь при этом не попадаться последним на глаза. Подъём над убогим состоянием побирающихся "бомжей" стал возможен в открытом противоборстве с дикими зверями. И человек принял бой: "Величайшее из изобретений, помимо огня, обеспечившее нашему предку возможность стать человеком, - копьё! Прочное, длинное, острое, оно удержит превосходящую силу, убийственные когти и зубы на расстоянии, не допустит до самого уязвимого места - живота. Если есть копьё, то остальное уже зависит от тебя самого - от силы, ума, быстроты действия. С этим оружием человек сразу стал отличаться от своих сородичей - обезьян, угнетённых страхом и из-за этого вечно озлобленных, готовых на всевозможные пакости" (И.А. Ефремов, "Лезвие бритвы").

Всеблагого и всемогущего Бога нет (и слава богу!), а эволюция безжалостна: любое движение вперёд сопровождается суровым отбором. Жизнь первобытных охотников (а их нельзя отождествлять с современными т.н. "примитивными" народами - оттеснёнными на обочину обломками неолитических культур) требовала полной отдачи сил, взаимопомощи, готовности, не задумываясь, пожертвовать жизнью за товарища. В человеческих сообществах усилился естественный отбор на социальность и самоотверженность: выживали лишь победившие в себе обезьяний эгоизм. При этом роль охотника не означает рост кровожадности и жестокости по отношению к животным. Наоборот - изучение повадок зверей, вживание в их образ приводит к пониманию, сопереживанию и сочувствию, а убийство диктуется только необходимостью кормить и защищать себя и сородичей.

Новые условия существования сформировали основы *здорового* феминизма и гармонично его дополняющего рыцарства. Высокая ценность каждой человеческой жизни, естественная в небольших сообществах охотников, означала постановку на первое место женщины, ведь она отвечает не только за себя, но и за новую, нарождающуюся жизнь - продолжение рода. Поэтому первыми встречали опасность и при необходимости шли на смерть мужчины. Вообще, материнская роль женщины предполагает генетическую стабильность, устойчивость, а экспериментирует природа в основном на мужчинах. Отсюда - преклонение перед женской красотой, как выработанной эволюцией наиболее правильной, отточенной формой, отвечающей здоровому образу жизни. Поэтому женщина является средоточием Жизни и Красоты, а мужчина - это *в первую очередь* воин, призванный Жизнь и Красоту защищать.

Дорогие дамы! Не обвините в половой сегрегации. Все люди - борцы и исследователи, и предназначение хранительницы Жизни не сводится к роли пресловутой "хранительницы домашнего очага". И Путь воина Вам, дорогие дамы, также открыт, просто для мужчин он - обязанность, а для Вас - хобби. Много позже описываемого времени, когда мужчины-воины забыли о своём предназначении и из защитников превратились в агрессоров и поработителей (иными словами - с утверждением патриархата), ответом стали альтернативные сообщества женщин-воительниц. Легенды об амазонках не возникли на пустом месте.

В суровых, но здоровых условиях выковывался человеческий род, формировались вошедшие в наше подсознание понятия этики и эстетики. Как говорил один из ефремовских литературных героев: "Для меня любое произведение искусства (...) не существует, если в нём нет глубоко прочувствованной природы, красивых женщин и доблестных мужчин" ("Лезвие бритвы"). Разве не дрогнет в радостном волнении сердце при чтении этих строк? Здесь в лаконичной форме выражено всё, что заложено в нас дикой жизнью предков.

...Прошли десятки тысячелетий - сменились тысячи поколений. Развиваясь, человеческий род постепенно вышел из биосферы - не в смысле порвал с ней всякие связи, а в смысле "экзистенциально" поднялся над ней. Но выход из биосферы не мог сопровождаться автоматическим созданием адекватной замены в виде развитой ноосферы[3], а значит - пришлось искать замену неадекватную. В результате биологическая обусловленность постепенно заменялась рабской зависимостью - от традиции, правителя, господина, государства, церкви, денег, от собственного эгоизма, - а ущербность вновь воскрешает старый "обезьяний комплекс". Такая замена утраченных связей с природой - как ответ человека на "экзистенциальный вызов" при недостатке зрелости (если угодно - ноосферной мудрости) - описан Э. Фроммом.

Но "экзистенциальный" выход из биосферы также открыл нам невиданные горизонты развития, в конечном счёте несовместимые с обществом отчуждения. Нам нужно только полностью встать на ноги, осознать ответственность за свою судьбу, понять, что единственный смысл Жизни состоит в постоянном восхождении. От простейших одноклеточных форм и до человека включительно это восхождение давалось ценой огромных жертв на алтаре биологической эволюции и социальной истории. Но только Человек в силах прекратить эти жертвы, превратив слепое развитие в осмысленное. Для этого надо изменить себя и общество.

И сейчас где-то в бескрайнем космосе объединённые человечества несут во Вселенную прометеев огонь искусства, труда и познания, борются с бездушной косной материей, встречаются и соединяются с себе подобными, бесконечно продлевая срок своего существования как вида. Перед их ногами плещутся воды неведомых нам океанов, над их головами блестят в лучах неведомых нам солнц вершины неведомых нам гор, шумят неведомые нам леса... А где-то люди, как и мы, ещё бьются в тисках отчуждения, стремясь вырваться на свободу. А где-то уже не бьются... - ведь выживают только победившие в себе обезьяний эгоизм.

***

Примечания.

[1] Курукшетра (поле Куру) - священная земля индуистов, место, на котором, по преданию, много тысячелетий назад произошло грандиозное сражение, завершившее старую эру. Весьма важен тот момент, что все участники сражения пожали плоды своей кармы (т.е. результаты своих прошлых дел).

[2] Под отчуждением автор понимает объективно обусловленную духовную атмосферу, в которой люди друг для друга существуют как средства или помехи, либо не существуют вообще: человек человеку чужд. В этих условиях и результаты коллективной деятельности людей - будь то в экономике или в политике - превращаются в чуждые, враждебные им силы (по принципу: "хотели как лучше, а получилось как всегда"), а жизнь становится прозябанием или даже проклятием (инфернальность).

[3] Ноосфера - сумма всех достижений человеческой мысли и искусства, плюс преобразованная ими среда обитания человека.

Ответ

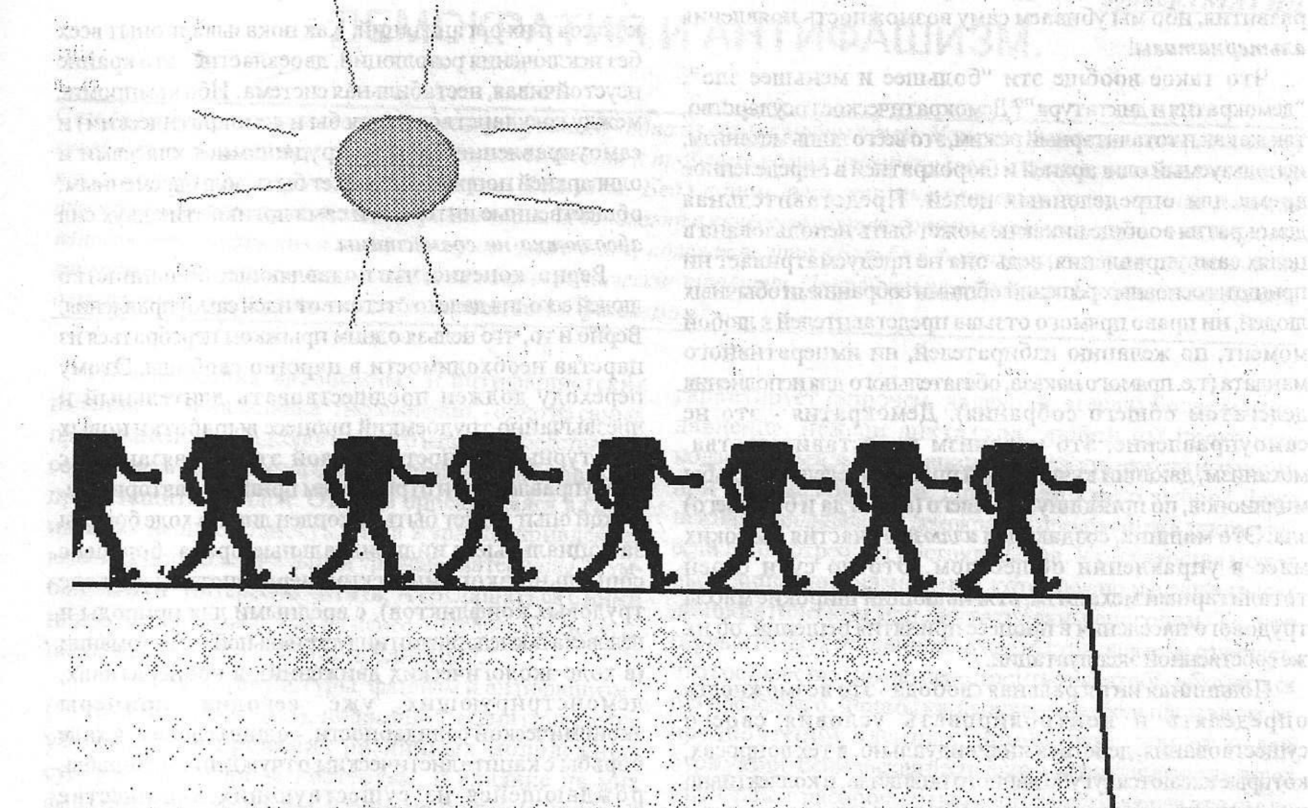
Михаил МАГИД

О РОМАНТИКЕ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА»

Не имею намерений и желания спорить с автором, по поводу того, что он считает философской основой своих взглядов. Я и сам высоко почитаю Фромма и Маркузе, с уважением отношусь к неавторитарно трактуемому Марксу, люблю некоторые произведения писателя Ефремова (Бергсона, увы, не читал и очень сожалею об этом пробеле в своем образовании). Хотелось бы только отметить, что его (то бишь автора, А. Константинова) взгляд на момент перехода "из царства необходимости в царство свободы" представляется мне нелогичным и, скажу больше, неэстетичным. "В задачи ближайших революционных преобразований, за которые нам всем необходимо бороться, входит свержение власти транснациональных корпораций, мафии и бюрократии, создание сильного гражданского общества, под давлением которого политическая власть примет форму некоторого *нового варианта* социального и демократического государства (эдакое "двоевластие")", – пишет автор. Вот тебе и момент истины! Нет, желания бросаться кислыми помидорами у меня не возникло. Напротив, эта фраза вызвала тоску и уныние. Начал он за здравие: космос, красивые женщины, романтика… А вот кончил… Каким же образом все то, что автор с придыхание излагает на предыдущих и последующих страницах сочетается с этим серым, удушливым и, я бы сказал, ползучим материализмом?

Ну нет у меня, как и у большинства людей на нашей планете (а других планет я не знаю, я там не был), нет у меня желания бороться за демократию и социальное государство. От демократии, например, меня просто тошнит. По-моему, мы все за последние годы хлебнули ее досыта. Может быть, хватит? Ведь все это уже было, и демократия была, и социальное государство. И если первая всегда и везде оказывалась лицемерным фарсом, фасадом олигархии, то социальное государство неизменно приводило к удушливой регламентации общественой жизни (как например в Швеции), а кое-где принимало тоталитарные, открыто террористические формы (нацизм и большевизм). Нравится это автору или нет, но примеров обратного не существует. И хоть я не позитивист, но все же отмечу: факты говорят не в пользу А. Константинова.

Сложнее с анархизмом (правильнее было бы сказать: с анархистским (либертарным) коммунизмом, потому что под анархизмом зачастую понимают всякую гадость…). Да, испанские анархо-коммунисты сотрудничали с буржуазно-парламентскими партиями в ходе гражданской войны в Испании в 1936-1939 годах, в рамках пресловутого антифашистского единства. Именно это обстоятельство препятствовало процессу "коммунизации общества" (ибо таковы были условия

соглашения), хотя препятствовало не фатально. В конце концов в испанской провинции Арагон около полумиллиона человек объединились в федерацию производственно-потребительских коммун, договорились об отмене денег. Делали они это вопреки государственной политике. В итоге демократия нанесла по Арагону удар в августе 1937 года: танки врывались в города и деревни, где развивался безгосударственно-коммунистический эксперемент, разрушали их, сотни людей были убиты, тысячи брошены в тюрьмы. Чуть раньше, в мае того же года, демократическое государство республиканцев бросило отряды вооруженной до зубов полиции на Барселонну, разгромив там анархистские профсоюзы. Вот так. Не тоталитаристы, а демократы, не фашисты, а антифашисты фактически уничтожили испанский анархизм. Фашизм лишь довершил начатое ими дело. Так стоило ли испанскому прлетариату, объединенному в двухмиллионный самоуправляющийся профсоюз CNT, "коалировать" с демократией, ради борьбы с общим врагом? В конце концов, самоуправляющиеся профсоюзы, были (это отмечают все непредвзятые наблюдатели) прекрасно организованы, почти полностью контролировали Каталонию (70% испанской промышленности республиканской зоны, включая все современные предприятия), житницу Испании – сельскохозяйственный Арагон, имели мощные позиции в ряде других стратегически важных районов. Кроме того, они имели огромное вооруженное ополчение (почти в полном составе воевавшее на фронте, в отличии от сил демократического государства). С такими возможностями, можно было бы и не обращать особого внимания на истерики республиканской буржуазии, обеспокоенной возможной потерей собственности и власти… Чего стоила и к чему в итоге привела антифашистская коалиция с демократией, с республиканцами, социал-демократами и большевиками? За этой демократией и антифашизмом стояла напуганная революцией, но не потерявшая способности действовать испанская буржуазия, которая выждав удобный момент нанесла удар в спину своим "союзникам". А как может быть иначе? А разве в охваченном пролетарским восстанием Париже 1871 года это было по-другому? Разве не демократия "Тьера, Пикара и Ко", разве не Учредительное собрание нанесло удар Парижской Коммуне, физически уничтожив 30 000 рабочих?

Нигде и никогда, такое не должно больше повториться, нигде и никогда самоуправляющиеся пролетарские движения не должны сотрудничать с враждебными им общественными силами. Могут сказать, что, в конце концов, бывают ситуации, когда приходится выбирать меньшее из зол. Но ведь существует элементарное соображение: если сторонники самоуправления достоточно сильны для того, чтобы изменить систему, по крайней мере, если от их решений зависит развитие ситуации, то им нет нужды выбирать одно из существующих зол. Они могут начать самостоятельно творить свою собственную реальность. Если же они слишком слабы, для того, чтобы влиять на ситуацию, тогда что меняет их поддержка демократии? Хотя, на самом деле меняет и очень многое, ибо тем самым, своими же собственными действиями мы показываем окружающим нас людям, что в спорах между демократией и диктатурой (т.е. между различными фракциями бюрократии и олигархии) третьего не дано. Тем самым мы (м.б.,

бессознательно) блокируем процесс общественного развития, ибо мы убиваем саму возможность появления ***альтернативы***!

Что такое вообще эти "большее и меньшее зло", "демократия и диктатура"? Демократическое государство, так же как и тоталитарный режим, это всего лишь механизм, используемый олигархией и бюрократией в определенное время для определенных целей. Представительная демократия вообще никак не может быть использована в целях самоуправления, ведь она не предусматривает ни принятия основных решений общими собраниями обычных людей, ни право прямого отзыва представителей в любой момент, по желанию избирателей, ни императивного мандата (т.е. прямого наказа, обязательного для исполнения делегатом общего собрания). Демократия - это не самоуправление, это механизм представительства, механизм, дающий кучке людей право определять судьбы миллионов, по принципу меньшего (а иногда и большего) зла. Это машина, создающая ***иллюзию*** участия широких масс в управлении обществом. Это по сути своей тоталитарный механизм, втягивающий широкие массы трудового населения в процесс принятия решений об их же собственной эксплуатации.

Подлинная интегральная свобода - это возможность определять и контролировать условия своего существования, действуя индивидуально, в тех вопросах, которые касаются сугубо данного индивида, и коллективно и солидарно с другими людьми, когда вопрос касается и этих людей. Такая свобода отнюдь не ограничивается свободой другого человека, а, напротив, дополняется ей. Конечно, ценность индивидуальных свобод, которыми некоторое количество жителей капиталистических стран сегодня имеет возможность пользоваться, велика. Поэтому, анархо-коммунисты не могут проходить мимо ситуации "нарушения прав человека". В конце концов, эти свободы были "выбиты" в ходе упорной борьбы нескольких последних столетий. В то же время следует избегать их идеализации, не надо повторять ошибки либеральных правозащитников. Ведь такие свободы являются частичными, неполными, это скорее свободы "от", чем свободы "для". Но главное, не следует отождествлять даже эти неполные, частичные свободы с буржуазно-парламентской системой, с "многопартийной демократией". Данное обстоятельство прекрасно иллюстрирует нынешняя ситуация в России, когда почти все политические партии соглашаются с массовыми нарушениями прав человека (депортации кавказцев, государственная цензура, военные действия в Чечне, войска на улицах городов и т.д.) и по существу требуют только свободы для себя, т.е. права участвовать в парламентских выборах. Не надо обольщаться! Представительная демократия и социальное государство – это всего лишь орудия капитала и бюрократии.

Нельзя, невозможно для тех, кто ценит свободу, вести борьбу за государство, хотя бы и демократическое и социальное, хотя бы и на переходный период. Об этом замечательно писал Бакунин, когда критиковал Маркса: "Нельзя через неравенство и несправедливость прийти к равенству и справедливости". Наконец, нельзя вести "борьбу за двоевластие". В этом логическая ошибка. Двоевластие, это результат борьбы двух сил, а не одной, т.е. самоорганизованного трудового народа и буржуазных классов и их организаций. Как показывает опыт всех без исключения революций, двоевластие - это крайне неустойчивая, нестабильная система. Ибо компромис между государством (хотя бы и демократическим) и самоуправлением, между трудящимися классами и олигархией попросту не может быть долговременным: общественные интересы и сама логика этих двух сил ***абсолютно не совместимы.***

Верно, конечно, что подавляющее большинство людей сегодня далеко отстоит от идей самоуправления. Верно и то, что нельзя одним прыжком перебраться из царства необходимости в царство свободы. Этому переходу должен предшествовать длительный и чрезвычайно трудоемкий процесс выработки новых культурных ценностей, новой этики, связанной с самоуправлением и отрицанием принципа авторитета. Такой опыт может быть накоплен лишь в ходе борьбы за социальные и индивидуальные права, борьбы с социально-экономическим неравенством (в ходе трудовых конфликтов), с вредными для природы и человека последствиями индустриальной гигантомании (в ходе экологических движений), в кооперативах, демонстрирующих уже сегодня примеры экономической солидарности, - одним словом, в ходе борьбы с капиталистическим отчуждением, борьбы, рождающейся из существующих в обществе конфликтов. Рождающейся всегда спонтанно, автономно и лишь потом (и увы далеко не всегда) приобретающей черты новой ***неавторитарной общественной организации.*** Это двоякий процесс: деструктивный по отношению к капиталу и государству и ***конструктивный*** по отношению к самому себе. Как отмечал русский социалист Виктор Чернов, для успеха социальной революции важно прежде всего то, насколько трудящиеся массы продвинулись и перевоспитались ***в дореволюционный период*** "в лаборатории собственных трудовых, культурно-хозяйственных, кооперативных, синдикальных и идейно-политических организаций, - в этих оазисах социальности в пустыне капиталистической борьбы всех против всех". Когда-нибудь, процесс развития таких движений и инициатив может привести к качественному скачку, т.е. к социальной революции – к быстрому насильственному вытеснению старых общественных отношений и замене их новыми отношениями. А пока небольшие группы анархо-коммунистов, могут лишь способствовать данному процессу, могут попытаться ускорить его, сыграв роль катализатора.

И, наконец, последнее. Здоровый гуманизм не должен превращаться в розовые сопли. Мы должны трезво смотреть на вещи и правильно оценивать тот вид "гуманизма", который позволяет правящей верхушке убивать мирное население в бесконечных локальных и мировых войнах, без зазрения совести присваивать себе огромное общественное богатство, эксплуатировать и доводить до голода и нищеты миллионы людей, широко используя при этом институты представительной демократии. Поэтому радикализм мысли должен органично сочетаться с радикализмом действия.

Михаил МАГИД

ДЕМОКРАТИЯ И АНТИФАШИЗМ.

Сегодня среди различных левых групп антифашизм - одна из самых модных тем. Конечно, деятельность, ставящая своей целью привлечение внимания общественности к проблеме роста ультраправого влияния, является важной, как и исследование причин возникновения фашизма. Беда в том, что, как мне кажется, суть явления нашими антифашистами изучена слабо, а то что они предлагают в качестве альтернативы, вызывает серьезные вопросы. Многие антифашисты и в нашей стране и на западе, полагают, что в борьбе с фашизмом следует опираться на либерально-демократические или социал-демократические традиции. Попробуем разобраться. Нужно ли защищать демократию как "меньшее зло" по сравнению с фашизмом?

Из всех наших автономных и антифашистских изданий "Тум-балалайка", несомненно, - одно из самых привлекательных. Идеология этого издания представляет собой смесь автономного антифашизма и либерально-правозащитных идей. Отсюда бросающаяся в глаза идейная неоднородность. Но в журнале привлекает высокий профессиональный уровень, материалы "Тум-балалайки" интересно читать. А соглашаться с ними никто не заставляет. Тем не менее, хотелось бы сказать несколько слов по сути этих публикаций.

В статье "Субкультуры, фашизм и антифашизм" ("Тум-балалайка" №9), подробно рассматриваются условия формирования различных молодежных субкультур в городе Роттердам, и влияние на них фашизма и антифашизма. В качестве примера успешной антифашистской деятельности приводится антирасистская агитация в среде футбольных фанатов, приведшая в итоге к принятию ими антирасистской символики и к изгнанию других футбольных фанатов - расистов. Что же, можно только радоваться тому, что фашистам где-то врезали. Однако остается множество вопросов. Например, такой. Футбольные фаны, став антирасистами, не перестали быть футбольными фанами. Они по-прежнему готовы броситься в драку с теми, кому не нравится их клуб или футбол вообще. Между тем, массовые футбольные истерики, провоцирующие человека на агрессию, превращающие его в стадное существо, одержимое культом лидеров, - являются органической частью "общества зрелищ". Это, своего рода, суррогат общественного движения, способ выпускания пара, накопившихся негативных эмоций. Но, кажется, ни роттердамских антирасистов, ни авторов статьи данное обстоятельство попросту не интересует. Главное, что набили морду фашистам. Трудно признать такой подход правильным. В конце концов, что толку в замене одних эмблем другими, если по сути ничего не меняется? Налицо и чисто позитивистский взгляд на вещи - общественное явление исследуется поверхностно, исключительно фактологически и никто не пытается разобраться в причинах, его порождающих.

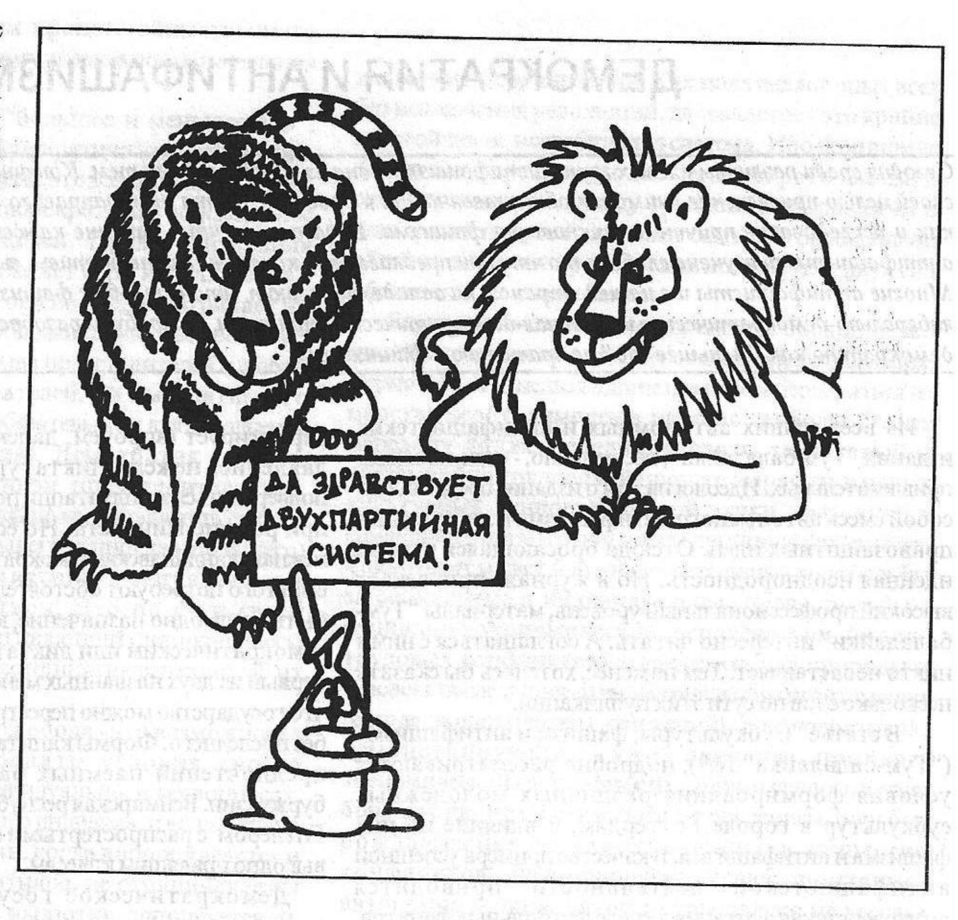
Грустно наблюдать, как редакция «Тум-балалайки» заигрывает с либерально-демократической идеологией. Например, в статье, посвященной сквоттерам (№10), подчеркивается, что редакция журнала "осуждает нападения на частную собственность". Подобного рода замечания в изобилии рассыпаны по страницам издания. Демократия, основанная на либеральном праве, - говорят антифашисты, - это меньшее зло по сравнению с фашизмом, поэтому ее следует защищать.

Проблема, однако, не в том, что демократия гарантирует (впрочем, далеко не всегда) более мягкое давление, нежели диктатура; любой бы предпочел подвергнуться эксплуатации по-шведски, нежели исчезнуть при режиме Пиночета. Но есть ли у него выбор? Даже нежная скандинавская демократия превратится в диктатуру, если того потребуют обстоятельства. У государства может быть лишь одно назначение, которое оно и осуществляет демократическим или диктаторским способом. То, что первый из двух названных менее жесток, вовсе не означает, что государство можно перестроить так, чтобы обходиться без последнего. Формы капитализма не больше зависят от предпочтений наемных работников, чем от целей буржуазии. Веймарская республика капитулировала перед Гитлером с распростертыми объятиями, когда это стало выгодно правящим классам.

Демократическое государство, так же как и тоталитарный режим, это всего лишь механизм, используемый олигархией и бюрократией в определенное время ради достижения определенных целей. Представительная демократия это не самоуправление, ведь ее механизм не предусматривает ни принятия основных решений общими собраниями обычных людей, ни право прямого отзыва представителей в любой момент, по желанию избирателей, ни императивного мандата (т.е. прямого наказа, обязательного для исполнения делегатом общего собрания). Представительная демократия дает право кучке людей определять судьбы миллионов, по принципу меньшего (а иногда и большего) зла. Это машина, создающая *иллюзию* участия масс в управлении обществом. Это орудие контроля и интеграции, втягивающее широкие массы трудового населения в процесс принятия решений об их же собственной эксплуатации. "Для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, – говорил Герберт Маркузе, – но то, что может быть выбрано и что *действительно* им выбирается. Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов".

В течение последних десяти лет демократия и свободный рынок привели российское общество к тотальной нищете, к вымиранию миллионов людей. Непонятно, о какой свободе может идти речь в общественной системе, где часть населения лишена самого фундаментального права – права на жизнь, где корпорации и бюрократия, контролируя условия существования людей, создают отчужденную бесчеловечную реальность. Да, фашизм убивал людей в концлагерях, а рыночно-демократический строй убивал их массированными бомбардировками жилых кварталов в Гамбурге, Дрездене, Токио, в Хиросиме и Нагасаки он убивал их уже атомными

бомбами, во Вьетнаме химическим оружием, а сегодня, в странах капиталистической периферии, таких как Россия, он убивает людей голодом и болезнями. В чем же, в каких единицах измеряется величина зла? В миллионах трупов? И какая, в конце концов, разница как умирать: в концлагере или на "воле" от голода, болезней и непосильного труда? Кто хоть раз был в российской глубинке, кто хоть раз видел, в каких условиях живут люди в третьем мире, тот понимает, что это не пустые слова. Величайшее лицемерие - отстаивать приоритет либеральных ценностей, сидя в тихом, уютном кабинете и получая приличное жалование. Не говоря уже о том, что защита демократии "как меньшего зла по сравнению с фашизмом" это еще и заведомо проигрышная позиция. Голодный человек не станет бороться "за свободу печати", мягко говоря, условную в ситуации финансового контроля над прессой со стороны крупных корпораций.

Для того, чтобы воспрепятствовать росту фашистского влияния, недостаточно одних только заклинаний, что, мол, "фашизм – это плохо". Нужно разобраться в причинах, порождающих данное явление. "Широкое общественное согласие с формулой, в соответствии с которой ценность человека определяется его работоспособностью и производительностью, имеет во времена сокращения рабочих мест далеко идущие последствия, – пишет немецкий анархист Михаэль Вильк. - Ощутимо растет тенденция решать социальные проблемы, вытекающие из ухудшения экономической ситуации, с помощью социал-дарвинистских методов. С ростом отчаяния от неспособности доказать собственную конкурентоспособность пропадает не только ощущение собственной ценности, но и растет злость, которая, в соответствии с давно известными образцами, направляется против других. Эти другие - не только иностранцы и беженцы, которые в известной расистской манере рассматриваются как угроза для немецких рабочих мест, но и старики, больные и инвалиды, все больше и больше воспринимаемые как фактор непроизводительных расходов. На картину социальных споров накладывает отпечаток дискуссия, в которой люди предстают, прежде всего, в контексте стоимости и полезности. До тех пор, пока даже жертвы такого подхода согласны измерять ценность людей по их прибыльности, по их экономической эффективности и конкурентоспособности, существует не только опасность социального деклассирования и изоляции, но и угроза быть объявленным недостаточно ценным, неполноценным или вредным для жизни". Из этого следует, что проблема расизма не может быть решена в условиях рыночно-демократической системы. Тем более, что, по мнению другого немецкого либертарного исследователя - Карла-Хайнца Рота, - "более трети населения ФРГ - это беженцы, иностранцы, лишенные каких бы то ни было политических прав". Для решения проблемы необходима совершенно новая концепция социального присвоения и новая форма управления обществом.

Так какие же силы питают фашизм? Ложь и демагогия? Но если бы все, что говорят фашисты, было ложью на 100%, проблема не была бы столь уж серьезной. Вы хотите сказать, – в ужасе воскликнут демократы, - что фашисты говорят народу правду!? И да и нет. Вот президент США с улыбкой на устах посылает самолеты бомбить Югославию "во имя гуманизма и демократии", вот натовские генералы деловито рассуждают "о правах человека" на фоне картинки разрушенного Белграда, вот, под аккомпанемент тех же самых рассуждений крылатые ракеты с этикеткой "made in USA" падают на Триполи, Могадишо, Багдад, Хартум, на афганские деревни… Фашистам в таких случаях нет смысла лгать. "Пока существуют нации, государства и большой бизнес, - говорят фашисты, – будут существовать "сферы влияния" и "зоны интересов", будут продолжаться большие и малые войны. Посмотрите, - говорят они, – на демократов. Сами условия существования в современном мире, ***сама потребность обеспечить выживание среди других империалистических хищников*** заставляет их стремиться к господству, к экспансии, к расширению жизненного пространства. Ибо: "выживает сильнейший". Но демократы не хотят и

не могут действовать последовательно, их политика половинчата, лицемерна, отягощена предрассудками. А мы открыто заявляем о своих намерениях и пойдем до конца". Все именно так. ***Сила фашизма, его мощь скрыта в этой своеобразной извращенной честности.*** И напрасно либеральные правозащитники прячутся за утверждения, что, мол, всегда нужно делать акцент не на геополитике, а на правах человека. Геополитика, если понимать под данным термином стратегические интересы и экспансионистские устремления великих держав, существует, более того - правит миром. "Глупо спорить о том, – пишет В.Игнатьев в статье "Безумие Геополитики" – должны ли Курилы остаться русскими, или их следует отдать Японии" ("Тум-балалайка" №9). А почему, собственно, глупо? Бесчеловечно, может быть, но отнюдь не глупо. Если демократы признают за государствами и корпорациями право на существование, то почему же они не признают право вышеизложенных структур на реализацию своих интересов? А вот требовать, чтобы в рамках борьбы сверхдержав за мировую гегемонию соблюдались права человека, это действительно глупо и наивно.

Абсурдно пытаться вырвать тоталитарные режимы (фашизм и большевизм) из контекста европейской истории нового времени, из контекста индустриально-капиталистического развития. Фундаментальным принципом индустриально-капиталистической системы является экономическая рациональность и эффективность любой ценой, извлечение прибыли с минимальными издержками, подавление конкурентов и неразрывно связанная с этим процессом социопсихологическая установка на доминацию и экспансию. Политика, культура, язык, право, искусство, господствующая мораль подчиняются вышеупомянутому императиву и изменяются (рационализируются) в соответствии с требованиями решения главной задачи. Все это приводит к "внешней" экспансии, к войнам (а значит к неизбежной централизации общественной жизни) и к "внутренней" экспансии в область человеческой психики, к росту одномерности, к превращению человека в функцию экономической мегамашины. Люди становятся заложниками огромных экономических и политических структур, порожденных индустриальной рациональностью, их жизнь выхолащивается, превращаясь в дьявольскую карусель самых пошлых и низменных побуждений. И даже бунт против растущего отчуждения принимает порой чудовищно-разрушительные формы, ибо слишком сильно искалечены их души.

Данные тенденции и формируют тоталитарный строй, а он, в свою очередь, доводит их до логического завершения. По мнению Маркузе, современное индустриальное общество "тяготеет к тоталитарности". Большевистский ГУЛАГ добывал золото на экспорт, в обмен на промышленное оборудование, необходимое для укрепления военной и экономической мощи СССР. Нацистские абажуры из человеческой кожи, выставленные на продажу, это так же реализация доведенного до абсурда принципа капиталистической рациональности.

Вот почему бессмысленно противопоставлять фашизм и рыночно-демократический строй. Пусть даже мы примем за аксиому отнюдь не бесспорное утверждение, что демократия убивает реже и меньше, чем фашизм. Но предрассудки, наивность, туповатое благородство, желание "сохранить лицо" – все эти филистерские добродетели не смогут удержать общество от падения в пропасть "геополитического безумия". Слишком велики господствующие в мире разрушительные силы, порожденные иррациональной, бесчеловечной рациональностью мегамашины. Слишком призрачна грань, отделяющая буржуазную цивилизованность от безудержного варварства фашизма.

Впрочем, в "Тум-балалайке" встречаются порой достаточно глубокие рассуждения. Так, например, в статье "Часовой механизм уже запущен" (все тот же №9) говорится, что "в этом трезвом, холодном рационалистическом обществе фашистские организации представляют собой нечто вроде "сгустка тепла", "прибежища идеалов", что они являются "одним из воплощений провинциального уюта, противостоящего модели рационалистического прогресса". Важно понять, каким образом фашизм интегрирует подобные протестные импульсы и со временем обращает их в свою противоположность. Ведь эти импульсы неразрывно связаны с тем, что еще не исковеркано в человеческой культуре, они порождаются глубинным стремлением людей к теплу, к сотрудничеству и взаимопомощи, они вызваны естественной реакцией человека на ужасы капиталистической тирании и индустриальной гигантомании. В 30-е годы немецкий национал-социализм сумел легко интегрировать внеклассовые коммунитарные устремления пролетариата в свои "народные коммуны" (volksgemeinschaft), так как в то время даже самые крайние революционно-синдикалистские организации Германии (не говоря уже о либералах и с.-д.) просто не обращали внимания на подобные проблемы. Сегодня некоторые нацистские группировки пытаются повторить тот же самый прием и будет очень плохо, если у них все получится. Но "Тум-балалайка" не развивает тему, оставаясь на уровне описания быта наци-скинхедов и абстрактных призывов "бороться с фашизмом". Ни о настоящем глубинном, социально-революционном анализе, ни о борьбе с бесчеловечной реальностью индустриального капитализма речь не идет. Мысль стыдливо останавливается вблизи поля антииндустриалистских идей, не решаясь пройти дальше.

Конечно, нужно бороться с фашизмом и национализмом. Но эта борьба лишена смысла, если она оторвана от самоорганизованных пролетарских инициатив, от либертарных идей, от стремления преодолеть индустриально-капиталистическое отчуждение и тиранию государства, от протестных импульсов, исходящих из полураздавленных и деформированных пластов общественного сознания - элементов подлинной, живой человеческой культуры. Что до либерально-демократической идеологии, то я глубоко убежден в том, что она наносит вред делу антирасистского сопротивления. Во избежание недоразумений: я с уважением отношусь к такому изданию как "Тум-балалайка", но мне представляется ошибочной его либерально-демократическая составляющая. По существу, демократические антифашисты делают рекламу фашизму (бессознательно, как в случае с субъективно честными Тум-балалаечниками и вполне осознанно в случае с официальными антифашистами типа П.Казначеева), ибо они стремятся убедить нас в том, что нет иной альтернативы фашизму, нежели рыночно-демократический строй. Если им действительно удастся убедить в этом общество, то победа фашизма станет неизбежной, так как современные условия существования в рамках "демократии и свободного рынка" являются абсолютно неприемлемыми для большинства людей на нашей планете.

Кристиан ФЕРРЕР
(Буэнос-Айрес)

ПАМЯТИ МАШИНОБОРЦЕВ

"Кровавый кодекс".

С глубокой древности повешение считалось позорной казнью... Оно широко применялось для того, чтобы опорочить осужденного. К нему приговаривались те, кто совершал самые низкие преступления против общества, самые неисправимые, те, кто не желал становиться на колени и принуждался к этому силой. Некоторые из казненных в новые времена стали мучениками: Парсонс, Шпис и их товарищи по эшафоту, чью память мы чтим Первого мая. Но лишь немногие помнят имя Джеймса Таула, который оказался в 1816 г. последним из казненных "разрушителей машин". Он взошел на эшафот, распевая гимн луддитов, пока его голосовые связки не надорвались в одной-единственной ноте. Похоронная процессия из 3 тысяч человек допела гимн вместо него. За три года до этого на 14 стоявших в ряд виселиц взошли другие обвиненные в "луддизме", как официально стало называться это преступление. В те времена существовали десятки видов преступлений, за которые полагалась веревка. Убийство, супружеская измена, кража, мошенничество, политическое инакомыслие, - за все это и многое другое можно было лишиться жизни. В 1830 г. был повешен 9-летний мальчик, укравший цветные мелки. Так продолжалось до 1870 г., когда "гуманный" декрет разделил все преступления на 4 категории. Эти жестокие законы назывались "кровавым кодексом". Но луддизм был необычным преступлением, каравшимся смертью. С 1812 г. за разрушение машин в Англии полагалась смертная казнь. Немногие еще помнили о луддитах - имени, по которому они узнавали друг друга. Лишь время от времени на это народное выступление, прославившееся разрушением машин, ссылались неолиберальные технократы и прогрессистские историки, как на пример политического абсурда: "реакционные требования", "ремесленный этап сознания трудящихся", "бунт рабочих-текстильщиков, окрашенный в крестьянские тона". Однако все эти этикетки далеки от истины. Все они... порицают луддитское движение - одни из-за вполне понятной заинтересованности, другие - по незнанию или вследствие предрассудков. Образ луддитов, который рисовали как правые, так и левые, - образ обезьяноподобной и буйной орды псевдо-крестьян, топтавшей и рвавшей железные цветы, на которых собирали нектар пчелы прогресса. Иными словами, дорожный указатель, веха, обозначавшая последний бунт средневековья. Тема для палеонтологии, доисторический зверинец.

Призрак Неда Лудда.

Все началось 12 апреля 1811 г. Под покровом ночи 350 мужчин, женщин и детей напали на прядильную фабрику в Ноттингемшире, разрушив большие станки - "широкие рамы" и предав огню здания. То, что за этим последовало, вошло в народный фольклор. Фабрика принадлежала Уильяму Картрайту, ткацкому фабриканту, производившему изделия низкого качества, но на новых машинах. Сама фабрика была в те годы новым наростом на пейзаже: люди обычно работали в небольших цехах. В ту же ночь в окрестностях были разрушены еще 70 станков. Затем пожары и диверсии распространились на соседние графства Дерби, Ланкашир и Йорк, бывшие в начале 19-го века сердцем Англии и местом средоточия проблем, порожденных Промышленной революцией. Волна, вышедшая из деревушки Арнольд, на два года лишила власти контроля над центром Англии. На ее подавление были брошены 10 тысяч солдат под командованием генерала Томаса Мэйтленда. Десять тысяч солдат? Веллингтон командовал куда меньшим числом, когда начал действовать против Наполеона из Португалии. Больше, чем против Франции? В этом был смысл: Франция вскоре оказалась в подвешенном состоянии и страхе, но не призрак наполеоновской Франции преследовал английский двор... Всего лишь четверть века прошло с Первого года революции. Десять тысяч. Многие признаки говорили о том, что покончить с луддитами будет трудно. Прежде всего, потому, что участники движения пользовались поддержкой общества. Причем в двояком смысле слова: их не только поддерживало население, они и были населением. Мэйтленд и его солдаты тщетно искали Неда Лудда, их главу. Они его не нашли. Они и не могли его найти - ведь Неда Лудда не существовало, это было имя, придуманное людьми, чтобы сбить со следа Мэйтленда. Другие манифесты, издевательские или угрожающие, петиции были подписаны "Мистер Пистоль", "Леди Лудд". "Питер Плюш", "Гернал Справедливость", "Без короля", "Король Лудд", "Джо Поджигатель". Обратный адрес на письмах гласил: "Шервудский лес" (напоминание о Робине Гуде, - прим. перевод.). Новая мифология наслаивалась на более древнюю. Люди Мэйтленда вынуждены были прибегнуть к помощи шпионов, агентов-провокаторов и засланных лиц, которые составили элемент структуры на случай внешней войны. Это была экстренная реорганизация полицейских сил, называемых сегодня "интилледженс" (разведывательными).

События, которые держали в напряжении страну и парламент, стали, в конце концов, достоянием истории. Цель, которую преследовали луддиты, не была политической: она была социальной и этической; они не стремились к власти, а хотели противостоять динамике

ускоренной индустриализации. Этой цели они не достигли. Остались несколько песен, судебные акты, сообщения военных властей и шпионов, газетные статьи, 100 тысяч фунтов стерлингов убытков, специальная сессия парламента - и почти ничего больше. И, конечно же, факты: 2 года насильственной социальной борьбы, 1100 разрушенных машин, армия, вызванная для "усмирения" восставших регионов, 5-6 сожженных фабрик, 15 мертвых луддитов, 13 сосланных в Австралию, 14 повешенных на стене Йоркского замка, сколько-то раненых. Почему мы так мало знаем о намерениях луддитов и об их организации? Ответом служит сам призрак Неда Лудда: это было восстание без вождей, без централизованной организации, без денежных средств и с целью-химерой: поспорить с новыми промышленниками на равных. Но никакое "стихийное" восстание, никакая "дикая" стачка, никакой "взрыв" народного насилия не родится из ничего. Для них нужны годы скрытого созревания, поколения, передающие наследие преследуемых, население, вынашивающее мысль о сопротивлении: иногда целые столетия могут пройти за один-единственный день. Детонатором обычно служит противник. С 1810 г. повышение цен, потеря рынков в связи с войной и сговор новых промышленников и торговцев текстилем в Лондоне, позволивший им не покупать больше изделия трудящихся из небольших текстильных деревень, - все это подожгло фитиль. С другой стороны, политические собрания и свобода печати были отменены под предлогом войны с Наполеоном; закон запрещал текстильщикам эмигрировать, даже если они умирали от голода: Англия не должна была давать своим знаниям утекать за границу.

Луддиты разработали чрезвычайную военную организацию. Она включала систему делегатов и курьеров, покрывавшую 4 графства, тайные клятвы верности, методы камуфляжа, часовых, организаторов кражи оружия во вражеском лагере, настенные надписи. Кроме того, они распознавали друга с помощью древнего способа боевых песен, которые они называли гимнами. В одной из немногих записанных пелось: "Есть одна-единственная рука / И хотя она только одна / В этой единственной руке волшебная сила / Которая распинает миллионы / Уничтожим Короля Пара, чудовищного Молоха". В другой говорилось: "Ночь за ночью, когда все тихо / И луна сползла в холмы / Мы идем творить свою волю / Факелом, пикой и ружьем". Кузнечный молот, которым луддиты крушили станки, был сделан на фабрике Энох. Поэтому идя на бой, они пели "Большой Энох": "Стойкие, кто осмелились, стойкие, кто смогли/ Вперед, молодцы / С факелом, пикой и ружьем!".

Образ молота пронизывает короткую эпопею луддитов. В анархистской символике начала века объединенные в синдикаты трудящиеся давили большим молотом уже не машины, а всю фабричную систему. Оценивая такое отношение к технике, следует учитывать, что власть пыталась не только подавить народные восстания, но и воспрепятствовать организации рабочих в то время как объединенными были только предприниматели. Карбонарии, заговорщики, члены группы "Черная рука" из Кадиса, революционные синдикалисты: в минувшем веке многие попытки такого рода кончались виселицей.

"Честная игра".

Ныне никто уже не помнит такие некогда столь важные термины, как "справедливая цена" или "достойный заработок". Но как тогда, так и теперь, стратегия обмена, технологического ускорения и навязываемого населению отчуждения принуждает сельских жителей восставать. Рим строился на протяжении 7 веков, Манчестер и Ливерпуль - каких-нибудь 20 лет. Позднее, в Азии и Африке поселения возводились за 2 недели. Никто не может быть готов к таким переменам. Невидимая рука рынка отличается от сделки на базаре, когда товары можно увидеть и пощупать. Внедрение новых машин помимо желания людей, полупринудительное опустошение деревень и концентрация людей в новых индустриальных городах распространение принципа чистой наживы и колоссальная порча нравов были питательной средой для бунта. Но не следует обобщать. Луддиты отрицали не всякую технику, а только ту, которая наносила моральный ущерб обществу; Их насилие было направлено не против машины как таковой (так, они не уничтожали свои машины, даже достаточно сложные), а против символов новой торжествующей политэкономии (концентрации на городских фабриках, машин, которые невозможно приобрести сообща и которыми невозможно управлять вместе). И в любом случае, не они изобрели... методы: разрушение машин и нападение на дома хозяев веками были обычным средством добиться повышения зарплаты. Они не думали, что новые механизмы могут использоваться трудящимися, чьи руки были неопытны, а копельки пусты. Насилие было направлено против машин, первую кровь пролили фабриканты. В действиях луддитов встревожила новая, символическая разновидность насилия. Причем настолько, что неизбежным следствием восстания стало теснейшее взаимодействие крупных промышленников и государственной администрации; этот пакт не разорван до сих пор.

И, наконец, луддиты поставили вопрос: Где пролегает предел? Можно ли выступать против внедрения техники или процессов труда, если они наносят ущерб обществу? Насколько важны социальные последствия технического насилия? Где можно высказать коммунитарные интересы? Можно ли обсуждать новую технологию "глобализации" с точки зрения этики, а не статистических или плановых соображений? Можно ли считать ценностью новизну и скорость операций? Никто не станет отрицать актуальность этих тем... Луддизм остро почувствовал наступление технической эры, поставив "тему механизации" - вопрос не столько технический, сколько политический и этический. Подобно тому, как фабриканты и помещики обвиняли луддитов в преступлениях якобинства, сегодня технократы обвиняют критиков индустриальной системы в ностальгии. Но еще луддиты понимали, что им противостоят не только жадные промышленники текстиля, но и само техническое насилие Фабрики.

Будущее в прошлом: подумаем о современной технологии заранее.

Эпилоги.

27 февраля 1812 г. стало памятным днем в истории капитализма и в хронике проигранного сражения. Темой

взбунтовавшихся бедняков занялся парламент... В этот день лорд Байрон явился в парламент в первый и в последний раз. Со времени казненного Гая Фокса никто еще не осмеливался явиться в Палату лордов, чтобы возражать ей. В ходе сессии под председательством премьер-министра Персиваля обсуждалась уместность дополнения нового пункта в список преступлений, каравшихся смертной казнью, - так называемого "билля о разрушении машин". Отныне за уничтожение машин полагалась смерть. Итак, лорды против луддитов: сто против одного. В это время Байрон работал над поэмой о Чайлд-Гарольде, но нашел время для того, чтобы самому отправиться в зоны волнений и составить свое собственное представление о ситуации. Проект закона уже был одобрен Палатой общин. Будущий премьер-министр Уильям Лэмб голосовал «за», посоветовав коллегам сделать то же самое, поскольку "страх смерти оказывает могущественное воздействие на умы..." Лорд Байрон пламенно, но тщетно возражал. Он... говорил о посланных солдатах, как об оккупационной армии, вызывающей отторжение у населения: "Марши и контрмарши! Из Ноттингема в Балуэлл, из Балуэлла в Бэнфорд, из Бэнфорда в Мэнсфилд! А когда, наконец, части дошли до цели, со всей гордостью, помпой и обстоятельствами, приличествующими славной войне, они едва успели явиться вовремя, чтобы стать зрителями того, что уже произошло, чтобы составить акт о побеге ответственных, собрать обломки разрушенных машин и вернуться в свои казармы, сопровождаемые насмешками стариков и свистом детей".

Он прибавил: "Не довольно ли уже крови в вашем кодексе законов, или ее нужно пролить еще больше, чтобы она достала до неба и там свидетельствовала против вас? И как же вы собираетесь применять этот закон? Постройте по виселице в каждой деревне и повесите на каждой человека в устрашение прочим?". Но все было тщетно. Тогда Байрон решил опубликовать в газете опасную поэму - "Оду авторам билля против разрушителей станков":

О Р(айдер) и Э(лдон), достойную лепту
Внесли вы, чтоб Англии мощь укрепить!
Но хворь не излечат такие рецепты.
А смогут, пожалуй, лишь смерть облегчить.
Орава ткачей, это стадо смутьянов,
От голода воя, на помощь зовет -
Так вздернуть их оптом под дробь барабанов
И этим исправить невольный просчет!

Нас грабят они беспардонно и ловко.
И вечно несыты их жадные рты -
Так пустим немедленно в дело веревку
И вырвем казну из когтей нищеты.
Сборка машины труднее зачатия,
Прибыльней жизни паршивый чулок.
Делу торговому и демократии
Виселиц ряд расцвести бы помог.

Для усмиренья отродий плебейских
Ждут приказания двадцать полков.
Армия сыщиков, рой полицейских.
Свора собак и толпа мясников.
Иные вельможи в свои преступленья
Втянули бы судей, не зная стыда.
Но лорд Ливерпуль отказал в одобренье,
И ныне расправу вершат без суда.

Но в час, когда голод о помощи просит.
Не всем по нутру выносить произвол
И видеть, как ценность чулка превозносят
И кости ломают за сломанный болт.
А если расправа пойдет не на шутку,
Я мыслей своих не намерен скрывать.
Что первыми надо повесить ублюдков,
Которым по вкусу петлей врачевать.

Возможно, лорд Байрон испытывал симпатию к луддитам, а может быть, будучи денди до кончиков ногтей, презирал жадность торгашей. Но наверняка он не отдавал себе отчета в том, что новый закон, по существу, - это символ капитализма. Остаток жизни он прожил на континенте. Незадолго до того, как покинуть Англию, он опубликовал стихотворение "Песня для луддитов":

Как за морем кровью свободу свою
Ребята купили дешевой ценой,
Так будем и мы: или сгинем в бою,
Иль к вольному все перейдем мы житью,
А всех королей, кроме Лудда, - долой!

Когда ж свою ткань мы соткем и в руках
Мечи на челнок променяем мы вновь.
Мы саван набросим на мертвый наш страх.
На деспота труп, распростертый во прах,
И саван окрасит сраженного кровь.

Пусть кровь та, как сердце злодея, черна,
Затем что из грязных текла она жил. -
Она, как роса, нам нужна:
Ведь древо свободы вспоит нам она.
Которое Лудд насадил!

В январе 1813 г. был повешен Джордж Меллор, один из немногих капитанов луддитов, которых удалось схватить. Несколько месяцев спустя за ним последовали 14 других луддитов, атаковавших собственность крупного промышленника Джозефа Рэтклиффа. Такое число казненных зараз было беспрецедентным событием для тогдашней Англии. Но даже эта цифра показательна. Правительство назначило значительное вознаграждение в деревнях, где жили обвиняемые, в обмен на информацию, служащую их осуждению. Но все откликнувшиеся крестьяне дали ложную информацию и использовали деньги для помощи обвиняемым. Тем не менее, возможность справедливого суда была исключена, несмотря на слабость обвинений против подсудимых. Четырнадцать осужденных встретили свой смертный час на стене Йорка, распевая религиозный гимн "Зри, спаситель человечества!". В большинстве своем они были методистами. С распространением восстания на 4 графства мозаика вовлеченных в движение усложнилась: демократы-последователи Тома Пэйна, религиозные радикалы, наследники крайних сект предыдущих веков (левеллеры, рэнтеры, южно-шотландцы и т.д.), будущие организаторы профсоюзов (среди заключенных-луддитов были не только ткачи, но и представители всех профессий), ирландские

эмигранты-якобинцы. Не стоит забывать: интернационализм древен и известен еще в античную эпоху, к примеру, в движении Спартака.

В один прекрасный день всплывают тысячи и тысячи имен. В памяти проступают слоги бессчетного количества фамилий из прошлого человечества. Их истории пали жертвой темных провалов. Нед Лудд, лорд Байрон, Картрайт, Персивал, Меллор, Мэйтленд, Одген, Хойл - ни одно имя не должно быть потеряно. Генерал Мэйтленд был вознагражден за свою службу: он получил дворянский титул баронета и был назначен губернатором Мальты, затем главнокомандующим на Средиземном море и, наконец, верховным комиссаром Ионических островов. Прежде чем покинуть мир, он успел еще подавить революцию на острове Кефаллония. Персивал, премьер-министр, был убит, прежде чем изловил последнего луддита. Уильям Картрайт продолжал развивать свою прибыльную и процветающую индустрию, и индустриальная модель пустила метастазы. Один из его сыновей покончил с собой ни где-нибудь, а посредине Хрустального дворца во время международной промышленной выставки 1851 г.; грохот машин в зале заглушил звук пистолетного выстрела. Когда через несколько лет после событий умерла одна из местных шпионок, поселившихся в окрестностях, ее могила была осквернена, а тело эксгумировано и продано студентам-медикам. Некоторых луддитов видели 20 лет спустя, когда в Лондоне были основаны первые организации рабочего класса. Другие, сосланные в отдаленные земли, оставили свои следы в Австралии и Полинезии. Подобные маршруты были прочерчены и после Парижской Коммуны, и после Испанской революции. Но большинство сельских жителей четырех графств, как кажется, заключили пакт об анонимности, сохраняя прежнюю клятву молчания по имени "Нед Лудд". Никто в долинах не рассказывал о своем собственном участии в восстании. Урок был жестоким, а законы техники - тем более. Только время от времени, в какой-нибудь таверне, какое-нибудь слово, какая-нибудь песня; остатки, которые никто не учитывал. Они стали удаленным плодом истории. Никто не ценит такого рода жертвы.

Голоса.

Почему нас так трогает история Неда Лудда и разрушителей машин? Их действия сохранились лишь в виде кратких примечаний в низу страницы великой книги автобиографии человечества, а содержание их истории анонимно, очень хрупко и почти абсурдно, вызывая одновременно любопытство и - в еще большей степени - отсутствие интереса к тому, что невозможно использовать. Наш век - не подходящая эпоха для спокойных размышлений. Буржуа прошлого века мог позволить себе роскошь спокойно отдохнуть с романом в руке. Зрители нашего столетия располагают всего парой часов, чтобы просмотреть телевизионную программу. Мы живем в эпоху тахикардии, как саркастически заметил Мартинес Эстрада. Обратиться вспять по ходу истории, чтобы затем отдохнуть при виде ее бурь - такое мог позволить себе только Орфей. Он открыл себе дорогу в мир мертвых с помощью мелодии, которая срывала самые совершенные запоры. Мы же можем только руководствоваться призрачными огоньками, которые доходят до нас из старых книг - умирающими дуновениями да лингвистическими обрывками. Любой иной след рассыпается на составные части. Но если эти части могут выражать язык, необходимо вновь обратиться к памяти, сохранив все, что происходило в его "теле" (к примеру, все весла, которые во все времена рассекали воду, все копыта, которые стучали по земле, и т.д.). В свою очередь, воздух хранит все голоса, которые исходили из горла всех людей, живших с начала времен. В действительности, в эту минуту произносятся миллионы слов. Но ни одно не теряется, даже слова немых. Все они обозначаются в прозрачном воздухе, отношение которого к человеческому слуху еще предстоит исследовать: понять, когда говорят дети, оставляя царапинки или резкие черты на стеклах, колеблемых собственным дыханием. Если этот устный архив можно перевести на наш язык, то все вещи вернутся в одно мгновение, составив голос одной огромной руны или целостной памяти истории. В ветре рассеяны голоса, передаваемые от одной эпохи к другой, и какой-нибудь слух может уловить бури, бушевавшие в иные времена. Ветер - прекрасный проводник памяти, - поскольку все сказанное столь же необходимо, сколь и невольно и поскольку мы внезапно ощущаем себя ближе к умершим, чем к живым. Что касается этого сказанного, то я никак не могу и не хочу пропустить мимо ушей то, что сказал старый луддит Бен в историческом клубе графства Дерби через 50 лет после событий: "Меня огорчает, что сегодняшние сельские жители понимают вещи хуже, чем понимали мы, луддиты". Но как же мог кто-нибудь тогда, в разгар эйфории прогресса, открыть уши для старой луддитской истины? Не было тогда аудитории, способной воспринять эти пророчества; ее все еще нет до сих пор. Замечание Бена было последним словом луддитского движения, в свою очередь - рассеянным эхом живых стонов повешенных в 1813 году. Быть может, я и написал все это, чтобы лучше слышать Бена. Я хватаюсь за нить его голоса и плету ее, как те, кто, подобно мне, блуждают в этом лабиринте.

(Germinal. № 81. 1999).

Перевёл Вадим Дамье.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ УИЛЬЯМА МОРРИСА

Среди так называемых "левых" часто можно услышать призывы к созданию "революционного искусства" – контр-культуры. Под этим обычно понимается разрыв с цивилизацией как таковой, т.е. в реальности – возвращение к примитивному варварству неолита (каменного века), эпохи, когда люди еще не слишком сильно отличались от обезьян. В этом смысле, контр-культура перенимает эстафету варварства у современной буржуазной цивилизации, с ее каменными джунглями городов и гигантскими помойками, с ее одномерностью и обезличиванием, с ее отвратительной стадностью и безудержным индивидуализмом. Но предшествующее развитие цивилизации при всех своих противоречиях и катастрофах несводимо к буржуазному филистерству, объявившему себя венцом истории. До тех пор, пока в обществе присутствуют элементы иной культуры, иного виденья мира, иной ментальности, варварство не сможет одержать окончательную победу, потому что люди все еще не одномерны. Именно по этой причине интересны поиски и усилия тех творческих личностей и общественных движений, которые стремились к разрыву с буржуазной культурой, с одномерностью, с иррациональной рациональностью индустриального капитализма. Среди таких личностей - выдающийся английский общественный деятель и художник Уильям Моррис.

…По вольным улицам брожу
У вольной некогда реки
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат как звон
Законом созданных цепей…

Уильям Блейк.

Уильям Моррис, родившийся в 1834 г. и умерший 4 октября 1896 г., был, по выражению его друга Уолтера Крейна, "поэтом, артистом, ремесленником и изобретателем нового общества". Социальная реформа занимала, и только отчасти, последние 20 лет его жизни. Как и Джон Рескин (знаменитый критик и теоретик искусства - прим. ред.), Моррис был сыном купца и получил образование в Оксфорде. Затем он сделался одним из поэтов новой английской школы: Моррис занял в ней одно из первых мест со времени появления его "Земного рая" в 1868 г. После смерти лорда Теннисона можно было ожидать назначения Морриса поэтом-лауреатом, но его социалистические воззрения и пропаганда отдалили от него официальные милости.

К литературной славе Морриса присоединяется и декоративный талант, прославивший его на континенте. Вместе с другом своим - Берн Джонсом - он был одним из инициаторов возрождения декоративного искусства в Англии. От бывшей его первоначальной профессии, архитектуры (Моррис считается одним из зачинателей стиля модерн, - прим. ред.), он перешел к изготовлению мебели, шпалер, печатанию изящных изданий (Моррис был издателем, создавшим ряд новых шрифтов и полиграфических приемов, воскрешавших практику первопечатников, а также деятелем текстильного искусства, воссоздавшим мастерство шпалер, - прим. ред.). Презирая, подобно Рескину, продукты механического производства, он пытался осуществить гармонию мускульного усилия и интеллектуального труда, которою восхищался в произведениях мастеров Средневековья. В его мастерских (он создал ряд ремесленных мастерских, - прим. ред.) все производилось ручным трудом. Ему ненавистна была даже сама близость паровых фабрик. Обойная фабрика его (созданная им мастерская по производству шпалер, - прим. ред.) в Мертон-Абби расположена за городом. Дом в Хаммерсмите утопает в зелени на берегу Темзы, противоположный берег которой, покрытый лужайками и группами деревьев, тянется до самого горизонта.

Красота формы, казалось, была его единственным идеалом; возрастающий успех его предприятий, по-видимому, наполнял всю его жизнь в то время, как он бросился в новое английское социалистическое движение.

Главное теоретическое сочинение Морриса о социализме есть собрание его лекций, вышедшее в 1888 г. под заглавием "Знаки перемен".

Но первым произведением его после поворота к социализму был критический труд "Надежды и страхи искусства" - 5 лекций, читанных в Бирмингеме и Лондоне между 1878 и 1881 гг. Эти лекции можно считать переходным периодом между сферой собственно искусства и социализмом. Моррис нашел основной тезис для своей критики индустриального общества: ***(оно) делает невозможным бескорыстное стремление к прекрасному***.

Характеризуя современное общество, Моррис сказал, что оно озабочено, прежде всего, ***производством товаров***, то есть таких предметов, которые могут быть проданы. Моррис доказывал, что забота о товаре портит артистов (художников, - прим. ред.) и извращает вкус публики.

Позднее он обобщил свой протест; он сделался проповедником коммунизма, автором различных сочинений, пропагандирующих коммунизм, из которых новейшее - "Почему я сделался коммунистом?". Вот его кредо:

"Коммунизм - это общество, основанное на практическом равенстве состояний (т.е. имущественном равенстве, - прим. ред.): практическом, то есть видоизменяемом способностями и склонностями различных членов своих (т.е. каждый по своим способностям, каждому - по его склонностям, - прим. ред.). Такова экономическая основа. Нравственная основа заключается в привычке человека сознавать, что

он социальное существо, так что он приобретает навык не делать различия между общею собственностью и собственностью отдельных лиц. Следовательно, я коммунист, потому что 1) мне кажется невозможным представить себе человека вне общества; и 2) потому что не существует иной экономической и нравственной основы, на которой возможно было бы построить истинное общество, кроме той, на которую я указал выше. При всякой иной основе расхищение и бесполезное страдание войдут в нее как существенные составные части. Короче говоря, я не вижу системы, при которой люди могли бы жить вне этих двух выражений: рабство, равенство...".

"Я верю, - утверждает автор, - в конечное осуществление коммунистического строя". Когда это совершится? Это ему неизвестно; но он думает, что это время не наступит вдруг, без переходного периода. Быть может, нам придется пройти "чрез период, носящий теперь наименование социализма и в котором орудия производства и рынки будут в руках тех, кто может ими пользоваться, то есть разного рода рабочих; период, в котором большие скопления капиталов будут невозможны, потому что деньги потеряют тогда свою привилегию; и в котором каждый будет иметь возможность хорошо работать. Этот период неполного социализма, как мне кажется, должен постепенно и без насильственных перемен преобразоваться в истинный коммунизм".

Без сомнения, он не менее любил свободу, чем Кропоткин. Свободный индивид в свободной ассоциации определялись им следующим образом:

"Централизованная нация уступит место федерации общин, которые предоставят все богатства в распоряжение всех и будут пользоваться ими для удовлетворения нужд каждого члена, требуя от него только, чтобы он возможно лучше работал, сообразно со своими способностями, над производством общественного богатства. Впрочем, само собой разумеется, что каждый член безусловно свободен распоряжаться своею долею по собственному усмотрению, помимо всякого постороннего вмешательства, поскольку он действительно пользуется этою долей для собственного употребления и не обращает ее в орудие господства. Эти соображения предполагают полное равенство состояний для всех, так как жизнь людей будет различаться только их склонностями и способностями: соревнование в труде на общую пользу заменит конкуренцию и будет служить стимулом к деятельности...

Когда люди избавятся от разъединяющего их страха, порожденного нашей системой искусственного голода, они почувствуют, что лучшим средством избежания эксплуатации труда было бы дозволить каждому черпать из общего фонда сколько ему нужно, так как ни у кого не будет ни соблазна, ни случая предпринять что-либо с большею против потребностей долею" (брошюра "Ложное и истинное общество", 1893).

В этом месте мы находим мысль и почти формулу материального равенства, пользования из общей массы имущества, всех решений, характеризующих новый (анархо-, прим. ред.) коммунизм, в котором индивид, взамен социализации своей собственности, получает полнейшую нравственную и интеллектуальную свободу.

Все эти воззрения встречаем в "Почему я сделался коммунистом", и в то же время находим там и веру в мирный прогресс. Вот пожелание, завершающее эту исповедь:

"Образование широкой и точно определенной социалистической партии, которая путем голосования вырвет у нынешних владеющих классов орудия, служащие им в настоящее время для управления народом в свою пользу, и употребит их к тому, чтобы по приговору общества осуществить реформу и положить конец угнетению".

Моррис, сделавшись социалистом, посвятил всю свою деятельность развитию социализма: книги, брошюры, лекции, воззвания, собрания, участие в избирательной борьбе, - все обращено было им на содействие успеху движения до последних месяцев его жизни, когда болезнь и утомление принудили его к отдыху. По соседству с его домом основано было им Хаммерсмитское социалистическое общество, имевшее собрание каждое воскресенье и издавшее целый ряд брошюр. Моррис писал для этого общества и говорил от его имени. Он находился в постоянном общении с рабочими и носил рабочее платье с тех пор, как сам сделался ремесленником и занимался физическим трудом.

Уильям Моррис и "братство прерафаэлитов".

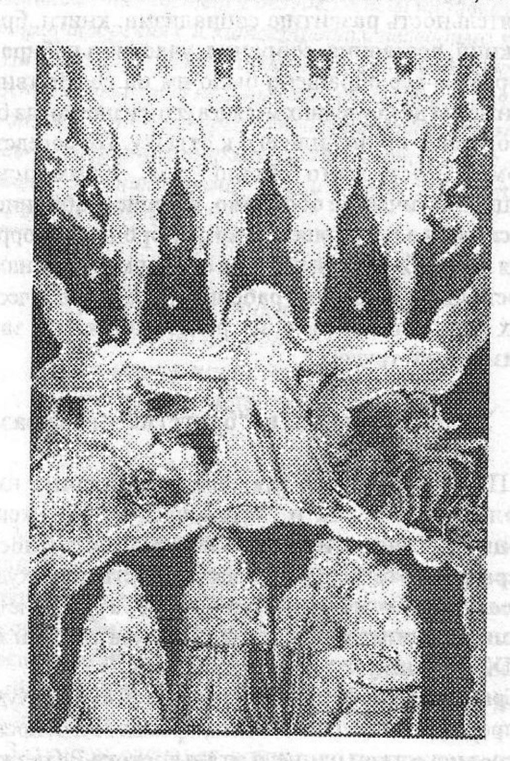
Поиски гармонии для Уильяма Морриса имели как политическое так и эстетическое выражение. Его социально-политические взгляды и активность были неразрывно связаны с его деятельностью как художника. Необходимо отметить вклад Морриса в развитие одного из самых значительных направлений в английской живописи XIX века – искусства "прерафаэлитов".

Братство прерафаэлитов возникло в 1848 году. Художников - прерафаэлитов объединяло, прежде всего, преклонение перед исусством раннего итальянского Возрождения до Рафаэля (кватроченто) – отсюда и название. Их объединяло глубокое неприятие современной цивилизации, безликости современного искусства. Многое роднило их и с искусством английского романтизма: любовь к старине, легендам, сказаниям. Ведущим идеологом этого направления был Джон Рескин (1819 – 1900 гг.), провозгласивший идеи нравственного и художественного воспитания в духе "религии и красоты". В основе творчества прерафаэлитов лежало стремление к радикальному разрыву с ценностями индустриально-капиталистической цивилизации (но не цивилизации вообще), обращение к эстетическим и этическим идеалам средневековых городов-коммун. Для живописи прерафаэлитов характерны яркие краски, интесивные эмоции, поиски гармонии и красоты.

Каждый из художников Братства прерафаэлитов был индивидуальностью и вскоре каждый из них пошел своим путем, не удовлетворяясь стилизацией искусства кватроченто. Данте Габриэль Россети (1828 – 1882) и Э.К.Берн-Джонс (1833 – 1898) тяготели к символизму, к декоративному искусству (необходимо отметить, что именно благодаря Данте Габриэлю Россети были заново открыты поэзия и живопись выдающегося английского поэта и художника Уильяма Блейка). Холман Хант (1827 – 1910) и Д.Э.Миллес (1829 – 1896) – достигли почти натуралистической достоверности в своих картинах, где широко использовались литературные и религиозные сюжеты.

Близкий к прерафаэлитам художник Ф. Медокс Браун (1821 – 1893 гг.) писал в основном историчекие и религиозные картины, но настоящим откровением для современников стали два его произведения жанрового характера: "Последний взгляд на Англию" – картина, посвященная эмигрантам и "Труд", в котором художник не только изобразил людей труда, но и противопоставил их праздным богачам.

Прерафаэлиты занимались не только живописью, но и

William Blake. "When the Morning Stars Sangs Together"

декоративным искусством, художественным оформлением книги т.д. В 1860 х годах Уильям Моррис вслед за Рескиным начал борьбу с обезличиванием в декоративном искусстве, неибежном при машинном производстве. Обращаясь к эстетике средневекового ручного труда, Моррис организовал художественно-ремесленные мастерские изготовления мебели, обоев, тканей, витражей, изделий из стекла и металла, рисунки для которых помимо него выполняли художники прерафаэлиты (например Берн-Джонс, используя средневековые рыцарские и религиозные сюжеты и мотивы).

Стилизаторство прерафаэлитов отчасти предвосхитило стиль "модерн" рубежа веков.

В поиске.

Взгляды Уильяма Морриса на тактику социалистов и пути преобразования общества неоднократно менялись. Вот что пишет по этому поводу М.Беэр в "Истории социализма в Англии":

"Одним из самых знаменитых членов (Демократической, - прим. ред.) Федерации, всегда готовым на жертвы, был Уильям Моррис, которого привлек в 1883 г. к движению Бакс. Он покрывал в первый год издания "Justice" (еженедельника ДФ, - прим. ред.) дефициты газеты, читал лекции на перекрестках улиц, в парках и рабочих клубах. Он звал массы дружно, не теряя времени присоединиться к социалистическому движению, которое распространяется по всему свету, потрясает мир, возбуждая в некоторых страх, и приносит, наконец, радость всем людям труда.

Исходным пунктом его социально-критического настроения было следующее убеждение: при капиталистической системе рабочие не находят той радости в труде и не пользуются той обеспеченностью существования, которые одинаково необходимы для пробуждения художественных инстинктов в человеке, для предоставления широкого простора их развитию и для создания художественных произведений. Однако уже это убеждение предполагает размышление о социально-экономических вопросах: о "капиталистической системе" не отзываются отрицательно, если раньше не занимались социальной критикой. В душе Морриса, как и большинства его новых единомышленников, шевелилось недовольство левыми либералами и парламентскими социалистами, к которым он принадлежал приблизительно до 1881 г. и политику которых он не мог больше поддерживать. Взгляды его на этот счет изложены в двух письмах, которые он написал в июне и июле 1883 г. одному из своих друзей, левому либералу:

"...Я, со своей стороны, привык думать раньше, что можно содействовать реальному социалистическому прогрессу путем честного и серьезного участия в буржуазно-радикальной политике. Недавно я был приведен, однако, к заключению, что заблуждался: я увидел что буржуазный радикализм стоит на ложном пути и никогда не разовьется в нечто большее, чем радикализм; он создан фактически средним классом и для среднего же класса и всегда будет находиться под командой богатых капиталистов, которые ничего не имеют, правда, против политических реформ, но будут всеми средствами препятствовать действительным социальным переменам. В моих глазах политическая свобода бесцельна, если из нее нельзя сделать орудия, которое помогло бы людям добиться разумной и достойной человека жизни... Контраст между богатством и бедностью невыносим, и его не должны бы терпеть ни богатые, ни бедные. На основании этого убеждения я чувствую себя обязанным добиваться разрушения системы, которая представляется мне сплошным угнетением и тормозом. Такая система может быть разрушена только путем объединения недовольных; разрозненные действия немногих лиц из средних и высших классов бессильны. Другими словами: классовый антагонизм, созданный этой системой, представляется естественным и необходимым орудием ее разрушения (...)". "Социалисты надеются и требуют, чтобы общество было переустроено, чтобы оно получило совершенно другую форму, чем теперь. Между тем, цель парламентских учреждений - сохранить общество, починить машину, для того чтобы она продолжала действовать. Либеральное законодательство, - а другого нет, ибо тори тоже вынуждены законодательствовать в либеральном духе, - делает лишь те уступки народным желаниям, какие абсолютно необходимы, чтобы успокоить народ и иметь возможность лучше стричь его".

Строго говоря, эта аргументация направлена не только против парламентаризма, но и против всякой преобразовательной деятельности, если последняя не

имеет прямого социально-революционного характера. Такие идеи привели Морриса к сотрудничеству с анархистами. Далеко не случайно, в своем утопическом романе "Вести ниоткуда", он описывает социально-революционный процесс как серию всеобщих стачек.

Однако в конце жизни Моррис опять сблизился с Обществом фабианцев (парламентскими социалистами).

Утопический роман "Вести ниоткуда".

Предшествующее изложение социальных теорий Морриса представляет, так сказать, лишь остов его учений. По нему нельзя составить себе полного представления о нем, как об артисте и поэте, высоко ценившем красоту. Остается показать, как эти два фактора - искусство и социализм - соединяются у него одно с другим. Влияния, приведшие к этому синтезу, так многообразны, что едва ли возможно проследить их на человеке с такой обширной культурой. Из цитируемых с особым предпочтением Моррисом выдержек можно заключить, что ум его развился под влиянием поэтов, моралистов и эстетиков. Особенно часто встречаются следы влияния Рескина.

Не столько научные занятия, сколько воображение руководило Моррисом. Он особенно охотно объективирует свои теории в форме художественных видений. Вот, например, начало "Сна Джона Болла", коммунистического пастыря XIV века:

"Нередко внезапный и весьма приятный сон вознаграждает меня за утомление, причиняемое погружением в действительность. Во сне я вижу пред собою архитектурную панораму. Вижу прекрасное, благородное здание, как бы только что отстроенное по этому случаю. Я вижу его так ясно, как бы наяву; в нем нет ничего смутного и нелепого, как то часто бывает в сновидениях, отчетливо выделяются все гармонические и соразмерные детали".

Капиталистическая индустрия обезображивает все: и людей, и предметы. Человеческая раса истощается в мастерских и в городах. Дым фабрик и заводов затемняет небо, грохот станков нарушает сельскую тишину. Страсть к наживе истребляет леса и загрязняет реки; механическое производство убивает искусство; крайняя бедность и чрезмерное богатство одинаково смертельны для вкуса. Чем хуже современности были средневековые времена, когда жили среди полей, когда не существовали Бирмингем и Манчестер, когда городские жители строили соборы, вместо того чтобы изнурять себя прядением хлопчатой бумаги? Карлейль поставил вопрос; Моррис неоднократно повторял его, но не остановился на этом; он если и создавал свой идеал из казавшегося ему прекрасным и симпатичным во все времена, но, однако, никогда не помещал этот идеал в прошлое. Моррис желал будущего общества, в котором сочетались бы красота, благосостояние и свобода.

"Необходимо и справедливо, чтобы все люди находили для себя занятие: 1) такой труд, который заслуживал бы быть произведенным (work worth doing - любимая формула Морриса, воспоминание о Рескине); 2) труд, приятный сам по себе; 3) труд, поставленный в такие условия, чтобы его можно было совершать без чрезмерной усталости и муки... В хорошо устроенном обществе всем желающим трудиться должны быть обеспечены: 1) труд, приносящий честь и подходящий для них; 2) жилище, красивое и здоровое; 3) достаточный досуг для отдыха уму и телу" (брошюра "Искусство и социализм", 1884).

Так как сухая теория не была во вкусе Морриса, он набросал живую и яркую картину Лондона после 2000 года: это "Вести ниоткуда", утопический роман. И здесь он взял форму сна. Книга появилась в Лондоне в 1891 г. Рассказчик передает, что в своем пророческом сне он видел город, превратившийся в деревню; дома изолировались один от другого и прятались в зелени, их соединяли новые и удобные пути сообщения. Улицы заменены были аллеями. Трафальгар-сквер превратился в фруктовый сад.

"Я чуть не спросил: "Да Темза ли это?", но удержался и, скрыв свое удивление, обратил остолбенелые взоры к востоку, чтобы еще раз увидеть мост, и оттуда стал смотреть на берега лондонской реки. И было чему удивляться, потому что, хотя и существовал на реке мост, а на набережных стояли дома, но как все изменилось с прошлой ночи! Мыловаренные заводы с их извергающими дым трубами исчезли. Исчезли мастерские и машины! Исчезло свинцовое производство! Западный ветер не приносил ни единого звука наковален и молотов... А мост! Может быть, я и мечтал о таком прекрасном мосте, но никогда не видел такого, разве на раскрашенном плане; даже Понте Веккьо во Флоренции имел с ним отдаленное сходство".

Вместе с современными зданиями были уничтожены и рестораны, портившие красивые прежние здания.

"С тех пор, как мы живем в этом мире кирпича и цемента, - утверждал Моррис в своих "Надеждах и опасениях за искусство", - у нас остались лишь немногие памятники, если исключить призрак большой Вестминстерской церкви, испорченной снаружи тупоумием реставрировавшего ее архитектора и оскорбленной внутри лицемерием предпринимателей похоронных процессий, тщеславием и невежеством двух последних веков и половины нынешнего".

Очевидец 2000 года передает, что нашел все эти ошибки исправленными.

"С правой стороны я увидел величественное здание, внешний вид которого показался мне знакомым. Я воскликнул: "Вестминстерское аббатство!". "Да, - ответил Дик, - это Вестминстерское аббатство! То, что от него осталось!". "Как! Что же вы с ним сделали?" - спросил я с ужасом. "Что сделали? Да немногое, разве только почистили. Вы ведь знаете, что снаружи оно было испорчено уже несколько веков тому назад; что касается внутренности здания, оно вернуло свою красоту после того, как его очистили сто лет тому назад от дрянных памятников, воздвигнутых в честь глупцов и негодяев, некогда блокировавших его, как выражался мой прадед"".

"Мы прошли далее и снова, взглянув вправо, я сказал не совсем уверенным тоном: "Кажется, это здание парламента? Служит ли оно вам теперь?". Он разразился громким смехом и довольно долго не мог успокоиться; затем, хлопнув меня по плечу, сказал: "Я вас, сосед, понял; вы действительно можете удивляться тому, что мы не разрушили этого здания, и я кое-что знаю о нем, потому что один старик-родственник давал мне книги, из которых видно, какие странные там разыгрывались комедии. Вы спрашиваете, служит ли оно нам? О, конечно. Оно служит дополнительным рынком и магазином искусственного удобрения и очень пригодно для

такого употребления, так как стоит на берегу реки"".

Новый Лондон доставляет удовольствие не одним антикварам и художникам; он создан на радость для всех. Каждый живет там счастливо, трудясь согласно своим вкусам и силам, пользуясь всем необходимым для жизни, не имея ни центрального правительства, ни полиции, ни судов, ни тюрем, не различая людей по сословию и достатку. Нет более приказов и запретов; не существует даже мелких стеснений фаланстера (т.е. самоуправляющегося коллектива - прим. ред.).

"Мы наткнулись на группу людей, исправлявших дорогу, что нас несколько задержало; но я не досадовал, так все виденное мною до сих пор представлялось мне долгими каникулами, и мне хотелось увидеть, как справляются эти люди с действительно полезным трудом.

Они только что отдохнули и снова принялись за работу в ту минуту, как мы подошли, так что стук кирки заставил меня очнуться от моих мечтаний. Было там около дюжины здоровых молодых людей, напоминавших мне партию гребцов, некогда виденных мною в Оксфорде и так же мало тяготившихся своим делом, как и те. Их верхнее платье лежало у края дороги, аккуратно сложенное и порученное надзору ребенка лет шести. Мальчик обнял одною рукою шею большой собаки, нежившейся, как будто этот летний день создан был исключительно для ее удовольствия. Взглянув на груду платья, я мог заметить переливы золотого шитья и шелка... тут же стояла большая корзина, в которой, по-видимому, хранились паштеты и вино. Около полудюжины молодых женщин следили глазами за работой и работающими".

Наглядевшись на все эти прекрасные вещи, рассказчик проснулся и имел огорчение снова очутиться среди туманов нынешнего Лондона. Весь этот рассказ - сон; но в нем следует видеть более, чем фантазию романиста, так как видение будущего было для Уильяма Морриса не простою идиллией, также как его пристрастие к средним векам не было реакцией.

Можно спросить, не слишком ли узка социальная реформа, основанная исключительно на интересах искусства. Устранить употребление машин, крупную индустрию, затем отменить систему свободной конкуренции старых экономистов, - действительно ли это единственное средство устранения нищеты?

По-видимому, Моррис, - если не во всех своих произведениях, то, по крайней мере, в "Вестях Ниоткуда",- останавливается именно на таком способе. Мы имеем по этому поводу веское свидетельство Уолтера Крэйна в биографической заметке, посвященной им памяти друга.

Крэйн передает, что "Вести Ниоткуда" были написаны с целью служить противоположением и даже почти противоядием другому утопическому роману - "Оглядываясь назад, или 2000 год" американца Беллами. "Оглядываясь назад" - воображаемое осуществление своего рода государственного социализма во вкусе Луи Блана. Все виды индустрии и обмена организованы в виде общественных учреждений. Развитие машинизма доведено до высочайшей степени: все производится электричеством и паром. Жители скучены в городах гигантских размеров.

Напротив, "Вести Ниоткуда" рассылают людей по селениям, устраняют машины, разрушают промышленную и политическую централизацию и предоставляют автономию каждой группе.

Литературное достоинство произведения Морриса, без сомнения, значительно превышает его пророческое, а может быть, и научное значение.

(Подготовлено по материалам книги - Альбер Неген. Социализм в Англии. - С-Пб., 1898. - и по другим источникам В. Дамье и М. Магидом.)

АНАРХО-КОММУНИЗМ В ЯПОНИИ В 20-е-30-е гг.

Красная луна…
Кто владеет ею, дети?
Дайте мне ответ.

Исса.

Многие исследования об анархизме в Японии, особенно те, которые симпатизируют большевизму, утверждают, что приблизительно со времени гибели Осуги[1] анархизм пошел на спад. Этот взгляд далек от истины. В течение 20-х годов анархисты в Японии были в организационном отношении сильны, как никогда. Соответственно наблюдался расцвет их идей и теорий, особенно среди анархо-коммунистов.

В 1926 г. были созданы две общенациональные федерации анархистов. Первая возникла в январе 1926 г. - Черная лига молодежи (Кокусёку Сейнен Рэнмей), известная по ее японскому сокращенному названию Кокурэн. Первоначально ее составляли главным образом молодые анархисты их Восточной Японии (район Канто), однако она быстро охватила людей из различных поколений и распространила свою федеральную организацию по всей стране и даже на японские колонии - Корею и Тайвань. Второй федерацией была Всеяпонская Либертарная Федерация Профсоюзов (Дзенкоку Родо Кумиай Дзию Рэнгокай), название которой обычно сокращалось как Дзенкоку Дзирэн. На ее учредительной конференции 24 мая 1926 г. присутствовали 400 делегатов, представлявших 25 профсоюзов с общим числом 8400 членов. Эти цифры сопоставимы с 35 профсоюзами (20 тысяч членов), оставшимися в реформистской Японской конфедерации труда, в то время как 32 из входивших в нее раннее профсоюзов (12500 членов) откололись в 1925 г. и создали Японский совет профсоюзов, руководимый большевиками. Хотя Дзенкоку Дзирэн была, таким образом, меньше, чем ее реформистские и большевистские соперники, входившие в нее профсоюзы действовали во всех регионах страны, от острова Хоккайдо на дальнем Севере, в крупных городских центрах Токио и Осаке в индустриальном сердце Японии и вплоть до городов на Юго-западе страны, таких как Хиросима. Помимо этого Дзенкоку Дзирэн была укоренена во всех основных отраслях промышленности. Ее профсоюзы были организованы на отраслевой основе, причем включала работников таких различных отраслей, как печатников, текстильщиков, строителей, пищевиков, рабочих резиновой промышленности, межотраслевые союзы и т.д.

Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн имели вначале широкую основу. В них объединялись сторонники большинства направлений в анархизме - от анархистов-синдикалистов до анархо-коммунистов. Хотя присутствие последних сильно ощущалось с самого начала, программа Дзенкоку Дзирэн, принятая на ее учредительной конференции, была сформулирована под явным влиянием классической декларации синдикалистских принципов - Амьенской хартии французской ВКТ (1906 г.). Учредительная программа Дзенкоку Дзирэн провозглашала:

- мы считаем классовую борьбу основой движения за освобождение рабочих и батраков-крестьян;
- мы отвергаем все политические движения и признаем исключительно экономическое действие;
- мы выступаем за либертарную федерацию, организованную по отраслям, и отвергаем централизованный авторитаризм;
- мы выступаем против империалистической агрессии и за международную солидарность трудящегося класса.

Между Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн существовали очень тесные связи, причем первая действовала как ядро наиболее деятельных и закаленных в борьбе активистов в более широких рамках второй. Когда профсоюзы, входившие в Дзенкоку Дзирэн, вовлекались в трудовые конфликты, активисты Кокурэн, помимо участия в забастовках, зачастую прибегали к наиболее опасным формам прямого действия, например, вооруженным столкновениям с полицией, пытавшейся подавить забастовочное движение, поджогам домов хозяев и т.д. В связи с этим отношения между Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн часто сравнивают с теми, которые существовали в Испании между ФАИ и СНТ. Однако эта аналогия не может считаться полной, поскольку, как мы увидим, идеи, которыми вдохновлялись многие японские анархисты, существенно отличались от тех, которые были распространены в Испании и других странах.

История последующих 5 лет была наполнена ростом антагонизма между анархо-коммунизмом и синдикализмом, в результате чего анархистские синдикалисты в 1927-1928 гг. вышли из Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн и создали собственные независимые организации. Причины для такой конфронтации были различными. Наиболее просто было бы отождествить их с влиянием двух виднейших анархо-коммунистических теоретиков и пропагандистов - Хатты Сюдзо и Ивасы Сакутаро. Хотя Хатта активно участвовал в анархистском движении только в течение 10 последних лет своей относительно короткой жизни (1886-1934), он был широко признан как "крупнейший теоретик анархистского коммунизма в Японии". Иваса прожил более долгую жизнь (1879-1967) и все больше рассматривался как патриарх японского анархизма. Сильно различаясь во многих отношениях, Хатта и Иваса весьма эффективно дополняли друг друга и испытывали глубокое недоверие как к синдикализму, так и к обычному рабочему движению. Бывший протестантский священник, Хатта был блестящим оратором, человеком, который мог владеть вниманием крестьян и рабочих, часами завораживая их, доводя до слез страстным обличением капитализма и большевизма и зажигая их страстным стремлением к иному обществу, в котором могли бы гармонично соединяться индивидуальная свобода и коммунитарная солидарность. Иваса был более спокойным, не столь пламенным человеком, незаменимым в неформальных разговорах и дискуссиях. Он был всегда в движении, постоянно колесил по Японии, легко заводил друзей и распространял, где только мог, идеи анархистского коммунизма.

Хотя выразителями анархо-коммунизма были такие талантливые люди, как Хатта и Иваса, расцвет этой теории в Японии невозможно объяснять одним только их влиянием. Популярность анархо-коммунизма в Японии конца 20-х гг. объяснялась тем, что он давал убедительное объяснение угнетению, от которого страдало так много людей, и одновременно отвечал их надеждам на новую жизнь. Многие батраки и рабочие сочли, что анархо-коммунизм более соответствует этим задачам, чем анархистский синдикализм. С точки зрения отчаянно бедных батраков, составлявших в тот период массу населения страны, и немногочисленных фабричных рабочих причины этого были легко понятны[2]. Когда анархо-коммунисты вели речь о революционном превращении нищих деревушек в процветающие, самообеспечивающиеся коммуны, их доводы были гораздо ближе батракам-крестьянам, чем преимущественно урбанистический, индустриализированный и профсоюзный подход анархистских синдикалистов.

Тем не менее, раскол между анархо-коммунизмом и анархистским синдикализмом невозможно объяснить только различием в социальном положении бедных крестьян и промышленных рабочих. Во-первых, существовала миграция между деревнями и городами, новые рабочие приходили на фабрике в периоды экономического подъема и регулярно возвращались назад при неизбежных спадах. Во-вторых, даже в глазах рабочих, постоянно обитавших в городах, анархо-коммунизм воспринимался как более кардинальный разрыв со структурами и ценностями капитализма, чем анархистский синдикализм.

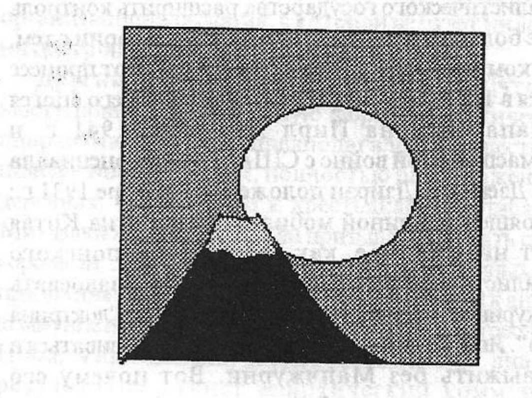
Многие из этих рабочих считали убедительным аргумент Хатты, который утверждал, что раз синдикализм основан на базе профсоюзной организации, выросшей на капиталистических рабочих местах, он воспроизводит в своих социальных отношениях централизацию, иерархию и власть, существующие при капитализме. По мнению Хатты, синдикализм, принимая форму организации, которая отражает капиталистическую индустрию, увековечивает разделение труда. Он предсказывал, что даже если хозяева будут устранены, шахты перейдут под контроль шахтеров, домны - сталелитейщиков и т.д., сохранятся противоречия между различными отраслями экономики и различными группами рабочих. Даже если признать, что анархистский синдикализм идеологически предусматривает ликвидацию государства, в нем, полагал Хатта, сохраняется тенденция к некоей форме арбитража или органа координации, который разрешал бы конфликты между различными секторами экономики и теми, кто в них занят. Существует опасность, что это не только породит новое государство, но и приведет к возникновению через этот координирующий орган нового правящего класса. Как отмечал Хатта, "в обществе, основанном на разделении труда, те, кто участвуют в жизненно важном производстве (составляя базу производства), будут иметь больше власти над механизмом координации, чем те, кто участвуют в других видах производства. Поэтому будет существовать реальная опасность возникновения классов".

Хатта и Иваса резко критиковали анархистский синдикализм за намерение осуществить революцию посредством классовой борьбы. Прежде всего, они отмечали, что социальные отношения, существующие между миллионами батраков-крестьян и помещиками, у которых они арендуют землю, ближе к феодализму, чем к капитализму. Поэтому японское общество невозможно свести к схеме классовой структуры, состоящей из противостоящих рабочих и капиталистов, как это пытаются сделать анархистские синдикалисты (и по той же причине компартия Японии). Во-вторых, что еще важнее, победа в классовой борьбе в лучшем случае изменяет существующий классовый порядок, но не создает бесклассовых условий, которые предусматриваются анархизмом. Иваса описывал это с помощью аналогии, ставшей знаменитой среди японских анархистов: когда главарь банды (капиталист) изгоняется и заменяется одним или несколькими из своих приближенных (обычным рабочим движением), порядок присвоения (классовая структура), можно сказать, изменяется, но сохраняется эксплуататорская природа общества (представленная в аналогии Ивасы продолжением грабительских действий банды). По этим причинам Хатта пришел к следующему выводу: "Если мы поймем, (...) что классовая борьба и революция - это разные вещи, то мы вынуждены будем сказать, что было бы большой ошибкой заявлять, как это делают синдикалисты, что революция произойдет с помощью классовой борьбы. Даже если с помощью классовой борьбы произойдет изменение общества, это не будет означать, что произошла настоящая революция".

В связи с этой критикой в адрес анархистского синдикализма Хатта специально разрабатывал вопрос, как анархо-коммунистическое общество может преодолеть разделение труда. Делая это, он раздвигал теоретические границы анархистского коммунизма, развивая его в такой мере, как это не делалось никогда со времен Кропоткина. Его видение анархистского коммунизма, в основном, сводилось к расцвету "небольших сообществ" (коммун), каждое из которых будет в далеко идущей степени обеспечивать себя само благодаря организации чередования сельскохозяйственной и (в небольших размерах) промышленной деятельности. Рассуждая теоретически о том, как это возможно на практике, он развил далее некоторые из идей, которые в зачаточной форме содержались в произведениях Кропоткина (указание на "физиологию общества" в "Хлебе и воле"), и внес важный вклад в развитие экономической теории анархистского коммунизма.

Поразительно, что многие теоретические работы Хатты, выражавшие такие идеи, находили отклик среди многих рабочих, даже тех, которые привыкли жить в промышленных и городских районах. Вот только один пример. Один токийский рабочий-печатник написал статью "Покинем города", опубликованную в газете Дзенкоку Дзирэн "Дзию Рэнго" ("Либертарная федерация") в декабре 1926 г. В ней говорилось, что рабочие не должны стремиться взять города из рук капиталистов и развивать их в своих собственных интересах. Они должны скорее восстать против хозяев и понести свои промышленные навыки в деревню, чтобы таким образом обогатить деревенскую жизнь и достичь единства с их братьями и сестрами-крестьянами. Что касается отношения к анархистскому синдикализму, то в газете Кокурэн "Кокусёку Сэйнен" ("Черная молодежь") в декабре 1929 г. появилась статья, выражавшая позицию большинства: "В настоящее время анархистское движение в Японии прогрессирует в

больших масштабах. В других же странах мы видим анархистское движение, связанное с синдикалистами. Но в нашей стране мы не одобряем этого, рассеивая синдикалистское движение, как мы это делаем с большевиками. Мы против анархистского синдикализма, мы приверженцы анархистского коммунизма" (что означал эфемизм "рассеиваем" из данной цитаты неясно. Но вобщем можно догадаться – прим. ред.).

Раскол.

Раскол между анархо-коммунистами и анархистскими синдикалистами произошел сперва в Кокурэн. В 1927 г. анархо-коммунистическое большинство стало все более открыто выражать свою оппозицию против синдикализма, что заставило меньшинство - анархистских синдикалистов - сгруппироваться вокруг новой газеты "Хан Сейто Ундо" ("Антипартийное движение"), выпуск которой начался в июне, а затем и полностью отойти от Кокурэн. Из Кокурэн раскол перешел в Дзенкоку Дзирэн, приведя к хаосу на ее второй конференции в ноябре; конференция была отложена, когда дебаты превратились в поток ругани. Сообщения о неминуемом расколе между анархо-коммунистами (в Японии они были иногда известны как "чистые анархисты") и анархистскими синдикалистами распространились за пределы Японии. Среди тех, кто встревожился, был и Аугустин Сухи, секретарь анархо-синдикалистского Интернационала М.А.Т. В письме, адресованном второй конференции Дзенкоку Дзирэн Сухи писал: "Товарищи! Мы слышали кое-что относительно нынешнего теоретического спора между чистыми анархистами и чистыми синдикалистами в японском либертарном рабочем движении. Если мы можем высказать наше мнение, сейчас не подходящее время для спора по подобным вопросам. Он носит абсолютно теоретический характер. В этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на Аргентину и южноамериканские страны в целом. В этих странах рабочее движение действует в духе Михаила Бакунина и, в то же самое время, находится под духовным руководством нашего... пионера Эррико Малатесты. В этих странах все анархисты героически участвуют в синдикалистском движении, и, в то же самое время, все синдикалисты борются за ликвидацию угнетательской машины государства и сопротивляются капиталистической эксплуатации. В Испании же анархисты и синдикалисты уделяют экономическим вопросам и духовной стороне дела такое внимание, что теоретические споры не возникают".

Письмо Сухи было опубликовано на первой странице газеты "Либертарная федерация" Дзенкоку Дзирэн в январе 1928 г., но оно не возымело желаемого эффекта. Более того, "Черная молодежь" Кокурэн в своем февральском номере опубликовала статью "Относительно послания Международной ассоциации трудящихся", бескомпромиссно заявлявшую, что с 1927 г. в Дзенкоку Дзирэн развернулась борьба против "предателей, оппортунистов и профсоюзных империалистов". Этот подход был перенесен и на вторую конференцию Дзенкоку Дзирэн, когда она возобновилась в марте 1928 г. После многочасовых резких споров, после взаимных оскорблений с обеих сторон анархистские синдикалисты решили признать неизбежное, свернули свои знамена и покинули зал. Но не только это оформило раскол в анархистском профсоюзном движении. То же самое открытое противостояние между анархо-коммунистами и анархистскими синдикалистами проявилось во всех сферах, где действовали анархисты. Например, процветавшее литературное и культурное анархистское движение таким же образом раскололось на коммунистическое и синдикалистское крыло, восвавшие между собой.

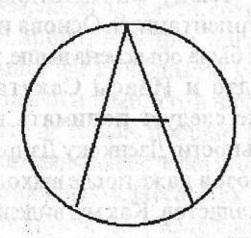
Следовало, вероятно, ожидать, что раскол между анархо-коммунистами и анархистскими синдикалистами окажет негативное воздействие на рост анархистского движения в целом, но этого не произошло. Правда, Дзенкоку Дзирэн лишилась некоторых профсоюзов и синдикалистского крыла из ряда других профсоюзов в ходе раскола 1928 г. К тому же пострадала ее опора - насчитывавший 5 тысяч членов токийский союз печатников, расколовшийся в апреле 1929 г. на чисто анархо-коммунистическую и анархистскую синдикалистскую организации. Однако в 1931 г. в новой, чисто анархо-коммунистической Дзенкоку Дзирэн было 16300 членов, что, вероятно, в два раза больше, чем при ее создании в 1926 г. Что касается анархистских синдикалистских профсоюзов, отколовшихся от Дзенкоку Дзирэн, то большинство из них объединились под именем Либертарного федерального совета профсоюзов Японии (Нихон родо кумиай дзию рэнго киогикай), сокращенно Дзикио. Дзикио был значительно меньше, чем Дзенкоку Дзирэн; в 1931 г. число его членов выросло до 3 тысяч[3].

Для понимания теории и практики анархо-коммунистов важно различать между антисиндикализмом и антипрофсоюзной ориентацией. Основа их оппозиции против синдикализма была объяснена выше, при описании теорий Хатты Сюдзо и Ивасы Сакутаро. Однако антисиндикализм не следует понимать как отказ от профсоюзной деятельности. Дзенкоку Дзирэн оставалась федерацией профсоюзов даже после выхода из ее рядов анархистских синдикалистов. Как мы видели, в несколько последующих лет она продолжала привлекать к себе значительное число рабочих. Более того, входившие в нее профсоюзы были всегда готовы пойти на ожесточенный конфликт с хозяевами по вопросам зарплаты или условий труда и участвовали в ряде крупных выступлений. Например, можно указать на борьбу 1300 рабочих против сверхурочного труда и урезания зарплаты на заводах Сибаура компании Мицуи и в американской компании "Дженерал электрик" в 1930 г.

Отношение анархо-коммунистов к профсоюзному

движению отличали два фактора. Во-первых, они постоянно подчеркивали значение более широкой борьбы за новое общество, которую они ставили над непосредственными проблемами (такими, как зарплата или условия труда) и вне их. Во-вторых, хотя в профсоюзы Дзенкоку Дзирэн входили в основном промышленные рабочие, они направляли свое внимание на батраков-крестьян как на ключевую социальную силу для осуществления на базе коммун общества, альтернативного капитализму (эта работа, повидимому, подготовила почву для появления крестьянского анархо-коммунистического движения "Носейся", о котором речь пойдет ниже). Значение, которое активисты Дзенкоку Дзирен придавали этим двум факторам, заставляло их уделять много времени и энергии теоретической работе с целью прояснить природу нового общества и социальные силы, могущие его осуществить.

Японские анархистские синдикалисты, напротив, весьма мало занимались теорией. Вероятно, ни один из них в Японии не внес крупного, оригинального вклада в анархистскую синдикалистскую теорию. С этой точки зрения важно, что наиболее значительным теоретиком со стороны анархистского синдикализма всеми признается Исикава Сансиро. Однако, хотя он отказался отбросить анархистский синдикализм, что сделало его своего рода противоположностью анархо-коммунистам вроде Хатты и Ивасы, и он, как ни странно, был, в первую очередь, ориентирован на аграрный анархизм. В контексте Японии можно сказать, что анархистский синдикализм внес наиболее значительный вклад не в области теории, а в сфере действия. Например, во время конфликта в компании "Никон сендзю" в апреле 1931 г. профсоюз, входивший в Дзикио, не только захватил фабрику, но и использовал новаторские методы борьбы, такие как голодная стачка и расширенное вовлечение женщин из окружающих местностей. Один из активистов Дзикио - Тиба Хироси - удачно драматизировал борьбу с целью привлечь поддержку общественности. Он поднялся на заводскую трубу и сидел там на высоте 40 метров на протяжении 14 дней. Хотя конфликт закончился компромиссом, это было уже само по себе достижение в тогдашних условиях, когда все было против рабочих.

Агония предвоенного анархистского движения.

Поворотным пунктом в истории довоенного анархистского движения стал в 1931 г. так называемый Маньчжурский инцидент. Под влиянием мировой экономической депрессии, наступившей в 1929 г., все империалистические державы начали возводить высокие таможенные барьеры вокруг контролируемых ими территорий и использовать свои колониальные владения для смягчения воздействия кризиса. Но в отличие от главных империалистических держав, таких как США, Великобритания или Франция, Япония не обладала такими колониальными территориями, которые были бы достаточны для обеспечения необходимых ей рынков и снабжения дешевым сырьем. Маньчжурский инцидент стал началом попыток японского капиталистического государства расширить контроль над все большей частью китайской территории с тем, чтобы компенсировать эти недостатки. Этот процесс начался в 1931 г. в Манчжурии и достиг своего апогея при нападении на Пирл Харбор в 1941 г. и полномасштабной войне с США. Вот как оценивала газета Дзенкоку Дзирэн положение в ноябре 1931 г.: "Настоящей причиной мобилизации против Китая служит ни что иное, как стремление японского капиталистического класса и военщины завоевать Манчжурию. У Японии есть своя собственная "доктрина Монро". Японский капитализм не может развиваться и даже выжить без Манчжурии. Вот почему его правительство идет на любой риск, лишь бы не потерять свои крупные привилегии в Китае... Американский капитал притекает в Китай во все больших и больших масштабах. Иными словами, Япония теперь вынуждена противостоять американскому капиталу в Китае".

Когда японское государство пошло навстречу смертельной схватке со своими международными соперниками, оно было вынуждено сокрушить всякое инакомыслие на внутреннем фронте; на верхних местах в списке на уничтожение стояли анархисты. Кокурэн была ликвидирована в 1931 г., а Дзенкоку Дзирэн и Дзикио, достигшие пика влияния в этом году, стали терять численность по мере ужесточения репрессий[4]. В 1933 г. численность Дзенкоку Дзирэн упала до 4400 членов, а Дзикио - до 1100. В рядах прижатых к стене анархистов сформировались три стратегии выживания движения. Одна из них диктовала Дзенкоку Дзирэн и Дзикио сократить свои расхождения, воссоединиться в единую федерацию, объединявшую как анархо-коммунистов, так и анархистских синдикалистов, и выступить в едином фронтальном сопротивлении против фашизма. Воссоединение произошло в январе 1934 г., когда Дзикио самораспустился, а большинство его членов и входящих в него профсоюзов вернулись в Дзенкоку Дзирэн. Но это сплочение рядов не остановило рассыпание анархистского профсоюзного движения[5]. По отдельности или вместе, профсоюзы просто не могли тягаться силами с государством, твердо решившим их уничтожить (как организационно так и физически). В 1935 г. даже в объединенной Дзенкоку Дзирэн было не более 2300 членов.

Вторая стратегия ответа на государственные репрессии была использована Ассоциацией деревенской молодежи (Носон сейнен ся), сокращенно называвшейся Носейся. Сформированная в феврале 1931 г. Носейся была сетью сельских анархо-коммунистических групп, доведших децентрализацию до ее крайних пределов. Носейся выступала за крайнюю организационную децентрализацию, не только потому, что это предопределяло тот тип анархизма, которого она стремилась достичь, но и для того, чтобы снизить уязвимость анархистов перед государственными репрессиями. Предполагалось, что если наносить удары без какого-либо четкого центра, то государство не будет

знать, куда бросить свои силы. Носейся критиковала анархистов (цитируя по этому поводу Бакунина), которые полагали, что достаточно заменить систему контроля сверху, существующую в авторитарных организациях, якобы либертарной системой, идущей снизу. По мнению Носейся, нужны не контроль низов над верхом или периферии над центром, а организационная форма, в которой не будет ни верхов, ни центров.

Другим отличием Носейся было то, что она выступала за определенную форму "практического анархизма", которую предполагалось осуществлять немедленно, с основой, полностью расположенной в деревнях. В "Призыве к крестьянам", написанном Миядзаки Акирой, крестьян призывали порвать связи с городами, отказаться от уплаты налогов или иных форм признания государства и немедленно перейти к анархо-коммунистической системе производства и потребления. Носейся признавала, что, по крайней мере, вначале, результатом станет анархический коммунизм, основанный на крайней бедности, но она была убеждена, что даже на ранних этапах преобразования общества проявятся преимущества коммунитарной солидарности, которые компенсируют экономические лишения.

Даже это краткое изложение идей Носейся доказывает, что как в теории, так и в организационном плане она выросла из основного течения японского анархо-коммунизма, связанного с Дзенкоку Дзирен. Члены Носейся восприняли некоторые из элементов, всегда присутствовавших в анархо-коммунистической теории и практике, и развили их дальше в характерный подход к анархистской организации и действию. Впрочем, настаивая на крайней децентрализации, они, тем не менее, все же имели некое подобие собственной организации.

Принимая решение о самороспуске, они, несомненно, действовали под влиянием ареста многих своих членов в Токио в 1932 г., последовавшего за кампанией по добыванию финансовых средств для организации. Так что роспуск Носейся в сентябре 1932 г. был частично актом самосохранения. Это не означает, что ее члены перестали быть анархо-коммунистами или что они отказались от активной деятельности. Скорее, они ушли после этого в работу на местах, часто в нищих деревушках в горных районах, сохраняя при этом неформальные контакты между собой. Но как мы увидим, эта стратегия распыления не спасла бывших членов Носейся, когда государство нанесло по ним удар.

Третьей стратегией, нацеленной на сохранение анархистского движения перед лицом вознамерившегося сокрушить его государства, были действия "Анархистской коммунистической партии" (Мусейфу кёсанто). Во многом, эта стратегия была прямой противоположностью той, которую осуществляла Носейся. Как явствует из ее названия, АКП была создана в январе 1934 г. как маленькая группа активистов, намеренных осуществить безгосударственное и вольное коммунистическое общество, с которым всегда связывался термин анархистский коммунизм. Однако если цели этой борьбы остались прежними, средства ее достижения стали совершенно иными. В том, что касается средств, организаторы АКП стали использовать большевистские организационные методы для анархистских задач. Партия была создана как крайне секретная группа, о существовании которой не было открыто объявлено; ее членский состав ограничивался специально отобранной элитой. Одна из часто применявшихся тактик АКП состояла в продвижении своих членов на ключевые позиции в более широких организациях, которыми затем пытались манипулировать изнутри. Например, таким образом АКП удалось захватить контроль над "Газетой либертарной федерации", которая служила органом Дзенкоку Дзирэн со времени своего создания в сентябре 1928 г. Такие члены АКП, как Аидзава Хисао, бывший одним из редакторов "Газеты либертарной федерации", сыграли важную закулисную роль в осуществлении воссоединения Дзенкоку Дзирэн и Дзикио, поскольку это соответствовало партийной идее единого фронта анархо-коммунистов и синдикалистов. Важно отметить, что АКП смогла добиться некоторых успехов внутри движения лишь в условиях катастрофического поражения японского анархизма, подтвердив, таким образом, ту простую истину, что большевистско-манипулятивные авторитарные методы оказываются востребованы в условиях спада общественного движения, т.е. в ситуации, когда массовая активность, основанная на принятии основных решений общими собраниями рабочих (ассамблеями) по тем или иным причинам сходит на нет, а наиболее активные в рабочем движении люди оказываются изолированными. Успех российского большевизма и других подобных движений объясняется именно прогрессирующим разрывом между "успокоившимися" или запуганными массами и изолированными, хотя и сохранившими определенные каналы воздействия на общество активистами. Из этой почвы и вырос японский анархо-большевизм (как и пресловутая "платформа" Махно-Аршинова среди русских анархистов). Однако, подобная тактика не только не принесла японским анархистам успеха, но, напротив, обернулась новой катастрофой.

Нарушение фундаментального анархо-коммунистического принципа "единства цели и средств" быстро принесло свои плоды. Анархистам пришлось столкнуться с последствиями этого флирта с большевистскими методами. Атмосфера внутри АКП вскоре стала напоминать паранойю, неизбежную для любых авангардных организаций. Страх перед предательством и изменой стал повседневным явлением и, наконец, достиг апогея, когда один из членов партии по имени Футами Тосио застрелил другого, известного под именем Сибахара Дзюндзо, поскольку предполагал, что тот является полицейским шпионом. За убийством Сибахары в октябре 1935 г. последовало в ноябре неумелое вооруженное ограбление, в ходе которого Футами, Аидзава и еще один член партии попытались захватить деньги из банка. Как убийство, так и попытка ограбления навели полицию на след активистов партии и, когда Аидзава был арестован и подвергнут пыткам, детали об организации АКП стали известны.

Здесь государству, которое стремилось полностью удушить все анархистское движение, снова повезло. Полиция раскинула свои сети как только могла широко, и только за последние месяцы 1935 г. в них попались 400 анархистов. Когда размах репрессий возрос, Дзенкоку Дзирэн в начале 1936 г. прекратила свое существование, а анархистская твердыня - Токийский союз печатников - был

сломлен арестом около 100 своих членов. По мере допросов все большего числа арестованных, сопровождавшихся изощренными пытками, полиция смогла вычислить точную картину давно распущенной сети Носейся. Несмотря на то, что Носейся прекратила скоординированную деятельность более чем 3 года назад, в сентябре 1932 г., в мае 1936 г. на ее бывших членов обрушилась новая волна арестов. На этот раз было арестовано еще 300 анархистов.

Как и в деле Котоку и его товарищей поколением раннее, лишь небольшая часть арестованных предстала перед судом[6]. В этой связи только убийца Сибахары - Футами Тосио был приговорен к смерти, но даже этот приговор был заменен 20-летним заключением. Другие видные члены АКП и Носейся получили более короткие сроки. Например, Аидзава Хисао, главный организатор АКП, был приговорен к 6 годам тюрьмы, а Миядзаки Акира, автор "Призыва к крестьянам", и другие обвиненные в том, что они являлись "лидерами" Носейся, получили до 3 лет. Хотя индивидуальные приговоры были не столь драконовскими, чем во времена Котоку, общее давление на анархистское движение в целом было тяжелее, чем в "зимний период". С 1936 г. организованная деятельность стала в буквальном смысле невозможной. Это не означает, что с этого дня анархисты в Японии исчезли. Очевидно, что они продолжали присутствовать в японском обществе на протяжении военных лет, но у них уже не было возможностей для организованного выражения своего существования. Для каждого анархиста в отдельности основным (и чрезвычайно трудным) делом стало личное выживание; у большинства не было иного выбора, кроме как держаться в тени, сохранять свои мысли при себе и ждать...

Полномасштабная война с Китаем, которая велась с 1937 г., переросла с 1941 г. в войну с США и их союзниками и привела, в конечном счете, к ковровым бомбардировкам Токио и других крупных городов в 1945 г. и к ужасу Хиросимы и Нагасаки. Более 3 миллионов японцев погибли в эти годы бойни; заметим, что бомбы и пули не различали между оголтелыми милитаристами и противниками империалистической войны, такими как анархисты. Немалое число анархистов бесследно исчезло, по-видимому, часть погибла в тюрьмах и концлагерях, другие стали жертвами катастроф, рожденных войной. Хотя японское государство вынуждено было, в конце концов, сдаться в августе 1945 г., механизм репрессий работал почти до самого финала. В итоге, когда наступил конец, нескольким десяткам выживших анархистов пришлось восстанавливать свое движение на пустом месте.

(Из брошюры: J.Crump. The Anarchist movement in Japan. London, 1996.)

---

[1] Осуги Сакаэ, один из наиболее талантливых мыслителей и публицистов среди японских анархистов, и двое его товарищей были казнены в сентябре 1923 г.

[2] Население Японии в 1930 г. составило 64,5 млн., а в 1935 г. - 69 млн. человек. Из них в городах жили 24% (1930 г.) - 32% (1935 г.). В 1930 г. в сельском хозяйстве было занято 48% самодеятельного населения, причем (на 1936 г.) 27% хозяйств были арендаторскими, 42% - полуарендаторскими и только 31% хозяйствовали на собственной земле; 75% хозяйств владели участками земли менее 1 га. В конце 30-х гг. численность рабочего класса достигала 12 млн. человек, в том числе промышленного - 7 млн., сельскохозяйственного - 1 млн.

[3] Общее число членов всех профсоюзов Японии в 1931 г. составляло 369 тысяч - 8% всех лиц наемного труда.

[4] В условиях начала войны в Китае японские анархистские синдикалисты вынуждены были на словах занять более умеренную позицию в попытке спасти движение. Но это не слишком помогало. В апреле 1932 г. был запрещен ежегодный конгресс Дзикио (фактически японской секции М.А.Т.). Все издания, в том числе официальный орган Дзикио "Родо симбун" ("Рабочая газета") и ежемесячный журнал "Под черным знаменем" были запрещены и изымались из продажи. В итоге попытки анархо-синдикалистских изданий "быть осторожными на словах, чтобы пройти как-нибудь через цензуру, кончались полной неудачей" ("Дело труда", №78, январь-март 1934, с.22). Жестоко подавлялись выступления рабочих. Первомай 1932 г., прошедший в Токио под лозунгами анархо-синдикалистов "Освобождение рабочего класса возможно только на основе автономного федерализма!", несмотря на запрет, собрал свыше 12 тысяч рабочих; против них были брошены 4,5 тысячи полицейских. Вспыхнули столкновения; полиция арестовала 1200 демонстрантов (прим. К.Лиманова).

[5] К моменту объединения обе федерации фактически уже действовали нелегально, хотя и не были официально запрещёны. После Манчжурского инцидента Дзенкоку Дзирэн и Дзикио уже не смогли собрать ни одного легального форума. Решение об объединении принималось на нелегальных конференциях, в частности, на конференции Дзикио 17-29 июня 1933 г. первая конференция объединенной Дзенкоку Дзирэн 18 марта 1934 г. и первое заседание ее исполкома в Токио 3-4 ноября 1934 г. также проходили в подполье. Полиции удалось арестовать двух делегатов исполкома из Окаямы и конфисковать оттиски резолюций, подлежавших обсуждению. После этого обсуждение этих резолюций было запрещено (прим. К.Лиманова).
В 1935 г. сообщалось о сохранении связей между М.А.Т. и Дзенкоку Дзирэн, которая фактически была секцией М.А.Т., хотя японские законы не разрешали официального членства в международных организациях.

[6] В 1910 г. сотни анархистов были арестованы. В декабре 1910 г. состоялся суд над одним из основателей японского анархистского движения Котоку Сюсюем и 25 его товарищами. Все они были признаны виновными в "терроризме"; 12 человек, в том числе Котоку повешены в январе 1911 г. Анархистское движение было разгромлено, для него наступил длительный "зимний период".

ОСЕНЬ ПАТРИАРХОВ

Палата Лордов Великобритании судит чилийского генерала Аугусто Пиночета. Испания желает наказать его за гибель своих граждан в Чили в годы его правления. Мир ждёт, что же восторжествует: право или политическая корректность. В любом случае дела у старика плохи.

Российские западники-антикоммунисты опять облажались. То всё хвалили апартеид в ЮАР, а он тут и кончился, то Пиночет у них был герой, а оказывается, цивилизованный западный мир так не считает. Прям беда.

Когда-то, в доисторическом 73-м году, этот генерал взял власть из расстрелянной "Ла-Монеды", которую с оружием в руках защищал интеллигентный, похожий по чьим-то словам на провинциального аптекаря, президент-социалист Альенде. Считалось, что Альенде погиб в бою. Об этом же сообщила и радиостанция путчистов. Но много лет спустя правительственная комиссия восстановленной чилийской демократии официально заключила: товарищ Альенде покончил с собой. Впрочем, эта комиссия оценила общее количество жертв репрессий в 3,5 тысячи человек. Правозащитники и ассоциации родственников погибших утверждают, что цифру нужно увеличить в несколько раз. Прямо как у нас в перестройку, когда не могли договориться, сколько народу угробил сталин - то ли три миллиона, то ли сто пятьдесят.

Но дело ж не в этом. А в том, что кто-то защищал "Ла-Монеду" в Сантьяго, кто-то её штурмовал. Одни верили в социализм, другие верили, что социализм - это смерть. Те и другие верили в свободу, в Бога и в Чили.

Когда я учился в школе, а Чили управлял Пиночет, каждый год в день государственного переворота в далёкой южноамериканской стране нас строили на "пионерскую линейку". Странно, но мы слушали нелепо-патетический рассказ о чужой борьбе - и верили ему. Ну расскажите теперь детям или взрослым о какой-нибудь справедливой борьбе. Вероятнее всего, ваши слушатели не поймут ни слова.

Великая любовь связала когда-то загадочную русскую душу советского человека с Латинской Америкой. И не говорите мне про пропаганду! Была же ещё и Куба, восторг и мечта поколения шестидесятников, как, впрочем, и их сверстников из университетских городков того самого Запада, который тогда ещё не числился здесь чем-то особо вожделенным. Сорок лет назад победила кубинская революция. Бородатые боевики Повстанческой армии вступили в Гавану 2 января 1959 г. В глазах людей СССР Пиночет был чёрным монстром, отрицательным образом Латинской Америки, а Фидель Кастро Рус - его антиподом, светозарным героем. Тоже оказался тираном, ещё хуже Пиночета. Но почему-то Юрий Галансков, диссидент без страха и упрёка, член НТС, погибший в лагерях, посвятил строки своих стихов той Кубе пятьдесят девятого года. Почему? "Повесть наших отцов, словно повесть из века Стюартов, отдалённей, чем Пушкин, и видится точно во сне"... 40 лет. Не шутка.

У старика Фиделя тоже дела не блестящи. Революция провалилась. Жрать на острове, по слухам, нечего, - "империалисты" давят. Фидель капитулирует. Дорогу иностранцам, дорогу бизнесу, с почётом примем Римского папу. Старику пора на покой.

Демон истории сыграл с Фиделем злую шутку, превратил аристократического просвещённого тираноборца в деспота и пугало "цивилизованного мира". Красная стихия коммунистической веры, красная волна, десятилетиями качавшая земной шар как утлую лодочку, помрачила когда-то разум кубинских "барбудос". На фиг им был этот "совок"?! А всё Че, Эрнесто Гевара Серна... Его-то, наверное, и благодарит теперь Фидель за подарок... Че был единственным из них коммунистом. Он-то и убедил всех. Убедил - и обманул, не остался с ними расхлёбывать кашу социалистического строительства. Ушёл в свою вечную боливийскую герилью, чтобы остаться навсегда бестелесным ликом из света и тьмы, богом, архетипом Партизана, духом боливийских Анд, "Эль Че де Америка". Его-то и злые враги не зовут, как Фиделя, кровопийцей. А кстати, ему - аргентинцу, бродяге, одиночке, экзистенциалисту, писавшему стихи, - ему-то зачем сдался этот Ленин-Маркс? Загадка.

Пиночет оставил Чили далеко не в разрухе. Даже наоборот. В 92-м я был на чилийской выставке в Москве и с тех пор считаю, что эта страна процветает. Ну, более-менее.* Демократические политики приняли страну и власть из рук своего врага, генерала-кровопийцы. Борьба закончилась. Больше не нужен был диктатор. Нужно, чтобы всё было как у людей. И странным, почти бессмысленным отголоском другой эры, времени, когда лилась кровь и были люди, которые почему-то считали, что есть на свете за что её лить, прозвучали однажды в демократической Чили слова старика Пиночета: "В день, когда тронут первого из моих людей, правовое государство перестанет существовать. Я предупредил и повторяться не буду". Слова генерала. Командира, верного своим людям, кто бы они не были. И кто бы не был он сам.

Два мифологических персонажа, два тирана, два образа Латинской Америки - Фидель и дон Аугусто - оба пережили своё время. Их мир, красное и чёрное, их борьба никому больше ничего не говорят. Наверное, их время было жестоким и ошибочным, раз породило таких, как они. Только это было время, когда ещё было что искать. Время, от которого остались уже никому не интересные загадки. Когда не всё было предрешено и заранее известно.

18.01.1999. К.П.

* Примечание редакции: не вполне корректным выглядит делать выводы об экономическом процветании страны на основании экспозиций выставки. По имеющимся данным, в Чили к концу 80-х годов (Пиночет находился у власти до 89-го) 44 % населения жило в условиях бедности, а 12,4 % - в условиях нищеты [Страны мира. М., 1993. С. 451].

Пётр РЯБОВ

МОЙ ПУШКИН

Ненавижу всяческую мертвечину!
Обожаю всяческую жизнь!
В. Маяковский.

Тайна "внутренней гармонии" Пушкина. – Для Пушкина не было ничего безнадежно дурного.
Л.Шестов.

На каждом углу, на каждом столбе, на каждой витрине – рядом с рекламой косметики, прокладок и сигарет – реклама Пушкина. Знамение "юбилея". Да полно, неужто и Пушкин стал нуждаться в рекламе, как какой-нибудь сгнивший и подпорченный временем товар?

На торжественном юбилейном приеме в честь поэта президент Ельцин возвещает, что в два часа ночи накануне вдруг решил (впервые, после начальной школы) открыть томик Пушкина, и, надо же, оказалось умно, *интересно*! И этот тоже решил *рекламировать* Пушкина. Сомнительная реклама... "Юбилей": повод для театров обновить репертуар и заманить зрителя, повод для нищих академиков собрать конференции, выбить субсидии хоть откуда-нибудь, повод для всяческих шоуменов и имиджмейкеров "раскрутить" и "сварганить" что-нибудь новенькое и сорвать бабки... Таков удел всего живого – становиться мертвым. Таков удел всего настоящего – подвергаться травле при жизни и воспеванию после смерти. Подвергаться растаскиванию на цитаты, перевариванию в бронированном желудке массовой культуры, прокрутке и отсеву в Молохе официальной пропаганды, стерилизации – вплоть до собственной противоположности – в системе образования.

Талдычат – заученно, не утруждая себя мыслью: "Он – *наше все*!" А что это значит?

Пушкин был *широк*, - восхитительно, упоительно, непростительно широк. Он любил своих друзей-декабристов и их палача – Николая Первого. Он сочувствовал "державному мореплавателю и плотнику" Петру Первому и – "маленькому человеку" Евгению, раздавленному жерновами сооруженной этим "плотником" Империи. Он "горел свободою", ожидал "с томленьем упованья минуты вольности святой" и – с надменным презрением восклицал: "Паситесь, мирные народы! ...К чему стадам дары свободы?" Он провозгласил служение народу святой миссией поэта-пророка и – объявил того же поэта неподсудным ничьему суду и не подвластным никакому закону. Он богохульствовал в "Гавриилиаде" и с молитвой спасался бегством от "Бесов". Он воспел "чудное мгновенье" возвышенной любовной страсти и кропал пошлейшие и скабрезнейшие стишки а ля Барков. Он от души смеялся надо всеми условностями и предрассудками "светской черни" и – пал на дуэли "невольником чести", пленником мелких приличий и пересудов. Он клялся в горячей любви к России и в сердцах воскликнул однажды: "Дернул же меня черт родиться в России с умом и талантом !" Он был истинным космополитом – афро-евро-азиатом и – очень "патриотично" прославлял в 1831 году удушение русскими войсками польского восстания...

Поэтому не мудрено, что у каждого мыслящего и чувствующего русского человека – *свой* Пушкин (говорю: "русского", не потому, что я – патриот, а потому что нерусским людям этот поэт мало знаком). У меня к моему Пушкину много больших и малых "претензий", как, наверное, уже понятно из вышесказанного. Однако самое, самое, самое главное – вот что. "Пушкин! *Тайную свободу* пели мы вослед тебе", – признавался Блок в одном из своих самых последних стихотворений, написанных в эпоху, когда и тайная и нетайная свобода вновь становилась величайшим государственным преступлением. И это для меня, пожалуй, главное.

Конечно, Пушкин небезупречен с точки зрения "идей", "измов", "гражданской позиции" – за свою жизнь он понаписал и наговорил всякого. Однако вот это – широта, *внутренняя*, *тайная* свобода, игровое, предельно творческое отношение и к миру и к себе, изумительная способность к перевоплощениям и к внутренней независимости – независимости от власти, от толпы, от стихотворных канонов, от собственных "измов" и доктрин – эта какая-то завораживающая *генетическая* свобода, свобода на клеточном уровне, почти неведомая в нашей "стране рабов, стране господ", вечное ерничество, вечные шалости, смесь издевки с горячим пафосом.

("И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)") – это главное в *моем* Пушкине.

Какую не найди для него меру, какой не подбери ярлычок, какую не подготовь клетку – все будет тесно и мало. Ведь Пушкин был так прекрасно, так опасно, так чудовищно, так изумительно, так непростительно – широк и свободен. Даже беспощадное время, даже пошлая фальшь юбилея, даже сомнительная реклама, даже грубо намалеванные иконы, даже кастрированная школьная программа, - мало что могут сделать с этим удивительным человеком. И если сказать о нем совсем уж кратко и точно, то вот оно: "*тайная свобода*".

Наталья Макеева

ИДЕАЛЬНАЯ ЯМА

I

Рядовой Х взглянул на бледного лицо техника и шагнул в темноту. Яма приняла его, опустила в спасительное мягкое месиво на дне, не причинив ни малейшего вреда, но она не была идеальной. Поднимаясь, рядовой Х подумал, что в один прекрасный день его встретит идеальная яма, прыгая в которую он будет творцом совершенства, в котором нет места нелепостям, где все подчинено единому ритму, единой логике. Тогда он сможет по-настоящему гордиться собой, он будет знать, что его сына не унижают в школе, что жене не приходится часами стоять в очереди, что ему самому не подсунут вместо пива собачью мочу. Что не будет больше происходить ничего отвратительного, потому что он, рядовой Х прыгнет в идеальную яму сегодня, завтра, послезавтра. Он заполнит пустоту, восстановит порядок вещей и больше не позволит ему нарушиться.

Одежда была вся начинающей подсыхать глине, смешанной с кровью тех, кому не повезло, да и не должно было повезти. Прыгая в яму, они не чувствовали ничего, кроме панического страха перед бездной, они ничего не понимали. Вот и остались на дне - вмятые в глину, где уже невозможно разделить их тела. Не веря, они сами того не желая, приближают рождение идеальной ямы, которая любого человека примет как родного сына, как рядового Х.

Он переоделся и теперь глядел в серое небо, прислушиваясь к разговорам, доносившимся из столовой, где молодежь отмечала очередную годовщину появления ямы. «Нет, это все-таки была гениальная идея. Как они сейчас жили бы, если бы не яма. «, - подумал Х и побрел домой.

Идеальной ямой он бредил давно, как все прыгуны - фанатики своего дела. Однако в последнее время Х чувствовал во всем этом какую-то болезненность, как если бы от него действительно зависило будущее всего человечества. Он не мог не думать об идеальной яме - так думают о женщине, так грезят деньгами, славой... Но ему это было не нужно. Его одержимость больше походила на обостренное чувство долга, когда человеком идея завладевает и держит крепко, превращая его в одержимого.

Ему снилось, как он прыгает в идеальную яму, оказывается на дне и дно принимает его гладко, не оставляя ни малейшего зазора между его телом и телами других прыгунов, почвой, сероватыми, слегка светящимися стенами. И превратившись в единый пласт, став фундаментом мира прыгуны во главе с Х запишут в самой главной в книге, что совершенство достижимо, что оно достигнуто; достигнуто ими. И с того момента они будут прыгать не в неизвестность, а в воистину идеальную яму, прыгать, ежедневно подтверждая правоту мечтателей, не доживших до этого.

Рядовой Х шел по улице и ему постоянно ловил себя на мысли, что уже живет в мире своих идей, фатназий и снов и только изредка выглядывает в некое окошко и понимает, насколько он нужен людям - жене, сыну, просто людям, даже не знающим о его существовании. До сих пор нужен.

Х входил в автобус и видел, как его тело, совершенное, сотворенное природой, вливается в монолит толпы, набившейся на предыдущей остановке. От духоты и запаха человеческих тел немного закружилась голова и ему показалось, что он наконец приземлился на дно идеальной ямы...

Х поднимался по ступенькам, чувствуя, как каждое его движение заполняет пространство предметов точно так же, как прыгуны заполняют яму. Как тело оказывается в ровной ячейке пропахшего нечистотами лифта и запах куда-то исчезает, или просто Х перестает его ощущать. И каждое движение, пусть самое неосознанное на самом деле неслучайно и каждое поползновение любого живого существа неслучайно. Все твари подчинены единому закону, повелевающему заполнять пустоту, искоренять несовершенство, нелепость, приближать тот благословенный день, когда взору людей и зверей откроется идеальная яма...

II

-Папа, ты сегодня прыгал в яму?, - спросил рядового Х его сын, очаровательное десятилетнее создание.

-Да, как водится.

-А зачем это надо?

-Как зачем ?! Это очень нужно, уверяю тебя. И ты, когда станешь взрослым, будешь прыгать. Если, конечно, ты не бестолковый сопляк.

-Да ну эту твою яму...

Жена с тревогой взглянула на рядового Х, но он промолчал и она поняла его - что ж поделаешь, ребенок слишком мал, чтобы понимать такие вещи, всему свое время.

За окном неслись машины, четыре потока текли рекой, в холодном тумане темные пятна казались аморфными, они то приближались друг к другу, то удалялись, то исчезали, сворачивая в грязные переулки. Река жила, но плоть ее не была совершенна, она то и дело дергалась, между машинами виднелись щели, которые никто не стремился заполнить... Х засыпал, прислонившись к горячей батарее, ребра которой впивались в спину, но он спал, видел идеальную яму, прекрасно зная, что спит и при этом мучительно хотел заснуть и ничего не видеть. Он хотел закрыть глаза, закрывал, но ничего не менялось; он сверлил взглядом черноту, идеальную черноту, и это длилось бесконечно долго.

Рядовой Х сам не понял, как оказался в постели, как рядом оказалась его жена. И он снова пытался побороть несовершенство мира, заполнить пустоту. Это было больше похоже на мистический ритуал, чем на занятие любовью. Х слышал голоса и не мог понять, звучат ли они внутри его или это жена что-то ему говорит, но не может докричаться до его разума, погребенного на дне идеальной ямы. Словно они жили не в крошечной квартире, одной из многих в огромном доме, где все

знают и не перестают обсуждать друг друга. Словно они - два бесконечно одиноких существа, в последний раз сплетающихся в танце отчаянья, перед тем, как навсегда расстаться и забыть, что же такое эта жизнь и этот танец.

III

Утром Х встал как всегда еще до того момента, когда сиротское светило появляется где-то за густой толщей грязных облаков. Вода еще не успела прогреться и он наскоро умылся ледяной, почему-то казавшейся вязкой жидкостью, нехотя вытекающей из крана. Сделал несколько бутербродов - в такое время Х никогда не ел, предпочитая завтракать во время утреннего собрания.

На улице пахло тем отвратитетльным временем года, которое можно было бы смело назвать осенью, если бы оно сменялось чем-то другим, например - зимой. Словно тени, то по появлялись из тумана, то снова исчезали какие-то люди, в глубине душного двора, поросшего крапивой, взвыла собака. В одном из тускло светящихся окон заплакал ребенок, затем послышалась ругань.

Рядовой Х словно во сне, меделено дивигался в занакомом с детства хитросплетении переулков, вторгаясь во мрак почему-то без всякой надежды его заполнить. Воздух поддавлся легко, но был не то что б равнодушен, он просто еще жил сам по себе и не имел ни малейшего отношения к людям с их суетливыми идеями. И Х был частью и этого воздуха, и этой грязи. Как будто так было всегда - он всегда шел по потрескавшемуся асфальту, всегда стоял слепой туман и пространство наполняли призрачные звуки. Онигглохли, возникали снова и как это все происходило объяснить никто не мог.

Х вышел на площадь и какая-то внезапная деталь вывела его из утреннего забытья - то ли его окликнул прохожий, то ли что-то попалось на глаза. Его окружал все тот же туман, те же дома, неестественно объемно проступающие сквозь слой сероватых хлопьев. Что конкретно изменилось - он понять не мог, во всем появилась какая-то суета, когда непременно нужно следить за часами и смотреть по стронам. Когда ты знаешь, что тебя ждут и опаздывать нельзя, а так хочется постоять и спокойно поглазеть на вороньи гнезда за прогнившим зеленоватым забором. В этом желании вроде ничего и нет - так, случайная блажь, о ней подчас и не думаешь, но она возникает - желание стать ребенком, которому не надо никуда бежать, который ни за что не отвечает.

Вот и оно... Рядовой Х всем телом, всей душой, всей своей сутью почувствовал яму - она звала и подавала сигнал опасности, словно говорила: «Будь осторожен, смертный!» Ее тьма, ее фосфорицирующие стены - все это было для Х знакомым, почти родным. Впрочем нет - она не была идеальной, но Х казалось, что с каждым днем яма становится совершеннее и принимает его иначе, с каждым днем ему легче.

...Из утробы повеяло сыростью и страхом. Серые лица людей за спиной были похожи на каменный монолит, где нет ни одной трещины. Рядовой Х поймал себя на том, что он не думает об идеальной яме и ему стало нехорошо. Он подумал, что устал, что неплохо было бы побыть пару дней дома, поспать, после завтрака сходить к соседу, послушать небылицы про начальство, рассказать сыну какую-нибудь историю. Х посмотрел вниз и вспомнил прошедшую ночь, лицо жены. Выражение лица напоминало маску - не поймешь, плач это или смех. Жизнь вдруг показалась Х чудовищным нагромождением вещей, которые не починишь и не выкинешь и дел, которые никогда не доведешь до конца, но отказаться от них нельзя. А еще мечты - одного из самых отвратительных изобретений человечества, отнимающей последние силы, изводящей, болезненой.

Рядовой Х сделал шаг вперед и сила притяжения поволокла его во влажную тьму. Что-то было не так. Х понял, что падает слишком быстро, почувствовал, как яма стремится поглотить его, впитать, навсегда сделать частью себя. Х понял, что больше не будет ничего, кроме холода, тьмы, а еще - ямы, частью которой ему придется стать. Неужели так и должно все заканчиваться ? Он ведь еще ничего не сделал, это чей-то злой умысел. Идеальная яма... Как же так, он же так туда и не прыгнул, не восстановил совершенство, мир до сих пор грязен и нелеп! А может, это и есть идеальная яма ? Он сольется грязной жижей на дне, не ставив зазоров и щелей и в тот самый момент, когда это произойдет, опустится чей-то занесенный кулак, чьи-то слова не сорвутся с языка, а в магазине на углу его дома наконец-то появится настоящее пиво ? Но кто же прыгнет завтра? Кто? Найдется кто-нибудь, ведь в совершенную яму может прыгнуть любой...

Прыгунам, когда они все-таки гибнут, не устраивают похорон. Их даже не поднимают со дна - все равно их останки со временем смешиваюся со специальной жидкостью, стекающей по бороздкам в стенам. На огромном памятнике в виде хитросплетения человеческих тел, вылитых в бронзе, появляется еще одно имя прыгуна идеальной ямы. Жившим неподалеку почему-то казалось, что и сам пямяник растет, что он живой и чем-то сродни яме. Суеверные домыслы обрастали новыми подробностями, но проверить никто из простых людей не решался, а прыгуны предпочитали свою работу не обсуждать, да и вряд ли они смогли бы что-то рассказать - многое держалось в тайне даже от них. Они знали - нужно прыгнуть сегодня, завтра, послезавтра и искрене верили, что счастье близко.

На пустыре стоял человек. Он думал о церемонии, о новом имени на метелическом монстре на площади, о речи, которую ему предстоит произнести. О поездке за город, которую придется отложить. Человек смотрел вдаль, поверх покосившихся заборов, поверх будки, где сидел небритый часовой и костерил погоду, поверх небольшого холмика.

«А ты ведь была», - подумал человек. Теперь он думал об этом самом холмике, на месте которого когда-то была яма. Туда тоже прыгали, потом яма стала идеальной, но что-то несработало и о ней пришлось забыть. «Нет, в этот раз ошибки не будет. Мы не допустим. Дожить бы только... Сколько в год будет? Да пятьдесят, не меньше... Ничего, доживем!»

Человек направился к холмику, постоял минут пять, пнул комок земли. С едва слышным шелестом рассыпался и сполз вниз. Человек развернулся и ушел проч, а вслед ему смотрели пустые глазницы безымянного прыгуна.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

МИНИСТЕРСТВО ШАРИАТСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАР-АЛ-ИСЛАМА
ИСЛАМОГРАДСКОЕ ОКРУЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Следственный отдел. Секретная часть.

Вх. № _194/7

Денис ЯЦУТКО

ЖИЗНЬ В ИСЛАМОГРАДЕ

Рассветные лучи красили купол Масджид-Аль-Исхака завораживающим золотом. Стражи шариата, совершавшие утренний обход, приостановились на минутку, чтобы насладиться этим чудом красоты. Рукой древнего зодчего явно водила десница Аллаха - ни один смертный не смог бы сам замыслить и воплотить такое совершенство. Правда, зодчий был неверным, но вряд ли это можно вменить ему в вину: тогда Европой владела христианская ересь, священный огонь джихада ещё не принёс сюда истинного вероучения, но, во всяком случае, зодчий был из настоящих ахл-ал-китаб - людей Книги. Пусть этой книгой было лишь Евангелие, неверно говорящее о вере, но тому, кто ни разу не слышал священную Аль-Фатиха, кого голос муэдзина ни разу не звал к намазу, простительно было чтить Аллаха по обычаям заблуждавшихся. Совсем другое дело - те, кто, упорствуя в своём невежестве, пытались мешать дружинам Славянских Братьев свергать с фронтона и карниза Масджид-Аль-Исхака (тогда ещё - Исаакиевского «православного» собора) богопротивные еретические идолы, хотя и получили уже истинное знание. С этими Братья расправлялись не задумываясь.

Во время очистки Исламограда от идолов вообще было уничтожено очень много неверных. Мохаммад, десятник стражей шариата, был тогда волонтёром в боевой дружине Славянских Братьев и сам пролил много нечистой крови. Правда, он не участвовал в свержении идолов с будущей главной мечети Дар-Ал-Ислама, но зато своей рукой нажал на кнопку дистанционного управления и взорвал звероподобных идолов у деревянного мостика у здания тогдашнего финэка, в котором молодых людей учили лгать и обсчитывать. Вместе со львами-идолами на воздух взлетело десятка два омерзительных, не похожих на мужчин студентов и примерно столько же мало чем от них отличающихся молодых женщин, которых в то циничное время было принято именовать «девушками». Хороши «девушки», которые не помнят, где и с кем потеряли то единственное, что давало им право так называться, которые на глазах у всех обнимаются с мужчинами, выставляя при этом наружу самые неприличные части тела, да ещё и нагло смеются при этом в лицо тебе - настоящему воину, с детства привыкшему к оружию, говорят, что у тебя кишка тонка взорвать столько живых людей да ещё и сопровождают это всё такими предложениями, от которых Мохаммад краснел и наливался гневом. Эти зарвавшиеся твари облепили идолов своими заживо гниющими от пороков телами, думая, что это помешает ему нажать на кнопку. Что ж, человек, который готов защищать целостность бездушного идола своей жизнью, просто обязан умереть... Теперь в здании финэка расположилась центральная исламоградская медресе, где молодые правоверные имеют возможность изучать Коран и Тасфир. Разумеется, женщины туда не допускаются.

А как, кстати, изменились с тех пор женщины! На улицах не увидишь больше ни омерзительных голых ног, которые лет с десяти так раздражали Мохаммада, ни разукрашенных кривляющихся лиц, ни нагло демонстрируемых из-под символической одежды грудей. Женщины стали гораздо скромнее и добродетельнее - теперь в городе они кажутся одинаковыми чёрными конусами, позволяя себе открывать лицо и руки только при муже и полностью раздеваться только наедине с собой, в ванной, например. Добродетельнее стали и мужчины. Для достижения этого в первые годы Революции, конечно, пришлось применять очень радикальные меры. Пьяным, например, заливали в горло расплавленный полиэтилен, ворам рубили руки, а больных СПИДом просто расстреливали. Иногда кое-что из этого казалось жестоким даже Мохаммаду, но зато - какие результаты: за пьянство сегодня положено всего лишь бить палками, но - поразительно - никто не пьёт. По крайней мере, - в городах. Говорят, что в Дар-Ал-Исламской глубинке, в диких деревнях, где еще нет своих мечетей и постоянных гарнизонов стражей шариата, жители по-прежнему продолжают варить самогон и пить этот страшный для ума и тела яд, но Мохаммад был уверен, что скоро Революция наведёт порядок и там. Тем более, что в этом году в деревни поехали тёмники-просветители - десять тысяч молодых горячих парней - представителей исконно мусульманских народов бывшей России - в основном выходцев с Северного Кавказа -, вооруженных Кораном и автоматами Кривцова... Скоро, скоро ученье пророка дойдёт до каждого сердца в этой части лучшего из миров. А если до какого-то сердца не дойдёт Предвечное Слово Того, Кто устроил для нас звёзды, то дойдёт не знающая жалости пуля. Каков тогда станет мир!.. Мохаммад даже зажмурился, представив себе, как лунно-зелёное знамя развевается над каждым домом в каждом уголке планеты.

Его мечты были прерваны криком одного из его товарищей:

- Именем Аллаха приказываю оставаться на месте! Шариатская стража!

Мохаммад открыл глаза и взглянул в ту сторону, куда смотрел его подчинённый. И вздрогнул. То, что он увидел, будто отбросило его на несколько лет назад. У арки почтамта стояли юноша и девушка, лицо девушки было открыто, юноша держал её за руку, они испуганно смотрели в сторону патруля.

- Он её целовал. - Буркнул Мохаммаду один из стражников, сообразив, что главное преступление задержанных ускользнуло от взгляда десятника. В голове Мохаммада раздался гулкий удар, затем второй, третий, он положил руку на казённую часть автомата, испытывая желание...

Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Рукопись обнаружена при обыске, проведённом сотрудниками следственного отдела на квартире бывшего репортёра газеты «Голос Ислама» Дениса Яцутко (Дело № 78315) после ликвидации последнего. Успел ли ликвидированный закончить пасквиль и писал ли он ранее другие опасные произведения - не установлено. С целью обеспечения общественной безопасности рекомендовано допросить друзей ликвидированного: Георгия Шаблинского, Виктора Майбороду, Максима Фуфаева, Льва Пирогова, Александра Суперта, Алексея Оболенца, Андрея Козлова, Андрея Паршина. В случае отрицательного результата допросов указанных лиц необходимо провести обыски на их квартирах и рабочих местах. Кроме того - следует провести допросы вдов Олега Козлова (Дело № 00204), при жизни являвшегося другом и соавтором ликвидированного. Да пребудет с нами Аллах!

Ст. следователь следственного отдела: Муса Али.

Денис Яцутко

ЗУХРА

Пара тысяч голых красивых ног приближалась к зданию меджлиса. Женщины шли без плакатов и знамён - они сами были своим знаменем и своим требованием. Они шли в мини-юбках и лёгких блузках, лица их были открыты, красивые волосы развевались по ветру. По мере их продвижения по улице, окна справа и слева от них плотно захлопывались, а испуганные прохожие стремились быстро скрыться в подъездах и переулках. До здания меджлиса оставалось каких-нибудь шестьдесят-семьдесят метров, когда залаяли пулемёты. Два пулемёта были установлены на крыше меджлиса. Лежащие за ними солдаты были одеты в странные подобия длинных чёрных мешков, надетых на голову и полностью скрывающих тело. Воздух наполнился визгом, раздирающим мозги. Ни стены, ни двери не спасали от этого дикого звука. Многих он преследует и сейчас, проникая в самый желудок сквозь, казалось бы, непреодолимую преграду - время. Но тогда он постепенно затих, задушенный стрекотом пулемётов. Пули радостно впивались в молодые тела, мгновенно выпивая из них жизнь. Вскоре всё стихло. Санитарная команда убирала трупы. Батальонный мулла торопил: тела эти, хоть и мёртвые, были неподобающе слишком открыты - вредное зрелище для правоверных.

Пулемётчики, выполнив свою задачу, ушли в расположение батальона. В своей комнате они сняли с себя чёрные мешки, и Фатьма принялась деловито чистить пулемёт, а Зухра, не раздеваясь, плюхнулась в пружинящую сетку солдатской койки.

-Правильно сделали, - сказала Фатьма, - Что поставили нас: даже мне было противно, а уж мужчинам было бы вовсе неприлично глазеть на этих шлюх.

Зухра повернулась к Фатьме. Скрипнула койка.

-Просто сегодня была наша очередь нести караул, а смотреть на обнажённое тело одинаково неприлично, как мужчинам, так и женщинам. Вам ясно?

-Да, сержант.

-Отлично. Заканчивайте с пулемётом и ложитесь спать.- И Зухра, укрывшись с головой, отвернулась к стене. Фатьма собрала пулемёт и, поставив его в пирамиду, легла в свою койку и вскоре захрапела. Зухра беспокойно заворочалась, потом встала и прошла в душевую. Там, закрывшись, она открыла свой шкафчик и стала медленно раздеваться, внимательно осматривая каждый вновь открывающийся участок своего тела. «А у фатьмы широкая кость и совсем нет талии», - мелькнуло в её голове. Оставшись нагой, она долго смотрела в зеркало, поглаживая свои плечи, приподнимая груди, ласкаяя бёдра... В коридоре скрипнула половица. Или Зухре показалось? Но она вдруг испугалась, бросила затравленный взгляд на дверной шпингалет, напружинилась вся, как перед прыжком... и вдруг разрыдалась, припав плечом к холодной покрытой кафелем стенке, уткнув в ладони своё красивое, как она предполагала, лицо.

НОВАЯ ПРАВДА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Недавно в одном из берлинских архивов обнаружена передовая статья из газеты «Фелькишер Беобахтер», органа НСДАП. Хотя статья, по-видимому, была написана в 1943 году, она показалась нам довольно актуальной.

Продолжается победоносная антитеррористическая операция частей вермахта против большевистских бандитов и их пособников. Клеветнические утверждения ряда английских и американских средств массовой информации о том, что проводимая антитеррористическая операция будто бы направлена против всех славянских народов, не имеют под собой никакой почвы: доблестные немецкие воины лишь стремятся покончить с большевиствующими изуверами - террористами, подло организовавшими в 1933 году поджог рейхстага в Берлине. «Секта большевиков и ее главари – Сталин и Жуков – это еще не весь русский народ», - заявил фюрер. Все большее число русских, белорусских и украинских патриотов с пониманием относятся к высокой миссии вермахта. Подтверждением этого является то, что в первых рядах в атаку на большевиков идут русские бойцы из Русской Освободительной Армии (РОА), а на освобожденных территориях формируются новые органы власти, в основном состоящие из представителей местного населения. Многие председатели колхозов ведут с частями вермахта переговоры об удалении красных бандитов с территории их сел.

В своем недавнем выступлении партагеноссе Геббельс в частности подчеркнул: «Многие сравнивают данную антитеррористическую операцию в России с войной 1914-1918 годов. На самом деле, эти параллели лишены всякого основания. Во-первых, тогда Германию возглавляло бездарное кайзеровское руководство, которое неумело вело войну и в ходе ее допустило ряд ошибок, которые нами теперь учтены. Во-вторых, после зверского и бесчеловечного поджога рейхстага всему цивилизованному миру стала очевидна террористическая сущность большевизма. В-третьих, сейчас мы воюем не с народами России, а лишь с большевистскими бандформированиями . А большевизм не имеет ни расы, ни нации, ни религии. Наконец, в-четвертых, в 1918 году, одержав ряд блестящих побед, германские войска не пошли до конца, дав продажным политикам возможность заключить за их спиной похабный Брестский мир, что позволило большевикам укрепить свои вооруженные формирования в России и превратить ее в базу международного большевизма. Сейчас второго Бреста не будет ! Порукой в этом – слово фюрера !»

Успешно проведена антитеррористическая зачистка в селе Хатынь. Населенный пункт Москва подвергнут точечным бомбовым ударам, а населенный пункт Ленинград блокирован и в ближайшие дни будет освобожден от большевистских боевиков. На днях авиация Люфтваффе разбомбила на льду Ладожского озера колонну с большевистскими бандформированиями, пытавшимися пробиться к Ленинграду.

Сообщения некоторых средств массовой информации о том, что наши части в районе населенного пункта Сталинград попали в окружение и несут большие потери, сильно преувеличены.

Взятые в плен боевики-большевики отправляются в фильтрационные лагеря Освенцим и Бухенвальд. В крупных городах Рейха проводятся профилактические мероприятия по предотвращению возможных терактов,- ужесточена проверка документов у лиц славянской национальности. Детскими организациями «гитлерюгенда» по всему Рейху организован сбор теплых вещей для зимующих в России защитников Германии. Народы Рейха все сильнее сплачиваются вокруг гитлеровского руководства во имя идеалов укрепления мира и согласия в великой Германии и во всем арийском мире.

(С немецкого перевела Полина Елисеева)

Обзор анархических и леворадикальных изданий СНГ за 1998-99 годы.

Сразу оговорюсь, перечень обозреваемых в данной заметке изданий далеко не полон (ибо не со всеми была возможность ознакомиться) и всё же, надеюсь, более или менее репрезентативен. (Впрочем, такие "псевдоанархические" издания, как "Трава и Воля" и им подобные не вошли в обзор по этическим и эстетическим соображениям.)

В целом, за последние год-два тенденция к росту числа и разнообразия анархической и леворадикальной прессы продолжалась. Гамма изданий стала разнообразнее и "специализированнее": издания антифашистские, культурные (контр-), издания "оранжевые" и синдикалистские, издания сугубо местные (региональные) и претендующие на общеэсэнгэшный характер... Наряду с такими почтенными столпами-долгожителями неформальной печати, как "Третий путь", "Новый свет" или "Прямое действие", появились многочисленные новые издания (впрочем, увы, как правило, малотиражные и крайне редко - не чаще двух-трёх раз в год - выходящие). Попробуем окинуть мысленным взором эти издания и сказать о каждом пару слов.

Прежде, чем говорить о мало-мальски периодических изданиях, отметим такой отрадный факт, как некоторое оживление в издании брошюр и даже книг. Раньше подобные инициативы в анархической среде можно было перечислить по пальцам одной руки. А. Боровой, изданный в Москве М. Цовмой, Б. Таккер, изданный в Питере А. Майшевым, П. Аршинов и В. Голованов, изданные запорожскими анархистами, Э. Малатеста, изданный ФАД, М. Букчин, изданный С. Фомичёвым, да несколько брошюр (Хаджиев - "Позитивная программа анархизма" и кое-что ещё), выпущенных КРАС в Москве, - вот, пожалуй, и всё. Сейчас акцент в издательской деятельности сместился с проблем истории анархизма на социально-экономические проблемы сегодняшнего дня. В центре внимания - проблема глобализации. По этой проблеме группа участников движения "Хранители радуги" выпустила две брошюры, а МПСТ (московская группа КРАС) - целую книгу немецкого левого исследователя К.Х. Рота. Кроме того, продолжается активная издательская деятельность донбасских анархистов. В числе последних ими издана брошюра Г. Лагарделя "Революционный синдикализм", повествующая об истории французского синдикализма в начале XX века.

Теперь об изданиях "тематических", ориентированных на решение какой-либо конкретной проблемы и предназначенных для строго определённой аудитории. МПСТ начал издавать информационно-дискуссионный бюллетень "Новое рабочее движение", который анализирует в "горячих точках" России, связанных с социальными конфликтами (Ясногорск, Выборг и т.д.), и целенаправленно распространяется среди либертарно ориентированных профсоюзных инициатив. Группа московских анархистов начала выпуск правозащитного издания "Антирепрессант" - необходимость в нём была вызвана волной государственных репрессий против анархистов ("Краснодарское дело" и события вокруг него). В "Антирепрессанте" содержится информация о репрессиях, даются методические рекомендации о том, как организовывать кампанию протеста, как общаться с "органами", вести себя на допросе и т.д. (Пожалуй, это первое чисто правозащитное издание в анархической среде.) Ещё одно новое - электронное издание - "Чёрный список" - регулярно выпускаемый анархистами России информбюллетень, призванный связать между собой различные группы, оперативно доносить новости о движении, способствовать обмену мнениями.

Специализированное антифашистское издание "Тумбалалайка", издаваемое в Питере, не является анархическим. Однако мне захотелось упомянуть и о нём в этом обзоре, так как эта газета (по объёму более похожая на журнал) очень выгодно отличается от прочих известных мне "антифашистских" инициатив (вроде троцкистского ЛАСа, прошечкинского "Московского антифашистского центра" или же опереточного "Антифашистского молодёжного действия"). В газете помещаются глубокие и интересные аналитические статьи, обозрения книг и фильмов, а редакция (в целом, видимо, либеральная по своим взглядам) терпимо относится к различным позициям, нередко давая высказываться и анархистам.

К числу "тематических" изданий можно, вероятно, отнести и издаваемую в Касимове "Хранителями Радуги" газету под громким (махновским) названием "Путь к свободе". Эта газета ориентирована на местных (касимовских) жителей, но, по-моему, и по содержанию, и по форме еще во многом оставляет желать лучшего.

Теперь перейдем к изданиям, выходящим в разных регионах СНГ. Начнем с Сибири. Старый касовский бюллетень (а затем листок) "Дело Труда" (издается в Омске Конфедерацией труда) пережил новую реинкарнацию и в своем новом - тринадцатом - номере обрел черты синдикалистского журнала. По-моему, новый номер вышел, в целом, удачным: здесь и юридические советы, и теоретические материалы (как проводить активную забастовку, что такое студенческий синдикализм, и почему рабочим не нужна "авангардная партия"), и информация о французском рабочем и студенческом движении. Материалы разнообразны, и из них складывается полезный и цельный журнал, который читается с интересом.

Поволжье. Продолжает выходить эколого-анархический журнал "Третий путь" (Нижний Новгород, "Хранители радуги"), обсуждающий внутренние проблемы "зелёного" движения (например, животрепещущий вопрос о западных грантах), рассказывающий об экологических и социальных выступлениях в СНГ (Ростов, Москва, Киев) и за рубежом (Прага). Информация полезная, хотя "экологическая" составляющая по-прежнему явно преобладает над социальной и анархической. В том же Нижнем Новгороде вышел "оранжевый" бюллетень "Шизо-инфо", вполне исчерпывающе соответствующий своему названию. Продолжает выходить "Казанский анархист" (издание Альянса казанских анархистов), материалы которого посвящены войне в Югославии, "Краснодарскому делу", внутренним проблемам анархо-движения и т.д.

Федерация анархистов Кубани (ФАК) более или менее регулярно (пару раз в год или реже) издаёт "Автоном". Признаться, меня отчасти раздражает его стилистика - крикливо-эпатирующе-саморекламная, не

брезгующая блефами и апелляцией к образу "анархии" в обывательско-погромном смысле слова. Да и некоторые статьи т. Баррикады о феминизме (например, "Расчленение самцов"), честно говоря, отнюдь не всегда способствуют его (феминизма) адекватному восприятию читателем. Порой "Автоном", как и ФАК в целом, в "общелевой" эйфории недостаточно дистанцируется от большевистских движений, пропагандирует Че Гевару и прочих тоталитарных деятелей. При всём том в этом издании можно найти много ярких и полезных теоретических и информационных материалов, а пережитое ФАК-овцами "Краснодарское дело", надеюсь, заставит их сделать кое-какие соответствующие выводы.

В городе Железногорске местный Союз анархистов выпускает газету "Баста!". В третьем номере этой газеты рассказывается о съезде АДА, о "Краснодарском деле", о вреде государственных налогов и военной службы - причём, всё написано очень популярно... - так популярно, что порой даже "попсово". Анархические идеи, в частности, популяризируются через народные анекдоты.

Москва. Вышел 51-й номер "Общины" ("независимого социалистического альманаха" - так она теперь обозначается). В основном, этот номер носит мемориальный характер: огромная "мемуарная" статья А. Шубина о том, как они вместе с А. Исаевым в 1985-86 годах вырабатывали основы "общинного социализма"; материалы того времени (наконец-то - с запозданием на 12 лет - издана блестящая повесть А. Исаева "Сексуальная революция в Хавроньино"). Своеобразный интерес представляет подборка статей А. Исаева, А. Шубина, В. Гурболикова и А. Шершукова под общим заголовком "Ветераны свободы" (мне почему-то захотелось переименовать её в "Инвалиды свободы"). Из этих статей становится понятно, откуда вышли и куда пришли названные в прошлом видные вожди и активисты анархического движения России. В анархической среде сейчас распространено мнение (тиражируемое той же "Травой и Волей"), что эти деятели, совершив своё "хождение во власть", просто "продались" Системе. Из названных статей становится ясно, что не всё так просто, что "ветераны свободы", эволюционировавшие от революционности к реформизму, от богоборчества к клерикализму, от анархизма к соучастию в государственном насилии, просто осознали, что "есть вещи важнее свободы" (А. Исаев), "семья, например" (А. Шершуков), что "радикализм мысли" исключает "радикализм действия" (А. Шубин) и т.д. Всё это требовало бы подробных комментариев и полемики, но в моём обзоре я не могу подробно останавливаться на этом вопросе и лишь советую читателю самому прочитать и осмыслить материалы последней "Общины".

Важным событием для московской анархической периодики стало появление журнала "Утопия" (за 1998-99 годы вышло два номера). Это издание во многом спорно, но несомненны такие его достоинства, как яркость, публицистичность, разнообразие материалов. Среди тем, затронутых в журнале и музыка, и проблема абортов, и футбол (как социальное явление), и экзистенциальные и сексуальные проблемы, и события за рубежом (самороспуск РАФ, репрессии полиции против анархистов в Италии), и телевизионное зомбирование обывателя, и регулярные обзоры самиздата, и акции ЗАиБИ. В целом, журнал выдержан в автономистско-контркультурно-революционном духе и читается на одном дыхании.

МПСТ (Межпрофессиональный союз трудящихся) продолжает выпускать газету "Прямое действие", ориентированную, прежде всего, на синдикализм. В последних номерах газеты - анализ шахтёрских выступлений 98-го года, взгляд на современное студенчество, объяснение азов либертарного коммунизма, рассказ о венгерской революции 1956 года и о средневековой городской "коммунальной революции", анализ социального положения в России и мире, информация о деятельности анархистов за рубежом. В целом суховатую по стилю и языку газету, на мой взгляд, украшают публикация об авторе "Интернационала" анархисте Эжене Потье и несколько парадоксальный материал о детективах как литературном жанре, дающем некоторые возможности для социальной критики.

Наконец, новорожденная московская организация "Анархический альянс" (выступившая с несколько неожиданной концепцией "официального анархизма" и начавшая свою деятельность на антигосударственном поприще с... регистрации в госорганах) выпустила в 1999 году два номера "Анархического вестника". Канцелярский язык большинства материалов и чудовищное оформление газеты несколько скрашиваются удачными публикациями текстов П. Эльцбахера о В. Годвине (в первом номере) и С. Никифорова о Максе Штирнере (во втором номере). В целом, новому изданию, мягко говоря, есть куда совершенствоваться.

Питер. Продолжается выпуск питерской анархической газеты "Новый свет" - с хроникой движения, многочисленными резолюциями Питерской лиги анархистов (надо признать, что резолюции - не самый удачный жанр, тем более, для анархистов, однако, именно в этой форме "Новый свет" обычно реагирует на события российской и зарубежной жизни), обзоры изданий, кроссворды с частично анархическими вопросами.

Беларусь. Одним из плодов антиатомного марша, совершённого летом 1998 года анархистами и экологами по Беларуси, стало появление газеты "Вясёлка". Это экологическое и (отчасти) анархическое издание. К сожалению, в нём преобладают перепечатки и мало оригинальных текстов, нет некоей единой концепции, а экологические проблемы явно доминируют надо всем остальным. Чрезвычайно удачной мне представляется концепция издание группы минских анархистов - газеты "Навинки" (на белорусском языке). Это весёлое и остроумное, целиком "оранжевое" издание высмеивает и Лукашенко, и националистическую оппозицию ему, выставляя в подлинном - то есть идиотском - виде всю современную политическую жизнь и играя важную "распрограммирующую" и освобождающую функцию. "Стёбовые" материалы "Навинок", по-моему, стоят больше, чем десяток занудных "загрузочных" деклараций. Очень жаль, что подобного "Навинкам" издания пока нет в чересчур серьёзной России. Ведь, как известно, человечество расстаётся со своими недостатками смеясь, а государство, согласитесь, - это один из главных недостатков человеческой цивилизации!

Украина. В Киеве начат выпуск двуязычного

анархического листка "Передай дальше" с информацией и небольшими заметками на актуальные темы. Это издание оперативно выходит, быстро распространяется и быстро читается и, по-моему, является удачной находкой киевских товарищей, прорывом (в смысле коммуникации и пропаганды). При этом краткость и доступность не означает "попсовости" и вульгарности - темы порой поднимаются очень глубокие. Вот несколько фраз из первого номера листка: "Безгласны обычно жертвы. Подавляемый превращается в жертву - молча. Впитывая же при этом господствующую речь, он теряет себя, воспринимая интересы носителей этой речи как свои. Язык, на котором в этом обществе принято говорить о "важных" вещах - это язык власти и капитала, язык иерархии и подавления, выражающий интересы тех, кто его производит... "Передай дальше" - это пароль самиздата, который только и может сейчас быть выражением нашего языка, мыслей, стремлений и мечтаний, как и все ``сам-``, с которыми он неразрывно связан: от самосознания до самоорганизации и самоуправления".

Донбасские анархисты (РКАС) выпускают "социально-революционное обозрение" - газету "Анархия", которая "усохла" до одного листка и содержит, в основном, пропагандистские статьи. На мой взгляд, эта газета не свободна от определённого "программирования" и элементов "анархо-большевизма": если многие другие издания (например, "Автоном") страдают чрезмерной "всеядностью", то в "Анархии" - с её нетерпимостью, определённой узостью и стремлением всех "построить" и всех возглавить - есть нечто сектантское. Наряду с газетой, РКАС выпускает информбюллетень "Анархо-синдикалист"; официальное его название такое: "Центральный информационный орган Революционной конфедерации анархо-синдикалистов им. Н. Махно". В этом "Центральном органе" публикуются материалы с анализом социально-экономической ситуации на Украине и за её пределами, методические советы потенциальному забастовщику, хроника РКАС и т.д.

Таковы те анархические и леворадикальные издания СНГ, до которых составителю обзора удалось добраться.

PS. Надеюсь, издатели не обидятся на автора обзора как в отношении его краткости, так и в связи с высказанной критикой. Нам всем (и редакции "Наперекора", в первую очередь) предстоит ещё очень много работать над своими изданиями, и всякий, более или менее объективный, взгляд со стороны может быть здесь полезен. Желаю всем удачи!

Пётр Рябов.

Контакты изданий. Почтовый адрес не указан у следующих изданий: "Анархический вестник", "Община", "Путь к свободе", "Передай дальше".

Россия.

"Автоном" - 350001, г. Краснодар, А/Я 3472.

"Антирепрессант" и "Утопия" - 113208, Москва, М-208, А/Я 80, Тупикину В.А.

"Баста!" - 307130, Курская обл., г. Железногорск, Главпочтамт, А/Я 31.

"Дело труда" - 644085, Омск, А/Я 2947, Старостину В.В.

"Казанский анархист" - 420059, Казань, А/Я 132.

"Новый свет" - 194291, Санкт-Петербург, А/Я 32, Ермакову А.В.

"Новое рабочее движение" и "Прямое действие" - 117485, Москва А/Я 34.

"Третий путь" 603082, Нижний Новгород, Кремль, А/Я 14.

"Тум-балалайка" - 189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, А/Я 8, Ежовой Е.Т.

"Шизо-инфо" - 603134, Нижний Новгород, ул. Костина, 2, комн. 145.

Беларусь.

"Вясёлка" - 220085, Минск, А/Я 42, Сергею.

"Навинки" - 220134, Менск, П/С 33.

Украина.

"Анархия" и "Анархо-синдикалист" - 340017, Донецк, А/Я 1819.

"Община", № 51. - Москва, 1998.

В обзоре леворадикальных изданий, выполненном глубоко мною уважаемым Петром Рябовым, затронут альманах "Община". Однако этот альманах представлен в обзоре в таком виде, что далеко не каждый читатель пожелает взять его в руки. Кроме того, в обзоре не упомянут ряд материалов "Общины", заслуживающих внимания.

Пятьдесят первый номер содержит интересную статью Д. Чуракова о рабочем самоуправлении в российской революции 1917-21 гг. Не могу не согласиться, в частности, с заключительными словами статьи: "...несмотря на кризис рабочего самоуправления в 1917 г., результат этот был не предопределён изначально. И только самоуправление сможет стать альтернативой развитию в будущем авторитарных и тоталитарных тенденций. Но для этого альтернатива должна быть осмысленной... Ещё острее проблема *социализма самоуправления* встаёт сегодня".

Кроме того, в номер включены: "Корейский дневник (1985-1994)" В. Гурболикова - заметки о впечатлениях автора от поездок в страну тоталитаризма - КНДР; статья Д. Морозова об опыте педагогической общины "Китеж", затрагивающая важнейшую на сегодня и на все времена тему - воспитание Человека; статья автора этих строк под названием "Радикальный гуманизм Эриха Фромма", опубликованная также в девятом номере "Наперекора". Завершает сборник футурологический материал С. Забелина и А. Шубина под названием "Глобальный кризис XXI века" - весьма интересная, хотя, конечно, небесспорная статья. В частности, авторы в механизме крушения СССР видят модель будущего крушения всей мировой цивилизации и приводят этому свои аргументы. Будет трудно, возможно, даже очень трудно, - считают С. Забелин и А. Шубин, - но, в конце концов, всё в наших руках: "Детали конструктора, из которого строится новая цивилизация, рассыпаны по Земле: надо только наклониться, чтобы поднять их, надо только объединиться, протянуть друг другу руки, чтобы вовремя сложить эти детали вместе".

E-mail: noogen2000@mail.ru

А. Константинов.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

***Н.К. Михайловский.* Герои и толпа. Избранные труды по социологии в двух томах. - С-Пб.: Алетейя, 1998.**

"Эклектик", "мелкобуржуазный либерал", "публицист, а не мыслитель" - все эти штампы и стереотипы и по сей день господствуют в отношении Николая Константиновича Михайловского, которому повезло намного меньше, чем другим теоретикам народничества. Ещё бы - ведь именно он в своё время вёл успешную полемику против поднимающего голову русского марксизма и был подвергнут потокам брани со стороны не стеснявшегося в выражениях Ленина. Сегодня наследие Михайловского только ещё предстоит переоткрывать и переосмысливать заново.

Поэтому очень радует переиздание (впервые почти за сто лет!) основных теоретических работ мыслителя. В двухтомник вошли такие значительные и важные произведения Михайловского, как "Герои и толпа", "Что такое прогресс", "Борьба за индивидуальность" и другие, на которых выросло несколько поколений русских революционеров. (Очень жаль, впрочем, что в издании не нашлось места для ещё одной важнейшей программной работы Михайловского - "Письма о правде и неправде"). Изучение мировоззрения Михайловского осложняется как существующими в науке в отношении его штампами, так и несистематическим, публицистическим характером его творчества - отдельные идеи рассеяны по многим статьям (что связано с практической ориентацией творчества русского народника, неотделимостью его замечаний "на злобу дня" от общетеоретических суждений). Нельзя назвать блестящим и язык Михайловского - порой чересчур суховатый, перегруженный примерами из природного мира или общественной жизни; в этом отношении он явно уступает изящному и афористичному стилю Герцена или обжигающей душу пламенной проповеди Бакунина. Однако тот, кто сумеет, преодолев эти трудности, вдуматься в содержание работ Михайловского, будет поражён богатством высказанных им мыслей. Вопреки привычным обвинениям в "эклектизме", мировоззрение Михайловского, при всей фрагментарности его изложения, предстаёт перед нами как нечто целостное и единое, пронизанное несколькими общими темами и настроениями. Круг проблем, поднимаемых им, широк и значим: это и знаменитый "субъективный метод" в социологии, и исследование религии, и проблема "народ и интеллигенция", и соотношение сознательного и бессознательного, свободного и несвободного, социального и биологического, коллективного и индивидуального в человеке, и понятие прогресса, и специфика исторического пути России, и полемика с марксизмом и социал-дарвинизмом.

Мировоззрение Михайловского может быть понято в контексте кризиса позитивизма, поскольку сам мыслитель, отталкиваясь от позитивизма, стремился выйти за позитивистские рамки и в своей философии выразил это внутреннее противоречие. Он пытался перебросить "мостик" от естественнонаучного к социальному, от иррационального к рациональному, от объективно-безличного и необходимого к человечески-личностному и свободному, осмыслив специфику и ценность последнего.

Выступая одним из первых в мировой мысли исследователей, обратившихся к проблемам социальной психологии (обозначенной им как тема "героев и толпы"), Михайловский подчёркивает принципиальную важность различия между бессознательным и сознательным подражанием в общественной жизни: первое расценивается им как негативное, стадное явление, ведущее к фанатизму, конформизму, безликости и дисгармонии личности, а второе оценивается позитивно, как следствие сознательного выбора личности, способной к солидарности, "сочувственному опыту", сопереживанию, свободному следованию, выработанному ею идеалу, этической оценке общества, а не просто к приспособлению к нему. Задолго до того, как машина индустриальной цивилизации показала всю свою бесчеловечность, мыслитель подробно исследовал предпосылки бессознательного подражания в природе и, особенно, в обществе: "сложная кооперация", общественное разделение труда и, как следствие, кризис, односторонность, дезорганизация, дисгармония личности. Напротив, "простая кооперация", по Михайловскому, способствует солидарности, "сочувственному опыту", гармоничному развитию личности, её способности к сознательному подражанию. Михайловский выступает как против отрыва личности от общества, их противопоставления, так и против растворения личности в обществе в качестве его органа, "функции". Итак, по Михайловскому, из "сложной кооперации", общественного разделения труда вытекают такие следствия, как появление "дезорганизованной личности", склонной к бессознательному подражанию или "идолопоклонству", приспособлению к необходимости или же - "практический тип" личности, борющейся за выживание любой ценой. Напротив, на "простой кооперации" основаны социальная солидарность, гармоничное развитие личности, сознательное подражание, "практический идеализм" и "идеальный тип" личности, "борьба за индивидуальность" и способность к "сочувственному опыту". Понятно, что подобная позиция переворачивает традиционное технократически-потребительское понимание прогресса и ставит во главу угла именно всестороннее развитие человеческой личности.

Тема "героев и толпы" выводит Михайловского на другую проблему - проблему самоидентификации русской интеллигенции и её отношения к народным массам, её колебания между полюсами мессианства (в большевистском варианте) и "идолопоклонства" перед народом (у многих народников). Оба эти полюса, порождающие тоталитарные идеи и настроения, предстают в учении Михайловского как следствия утраты русской интеллигенцией конца 19-го века своей идентичности и её стремления к бессознательному подражанию. Желая выработать действенную и реалистическую позицию, Михайловский ставит задачу "героизации толпы", превращения "толпы" в "народ", стремится не к манипуляции "толпой" со стороны "героев", но к развитию в людях личностного начала, сознательного отношения к жизни, приводящего их к совместной

практической борьбе за сознательный и свободно выбранный идеал.

В эпоху кризиса и распада духовных ориентиров Михайловский стремился к новому синтезу, новому единству - единству истины и справедливости, единству разума, воли и чувств, единству мысли и действия, единству оценочной и анализирующей сторон в социальном познании. Достижению такого единства и был призван содействовать разрабатываемый им "субъективный метод" в социологии. Опираясь на этот метод, Михайловский критиковал социал-дарвинизм и марксизм - два влиятельных, как в его, так и в наше время, учения, - постулировавших борьбу в обществе в качестве главного и единственного принципа. Напротив, Михайловский говорит о межчеловеческой солидарности, связанной с сознательным подражанием, с человеческой свободой, с развитием личного начала. (И здесь он во многом созвучен Кропоткину с его фундаментальным биосоциологическим законом взаимопомощи в мире животных и людей). Глубокое уважение ценности и достоинства человеческой личности заставляет мыслителя признать, что, если человек не просто животное или социальная функция, если он - личность, способная не только к "борьбе за существование" и к приспособлению к обществу ("практический тип"), но способная "бороться за индивидуальность", преобразуя общество, - то и биологизаторство социал-дарвинистов, абсолютизирующих конкуренцию, и социологизаторство марксистов, абсолютизирующих классовую борьбу и историческую необходимость - оказываются несостоятельными практически и теоретически. Если в природе этические нормы и свобода личности не действуют, то в обществе они являются важным фактором, способным противопоставить конкуренции и "борьбе за существование" - солидарность и "борьбу за индивидуальность".

Разумеется, я не ставлю здесь цели пересказывать даже самые существенные мысли Михайловского, а хочу лишь посоветовать всем либертарно мыслящим читателям "Наперекора" самим ознакомиться с его наследием, тем более, что вышедшее издание делает такое знакомство более лёгким.

Пётр Рябов.

***П.А. Кропоткин.* Анархия, её философия, её идеал. - М., 1999.**

Ещё один праздник на нашей улице! Вышел новый, объёмный (860с.) и многотиражный (7000 экз.) сборник работ Петра Алексеевича Кропоткина, подавляющее большинство из которых не переиздавалось в России лет эдак 70-80. Простим составителю сборника М.А. Тимофееву такие забавные "ляпы" во вступительной статье, как: "С его (Кропоткина - П.Р.) исчезновением безвозвратно уходила в прошлое эра жизнеспособного анархизма" (а Махно? А Испания 30-х?) Или: "До известной поры продолжали функционировать анархические партии" (?!), и т.д. Главное не в этих недоразумениях, а в самом факте публикации разнообразных произведений Петра Алексеевича, вполне адекватно представляющих читателю его наследие.

Энциклопедическая широта научных интересов князя-анархиста поражает: это и география, и геология, и биология, и этика, и литературоведение, и философия, и история, и педагогика, и социология, и экономика... - список можно продолжать. И большинство этих направлений его исследований (может быть, кроме естественных наук) получили отражение в данном сборнике.

Едва ли не треть тома занимают лекции Кропоткина "Идеалы и действительность в русской литературе" (он читал эти лекции перед зарубежной публикой, дабы познакомить её с русскими писателями). Опубликованы (к сожалению, выборочно) отдельные статьи из раннего сборника Кропоткина "Речи бунтовщика", в котором он подверг яркой и радикальной критике основы буржуазно-государственной цивилизации.

Попробуем, не останавливаясь на перечислении отдельных статей, резюмировать в немногих словах основное содержание работ, с которыми предстоит ознакомиться читателям.

Кропоткин предпринял грандиозную и единственную в своём роде по масштабам и основательности попытку изложить анархизм в виде цельного мировоззрения, серьёзной науки и практической позитивной программы, вывести анархическое миросозерцание из рассмотрения жизни Природы и Народа, из анализа современности, обнаружить анархические тенденции в народных движениях различных эпох и ростки анархии и коммунизма в современном мире, подвести под анархизм естественно-научную базу, включив его в современную научную картину мира, разработать законченную систему "научного анархизма", указать на принципы анархической этики и обосновать неразрывное тождество анархии и коммунизма (ибо, по Кропоткину, анархия без коммунизма - произвол эгоистических индивидов, а коммунизм без анархии - чудовищный деспотизм). И если философское основание его анархизма оказалось неглубоким и противоречивым, а многие прогнозы не оправдались, если, наконец, попытка уложить анархическое мировоззрение в прокрустово ложе чересчур позитивной и конструктивной (к тому же строго "научной" и "механической") системы не увенчалась успехом, то, тем не менее, на своём пути Кропоткин достиг многих положительных результатов - обновив и модернизировав анархическую теорию, приспособив её к новым социальным реалиям, высказав немало глубоких критических суждений о современном обществе и гуманистических пожеланий об обществе будущего. (Общетеоретический фундамент построений Кропоткина представлен в сборнике лекцией "Анархия, её философия, её идеал"). Замечательный литературный талант, огромная эрудиция, цельность и конструктивность мышления, умелая полемика с оппонентами, многократное разъяснение самых важных положений, характерные для творчества Кропоткина, привлекали и привлекают к его анархическому учению тысячи сторонников во всём мире.

Центральный мотив учения Кропоткина - тема синтеза науки и жизни, социологии и революционного движения, интеграция физики, географии, биологии, социологии и этики, попытка сделать науку реальной общественной силой и объяснить все явления человеческого мира законами природы. Кропоткин безусловно отрицал наличие Бога и всего сверхъестественного, сверхнатуралистического. Философия природы и науки у Кропоткина полемически

заострена против метафизиков, теологов, социал-дарвинистов и государственников. Он постоянно проводит аналогии между человеком и животными, между природой и обществом и, стремясь вывести социальный идеал из природы, отчасти "социологизирует" природу и "биологизирует" человека.

Наряду с новой картиной мира и концепцией науки, исключающей власть, иерархию и предполагающей взаимодействие и координацию в природе бесконечно малых сил и явлений, другим важным философским и естественнонаучным положениям Кропоткина, призванным обосновать его анархическое мировоззрение, был знаменитый биосоциологический закон взаимопомощи как важнейшего фактора эволюции. По мнению Кропоткина, дарвиновское положение о "борьбе за существование" следует понимать как борьбу *между* видами и взаимопомощь *внутри* видов. Взаимная помощь и солидарность, по мнению Кропоткина, являются главными факторами прогресса, средствами к выживанию видов и инстинктивной основой человеческой нравственности. П.А. Кропоткин убеждён, что тот вид, который способен организовать свою жизнь на максимальносолидарных началах, - более приспособлен к выживанию и развитию, а эволюция прямо пропорциональна уровню организованности данного вида на принципах взаимной помощи, причём этот закон распространяется Кропоткиным на все этапы развития животного мира и истории человечества.

На этих общетеоретических основаниях базируется историософия Кропоткина и его учение о революции (в данном сборнике этим темам посвящены такие работы, как "Государство, его роль в истории", "Век ожидания", "Анархическая работа во время революции" и "Революционная идея в революции"). Своё понимание истории Кропоткин выражает в следующих словах: "Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералистская, традиция власти и традиция свободы. И теперь, накануне великой социальной революции, эти две традиции опять стоят лицом к лицу". То в Египте, то в Азии, то в греко-римском мире, то в Западной Европе цивилизация проделывала один и тот же цикл: "И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило к сельской общине; затем наступал период вольных городов и наконец период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало". Народные массы, склонные к взаимной помощи, творят учреждения, основанные не на иерархии, а на координации и согласовании интересов: род, обычное право, средневековый город, гильдию, а государство, демоническим образом возникающее, точно "бог из машины", душит, разрушает и уничтожает эти учреждения, приводит к их окостенению и централизации. Отметив две основные тенденции в историческом процессе: первую - народную, самоуправленческую, федералистскую, и вторую - государственническую, централистскую, имперскую, мыслитель отождествляет анархизм с первой из них. Таким образом, в учении Кропоткина анархизм предстаёт не просто как течение в истории мысли, не просто как часть современной картины мира, но как тенденция самой природной и общественной жизни к самоорганизации и гармонии на началах свободы и неиерархической координации. Кропоткин предсказывает скорое крушение современной ему цивилизации и воспринимает это крушение как прелюдию к переходу от буржуазно-бюрократического общества к вольному анархическому коммунизму.

Важнейшее место в построениях Кропоткина занимает тема социальной революции, вполне достойно представленная на страницах данного сборника. По Кропоткину, революция есть неизбежный элемент эволюции, причём их диалектика осуществляется следующим образом: революция выдвигает новые цели, ценности и перспективы, мучительно ломает старое и на долгий промежуток времени вперёд задаёт вектор для эволюционного развития, которое, в свою очередь, будет неторопливо готовить новую революцию. Революция - это "тайфун", стихия, которую подготавливают тысячи людей, и которой невозможно управлять, когда она началась. По Кропоткину, массами в революции движет надежда; революция есть, прежде всего, созидание, переворот во всех сферах жизни, интенсивное строительство нового: "Главное, что требуется для успеха всякой революции - это *революционность мысли*; способность выступать на новые пути жизни, способность изобрести новые формы борьбы и суметь понять те неясные указания на новый строй, которые даёт народная жизнь. Всякая революция есть эпоха прогресса в человечестве, и прогресс обуславливается, прежде всего, созидательным творчеством". Поэтому-то так важно ещё до революции распространить новые идеи, сформировать революционное сознание и революционного субъекта (им, по Кропоткину, не может быть какая-то одна партия или класс, но лишь весь трудовой народ в целом). Зрелость, смелость мысли, новаторство, наличие революционной идеи - важнейшие элементы подготовительной работы в революционном процессе. Всем предыдущим революциям фатально нехватало именно смелости мысли: все они ориентировались на прошлое, а не созидали будущее - поэтому, в то время, как народ разрушал старое, буржуазия созидала новое, и, разумеется, делала это в своих интересах: "Якобинская традиция давит на нас так же, как монархическая традиция подавляла и держала в плену французских якобинцев 1793 года".

Революция, по Кропоткину, - это самоорганизация населения, вооружение народа, разрушение государства, экспроприация собственности, развитие местного и производственного самоуправления. А всё это невозможно без местной инициативы, которая исключает оглядку "наверх", передачу монополии на принятие решений "центру". Индивидуальная инициатива - душа революции. Необходимо перерастание революции в мировую, необходима именно *социальная* революция (чисто политические требования Кропоткин оценивал не очень высоко), необходим союз крестьян и рабочих, необходимо, наконец, немедленно дать трудящимся жильё, продукты, одежду, чтобы они сразу ощутили смысл и значение наступившей революции для себя лично.

Делая акцент на созидание в революционном процессе, на важность революционной идеи и творчества масс, Кропоткин негативно относится как к идее "революционного правительства", "революционной диктатуры", так и к связанному с ними систематическому псевдореволюционному террору. Он допускает стихийную

народную месть своим поработителям, но считает, что институционализация террора предвещает наступление диктатуры нового правящего класса, душит индивидуальную инициативу и приводит к борьбе за власть между революционерами. Кропоткин осуждает "террор, который возводится в "государственный принцип" и диктуется не чувством народной мести и отчаяния, а холодным рассудком во имя революционной идеи. Вот этого рода террор и дорог для якобинцев всех революций... Будучи оружием правителей, террор служит, прежде всего, главам правящего класса; он подготовляет почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти". Эти свои теоретические положения Кропоткин впоследствии подтвердит, наблюдая трагический опыт Великой Российской революции, узурпированной большевистской диктатурой.

Кропоткин приходит к отрицанию идеи "революционного правительства", показав несовместимость этих двух понятий: "Революция есть синоним "беспорядка", переворота, низвержения в несколько дней основных учреждений, ломки, и притом насильственной, установленных форм собственности, уничтожения каст, быстрой перемены в общепринятых взглядах на нравственность, или вернее на лицемерие, замещающее нравственность, - словом, синоним освобождения личности и непосредственной её деятельности. Революция есть нечто, прямо противоположное самой идее правительства, - отрицание его, потому, что правительство есть поддержание "установленного порядка", консерватизм; т.е. стремление к сохранению существующих учреждений, безусловно враждебное личному почину и личной деятельности". Поэтому: "Пора, давно пора покинуть иллюзию *революционного* правительства, за которую пришлось столько раз и каждый раз так дорого расплачиваться! Пора сказать себе раз навсегда и признать за безусловно верное правило, за аксиому, что *никакое правительство не может быть революционным*". Сказано почти век назад, но неужели эта мысль (как и многие другие) перестала быть верной? Остановимся на этом. В общем читайте новый сборник старых, но неустаревших произведений П.А. Кропоткина!

Пётр Рябов.

***Г. Лагардель.* Революционный синдикализм. - Голос труда, Донбасс, 1999.**

Эту брошюру выпустила в свет Революционная конфедерация анархистов-синдикалистов им. Н. Махно, действующая в Донбассе. В кратком очерке, принадлежащем перу одного из виднейших теоретиков синдикализма, популярно излагается история синдикалистского движения во Франции (то есть Всеобщей Конфедерации Труда и предшествовавших ей организаций) в 1895-1906 гг. Ярко объясняются и иллюстрируются такие ключевые принципы синдикализма, как делегирование, федерализм, антиэтатизм, антипарламентаризм и антипартийность, акцент на революционное "прямое действие". Показана на ряде примеров опасность реформизма и партийного руководства для развития рабочего движения. Как справедливо указано в предисловии к брошюре Лагарделя, написанном донбасскими анархистами, "приходится поражаться, насколько актуальны многие страницы его работы для сегодняшнего рабочего движения".

Разумеется, далеко не со всеми мыслями Лагарделя можно согласиться. Например, вызывают сомнение определённые марксистские "штампы", индустриалистские иллюзии или некоторые элитаристские нотки, которые порой проскальзывают в его работе. Например: "Борьба создала естественную иерархию в недрах рабочего класса; самые деятельные, самые боевые элементы, те, которых привыкли называть "сознательное меньшинство", идут впереди и показывают другим путь. Т.о., в рабочем движении происходит естественный подбор... Эта группировка лучших членов образует синдикат и, т.о., синдикат силой вещей является органом представительным и организующим" (с. 27). Мне кажется, что от таких суждений не так уж далеко до большевистского партийного авангардизма. В любом случае, публикация классического произведения синдикалистской мысли, ярко высвечивая все достоинства и недостатки революционного синдикализма, имеет далеко не только историческую ценность и, несомненно, даст богатую пищу для размышлений современным участникам общественного движения.

П.Р.

***Карл-Хайнц Рот.* Возвращение пролетариата. - М., 1999.**

Эта книга недавно опубликована коллективом М.П.С.Т. Карл-Хайнц Рот, в 1960-х годах - активист леворадикального Союза немецких студентов в Гамбурге, по праву считается одним из ведущих теоретиков "рабочей автономии". Эта концепция независимой классовой самоорганизации трудящихся появилась в Италии в 60-е гг. и стала известна под названием "операизма" (от итальянского "иль операйо" - "рабочий"), впоследствии она распространилась и в других странах. Политическая и экономическая теория "рабочей автономии" исходит из того, что рабочие, вынужденные работать на фабрике, создают там новые формы сопротивления против отчужденного труда, который они в принципе отвергают. Эти формы борьбы - стачка, хищение, саботаж, симуляция болезни и т. д. Согласно операистской теории кризисов, рабочие, уклоняясь от труда, требуя повышения зарплаты, вызывают кризис капитала. Капитал реагирует на сопротивление техническими нововведениями ("технологическое наступление на класс") и пытается использовать недовольство как мотор для новшеств. Центральный исследовательский метод операизма - "боевое исследование": рабочие опрашиваются действующими на фабрике активистами, чтобы получить информацию об их положении и понять его. Важным понятием является "классовая структура": как строится рабочий класс, каким сознанием он обладает? Однако современный операистский анализ, сосредоточив внимание на трудовых отношениях, тем не менее, последовательно затрагивает и иные аспекты современного общества: макро- и микроэкономику, политику, социальную психологию.

В 1993 г. Карл-Хайнц Рот впервые изложил свои тезисы о "возвращении пролетариата" ("репролетаризации"). Текст обсуждался среди

участников автономных и социально-революционных движений Германии, а также в традиционных социалистических течениях. Осенью 1994 г. появилась книга, в которой были собраны критические и дискуссионные отклики и подробнейший ответ Рота на критику. В "Возвращении пролетариата" Рот констатировал "радикализацию капиталистических отношений во всем мире". Он выводил эту мысль из анализа ситуации в Мексике, Италии, Франции и Германии (после объединения). "Радикализация" проявляется в наступлении на гарантированные тарифными соглашениями и трудовым законодательством нормальные трудовые отношения, в распространении массовой безработице и бедности, в изменении структуры рабочего класса. Последние бастионы рабочих подточены, профсоюзы и социал-демократические партии, включая их "левое" крыло, не оказывают реальное сопротивление процессу реорганизации трудовых отношений в интересах капитала, а становятся его соучастниками. Центральным в анализе Рота является понятие "тойотизма" как новой системы трудовых отношений. Рот призывал левых снова обратить главное внимание на "социальный вопрос" и процессы пролетаризации. Только так можно будет побороть растущий расизм и национализм среди самих трудящихся, поскольку "любая антирасистская инициатива, игнорирующая социальный вопрос и отказывающаяся тем самым от стратегической возможности опереться в принципе на все слои пролетариата, построена на песке".

Опубликованный текст является несколько сокращенным переводом ответа К.Х.Рота на замечания и мнения, высказанные в процессе дискуссии вокруг его доклада о "возвращении пролетариата". В нем дается всесторонний, глубокий и комплексный анализ нынешнего этапа существования индустриально-капиталистического общества, изменения методов организации производства и эксплуатации, а также новых тенденций в сознании и поведении трудящихся и потенциала их борьбы. Для лучшего понимания того, о чем пишет К.Х.Рот, да и всего глобального контекста современного капитализма текст дополнен многочисленными поясняющими приложениями и примечаниями. Очень рекомендуем читать Рота вместе с этими материалами, поскольку иначе многие из высказанных мыслей, а в ряде случаев - даже сама постановка вопроса могут оказаться совершенно неожиданными и неясными для читателей на русском языке. Желающие приобрести эту книгу могут обращаться по адресу: 117485 Москва, а/я 34.

***Сергей Павлюченков.* Военный Коммунизм в России. Власть и Массы. - М.: РКТ-ИСТОРИЯ, 1997.**

Почти не замеченой прошла публикация этого глубокого, комплексного исследования советского режима 1917-1921 годов. И напрасно! Налицо фундаментальная научная работа, которая, пожалуй, не имеет аналогов на сегодняшний день. Блестящее знание фактической стороны вопроса органично сочетается у С. Павлюченкова с продуманным анализом социально-экономических и социально-политических условий функционирования большевистского режима в вышеуказанный период времени. Автор последовательно рассматривает и анализирует общественные предпосылки возникновения военного "коммунизма", реакцию на радикальные преобразования различных слоев общества, прежде всего - общинного крестьянства и фабричного пролетариата, официальную государственно-централизованную и спекулятивно-теневую экономику, различные аспекты политики «верхов», бюрократические конфликты и интриги в тоталитарной "коммунистической" верхушке. Наконец, исследуются такие важные темы как массовый террор и "еврейский вопрос" в революции.

Военный "коммунизм", по мнению С. Павлюченкова "естественным образом возник в России из ее традиционного государственного крепостничества, из казеной и частной промышленности, вскормленной на тяжелых государственных налогах на средние и беднейшие слои населения". В то же время, автор подчеркивает неразрывную связь между большевистским "коммунизмом" в России и хозяйственными реформами, проводившимися во всех странах, участвовавших в первой мировой войне, прежде всего, с немецким сверх-централизованным репрессивным государственно-монополистическим капитализмом. Книга С. Павлюченкова вносит важный вклад в дело демистификации российской истории XX века. Кроме того, в ней содержится ценная и малоизвестная информация о "Третьей революции", т.е. о самоуправляемых повстанческих крестьянских движениях и антибольшевистском сопротивлении фабричных рабочих, причем можно видеть, как научная добросовестность и недюжие аналитические способности автора, вступают в этом вопросе в конфликт с его собственными, прямо скажем, достаточно авторитарными убеждениями. Так, например, С. Павлюченков утверждает, что общинное крестьянство было по существу неспособно создать собственную организацию, и что попытки повстанцев ее создать неизменно проваливались. В то же время он описывает и анализирует весьма эффективные и высоко организованные повстанческие движения на Украине, в Поволжье, в Тамбовской области и в Западной Сибири. Впрочем, нет смысла пересказывать содержание книги. Желающие могут приобрести ее в Москве, в магазинах "Летний Сад" и "Графоман".

М.М.

***Р.Г. Пихоя.* Советский Союз: История Власти. 1945-1991. - М.: Издательство РАГС, 1998.**

Знаете ли вы о «догоняющей коллективизации» и раскулачивании в конце 40-х годов? Знаете ли вы, что Берия готовил в 1953 году более радикальную «оттепель» нежели Хрущев? Знаете ли вы, что главным организатором отставки Хрущева в 1964 году был отнюдь не Брежнев, а хрущевский ставленник Шелепин? Вы этого не знаете. Тогда прочтите книгу, о которой здесь идет речь. Эта книга стала важным вкладом в исследование истории СССР. Особо следует отметить широкое использование автором многих ранее неизвестных или малоизвестных документов, извлеченных им из различных недоступных в прошлом архивов. В книге показаны и пранализированы механизмы функционирования советского государственного и партийного аппарата, приведены оценки высокопоставленных коммунистических бонз относительно различных событий истории СССР. Все же, книга Р.Г. Пихоя это прежде всего ***история власти*** и уже во вторую очередь история общества. В отличии от советских историков,

обычно делавших в своих исследованиях упор на вопросы общественно-экономического развития, историки нынешние предпочитают акцентировать внимание на работе властно-политических механизмов, а все остальное их интересует уже во вторую очередь. В этом смысле книга написана в соответствии с духом времени, когда на смену вульгарному квазимарксистскому «экономизму» пришла пустота, связанная с отсутствием каких бы то ни было обобщающих социальных теорий. Но нужно отдать автору должное. Его книга - это все же не позитивистский набор фактов, а системное исследование, в котором анализ властно-политических отношений органично дополняется небольшими, но чрезвычайно информативными и высокопрофессиональными обзорами социально-экономических трансформаций в СССР и их влияния на политическую и общественную жизнь страны.

М.М.

"Черная книга коммунизма".

Эта книга написана несколько лет назад коллективом французских авторов и издана на русском языке в 1999 году. В ней рассматривается история геноцида, осуществленного марксистско-ленинскими партиями в разных частях света с 1917 года и по наши дни. Книга является аналогом соответствующих изданий, посвященных нацистскому геноциду в Европе, в годы второй мировой войны. По мнению авторов общее число жертв коммунистических режимов можно оценить примерно в 95 миллионов человек. Следует отметить, что в данном исследовании содержится множество достаточно грубых ляпов и откровенных ошибок, поэтому его научная достоверность лично у меня вызывает известные сомнения. Мне не очень понятно, какую цель авторы ставили перед собой. Если они просто хотели обличить марксизм-ленинизм, то, в конце концов, не так важно сколько там людей убили ленинисты: 20 миллионов, 50 или 100. Куда важнее проанализировать тоталитарную и антиэтическую природу большевизма. Если же речь идет о серьезном научном исследовании, то следует, все же, более аккуратно обращаться с фактами. Интересно, что сами авторы - бывшие маоисты, ныне перешедшие на позиции поддержки демократии – полагаю, что к «вольной» трактовке тех или иных событий им не привыкать.

У этой книги есть еще один аспект. Среди части западных левых (главным образом среди автономистов) возникла довольно острая критика в адрес авторского коллектива, мол дескать, все подобные рассуждения о марксистско-ленинском геноциде на руку проклятым империалистам. Мне самому недавно довелось дискутировать на эту тему с некоторыми намецкими леворадикалами. По моему глубочайшему убеждению все подобные рассуждения являются ничем иным, как следствием слабо завуалированной поддержки этими леваками тех или иных действий большевистских группировок в в их собственных странах. Между тем, для любого относительно честного человека, вне зависимости от его взглядов, должно быть ясно, что ленинизм – это преступная идеология, основанная на лжи, монипуляциях общественным мнением и массовых репрессиях. И если официальные СМИ устами авторов «Черной книги» говорят, что черное - это черное, то было бы предельным идиотизмом утверждать (в пику им), что черное – это белое. В конце концов у сторонников общественного самоуправления свои счеты с большевизмом. Недаром русский анархист, участник махновского движения Всеволод Волин одним из первых обратил внимание на сходство между большевиками и фашистами, недаром известный немецкий революционер, сторонник рабочих советов Отто Рюле утверждал, что «борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма».

М.М.

***Элвин Тоффлер.* Третья Волна. - М.: АСТ, 1999.**

С опоздание в 20 лет дошла до российского читателя эта книга, посвященная ***постиндустриальному обществу.*** Элвин Тоффлер по праву считается одним из крупнейших американских социологов и футурологов. А книга, о которой идет речь, в свое время наделала шум не только в научных кругах, но и среди политиков, бизнесменов и даже активистов различных общественных движений. По существу она стала попыткой ответа на многие основополагающие социальные, экономические и политические вопросы современности, ответа, основанного на новом итегрирующим подходе к общественным отношениям.

Существует много концепций, авторы которых пытаются объяснить, почему в истории происходит все так, а не иначе. Основными из них считаются цивилизационная (связанная прежде всего с именем А.Тойнби) и формационная, связанная с именем Маркса. Первая кладет в основу человеческих отношений социокультурные элементы, вторая общественно-экономические структуры (способ производства). Тоффлер, Белл и некоторые другие американские социологи исходят из третьей концепции, основанной на представлении о ***технологической матрице***, как об основной компоненте общественных отношений, как о главном системообразующем факторе.

По мнению Тоффлера, технологическое развитие человечества проходит волнообразно и можно выделить три основные волны технологических изменений. Первая волна – это начавшаяся много лет назад и давно завершившаяся аграрная революция, приведшая к переходу человечества к новым общественным отношениям, покончившая с собирательством и сформировавшая первые цивилизации, известные историкам. Вторая волна – это начавшаяся примерно 300 лет назад индустриальная революция, основанная на фабричном производстве, ознаменовавшаяся становлением известных нам форм общественного, политического и экономического устройства (в книге приводится описание и яркая критика индустриализма). Третья постиндустриальная революция разворачивается на наших глазах. Именно с ней связанны кризисные явления современной эпохи, ибо радикальные общественные преобразования всегда болезненны и не все могут их осмыслить и к ним приспособиться. Многое должно погибнуть, многому еще только предстоит родиться.

Что такое постиндустриальные технологии? Речь идет прежде всего о таких вещах как аэрокосмическая промышленность, производство роботов, производство мощных компактных компьютеров с их последующим использованием в промышленности и повседневной жизни, речь идет о новых источниках энергии, о генной инженерии, о новых областях медицины, о новых способах передачи и хранения

информации и т.д. Отличительная черта новых технологий (хай тек) - это, по мнению Тоффлера, искусственный интеллект, миниатюрность, компактность, способность сберегать ресурсы. В этих условиях возникает необходимость качественно нового подхода к труду, который будет теперь основываться не на изматывающей рутине повторяющихся сравнительно простых механических операций, а на гибком творческом отношении к производственному процессу и на суверенном распоряжении рабочим временем. На смену фордистской фабрике, производящей на гигантских конвеерах стандартизированную продукцию, придут небольшие экологически чистые производства, где будут работать, главным образом, высококвалифицированные специалисты, развившие в себе способность к творческому труду. Соответственно, вместо старых огромных энергитических установок, разрушающих природу, придут принципиально новые компактные источники энергии, основанные на использовании ветра, приливов, морских течений, солнца и т.д. Но это только начало. А затем... Нация, государство, крупная корпорация, промышленная монополия или олигополия, единая служба теленовостей, религиозная конгрегация, включающая в себя сотни миллионов людей, все эти структуры – порождения прошлого, их существование есть результат действия Второй индустриальной волны. Их огромные размеры, централизм, бюрократическое устройство адекватны задачам индустриального производства, с его гигантоманией, необходимостью жестского иерархически устроенного регулирования, стандартизации, специализации и т.д. Все это постепенно уходит в прошлое. На подходе новые общественные отношения, основанные на небольших поселениях и территориальных (либо экстерриториальных) автономиях, небольших производственных объединениях, сравнительно малых по размерам религиозных, культурных, семейных и иных ассоциациях и коммунах. Такие объединения будут связываться между собой по мере возникновения у них необходимости в ***сетевые структуры***, причем современные средства производства и коммуникации позволят развивать такие сети в планетарном масштабе. Поэтому такая структура, вдобавок ко всему, станет глобальной. Рынок и комерческое производство постепенно уступят место индивидуализированному производству по заказам, осуществляемым непосредственно заинтересованными индивидами, либо группами индивидов, так как «хай тек» дают возможность без особого роста издержек колоссально варьировать параметры произведенной продукции. А компьютерные сети и новые средства коммуникации позволят мгновенно устанавливать связь между производителем и потребителем, т.е. выявлять потребности населения базисно-демократическим путем. На смену назойливой рекламе придет живая связь и, по существу, стирание границ между производством и потреблением - теперь сам заказчик сможет определять характеристики и даже непосредственно участвовать в моделировании нужной ему продукции. На смену огромным финансовым, промышленным и торговым корпорациям, придут корпорации нового типа, основанные на все том же децентрализованном ***сетевом*** производстве, множестве региональных центрах концентрации финансового капитала, индивидуализированной торговле и т.д. Даже представительная демократия постепенно растворится в новой прямой или хотя бы «полу-прямой» демократии, основанной, опять таки, на выявлении пожеланий и политических интересов конкретных индивидов и их ассоциаций с помощью компьютерных и коммуникационных сетей.

Ясно, что такой дивный новый мир лучше старого. А те, кто этого до сих пор не понял - либо отсталые ретрограды, либо субъекты, чьи непосредственные экономические и политические интересы связаны с отживающими свой век структурами Первой и Второй волн.

Интересно, что такого рода идеи легли в основу представлений и некоторых теоретиков современного анархизма. Мы, однако, не склонны разделить подобный «философский оптимизм», не смотря даже на выводы в анархическом духе, каковые делаю порой нынешние доктора Опиры. Одно из фундаментальнейших противоречий нынешней цивилизации - это всеми (кроме, пожалуй, «философов оптимизма») признанный разрыв между ростом технологических возможностей человечества и его низким уровнем культурного и этического развития. Что может быть хуже варвара, вооруженного компьютерами и генной инженерией?

С момента выхода книги в свет прошло около двадцати лет и теперь уже можно подвести некоторые итоги. Верно конечно, что введение производственной автоматизации в 60х – 70х, компьютерная и интернетовская революция 90х, широкое применение «хай тек» во всех отраслях производства до неузнаваемости изменили облик мира. Верно и то, что потенциально некоторые новые технологии действительно заключают в себе возможности, о которых писал Тоффлер и другие теоретики постиндустриализма. Но гораздо более существенно другое. Обнаружилось, что старые общественные отношения, основанные на принципах иерархии и эксплуатации, никуда не исчезли. Просто они сменили оболочку.

Выяснилось, что на смену национальных государств с их бюрократией приходят континентальные сверхгосударства со сверхбюрократией (например, знаменитая «еврократия» уже успела прославить себя огромным колличеством регламентирующих запретов и «ценных указаний»), выяснилось и то, что капиталоемкие иновации под силу прежде всего крупным корпорациям (ибо они располагают необходимыми для этого ресурсами капитала) – реальностью стали небольшие размеры производств, построенных по сетевому принципу (т.е. на основе автономных и полуавтономных от центра подразделений), но, в то же время, в 80е – 90е годы имела место невиданная в истории волна гигантских корпоративных слияний. На сегодняшний день 2\3 мирового производства сосредоточено в руках примерно 500 Транснациональных корпораций. При этом тысячи автономных групп работников и миллионы «новых самостоятельных индивидуалов» вынуждены теперь конкрурировать между собой за получение заказов от центров концентрации капитала, вследствии чего, внутри новых слоев постиндустриального пролетариата растут социал-дарвинистские тенденции. В этом новом мире ценность человека продолжает определяться, в соответствии с доминирующими установками капитализма, в старых категориях стоимости, полезности и «экономической эффективности» и все, кто не вписывается

в данные представления рискуют быть объявленными неполноценными, бесполезными, а, следовательно, вредными для жизни.

Оказалось, что компьютеризированный маркетинг ведет не росту влияния потребителя, а к более изощренной системе монипулирования его вкусами, когда вместо нескольких стандартизированных вариантов одного и того же товара, на него обрушивают сотни всевозможных модификаций того же самого товара, стараясь воздействовать на его (потребителя) эмоции, амбиции, комплексы и т.д.

Развитие новых средств коммуникации и глобализация мировой экономики оказались прежде всего выгодны ТНК, причем особо крупные размеры приобрели их спекуляции на фондовых рынках, возникла угроза мирового финансового краха и новой Великой Депресии. Развитие телекомуникаций привело не столько к формированию «небольших локальных телесетей», как предсказывал Тоффлер, сколько к формированию бесчисленных виртуальных миров глобализированных СМИ (подконтрольных все тем же ТНК), непрерывно обрушивающих на людей потоки коммерческой и политической рекламы. Обнаружилось, что компьютеры можно использовать не только для эффективного выявления базисных общественных потребностей, но и для еще более эффективного контроля государства и большого бизнеса над этим самым обществом, со всеми его потребностями. Что до генной инженерии... Но довольно с нас ужасов. Постиндустриальная действительность оказалась куда больше похожа на описанный писателем Зиновьевым «Глобальный Человейник», нежели на Тоффлеровскую полуанархистскую утопию. Новые технологии невероятно расширили сферу возможностей человечества... и оставили человека лицом к лицу с новым рабством, основанным на компьютерном контроле, манипулятивном маркетинге и виртуальной реальности СМИ. Иногда полезно бывает почитать Библию, даже если вы – атеист. Хочется закончить эти заметки известной цитатой: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, но душе своей повредит?».

М.М.

ЗАЯВЛЕНИЕ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП МОСКВЫ

В последнее время в средствах массовой информации появились сообщения о якобы имеющей место причастности анархистов к терактам, совершенным в российской столице около зданий ФСБ и МВД. В связи с этим мы, представители различных анархистских организаций Москвы, при всех имеющихся у нас расхождениях во взглядах, считаем нужным заявить следующее:

1. Анархистские организации города Москвы не несут ответственности за эти террористические акты. При этом мы не выражаем никакого сочувствия репрессивным государственным структурам, подвергшимся нападениям.

2. Освобождение масс от гнета индустриального капитализма и государства есть дело самих масс и может быть осуществлено лишь массовыми самоуправляющимися общественными объединениями (рабочими союзами, кооперативами, экологическими движениями, гражданскими инициативами, культурными объединениями и т.д.), а не самозванными "революционными авангардами" и "профессиональными революционерами-террористами", якобы действующими на "благо народа". Мы видим свою задачу в содействии становлению самоуправляющихся общественных движений, а не в том, чтобы действовать вместо общества и "от его имени". Мы сторонники самоорганизации, т. е. не признаем права какой-либо группы или партии говорить от имени общества. Мы можем понять акты индивидуального сопротивления против произвола и насилия или акты личной мести угнетателям, тиранам и насильникам, но убеждены, что подобные действия не могут привести к изменению существующей системы. Исходя из этического принципа единства цели и средств, мы также решительно выступаем против любого акта, в ходе которого могут погибнуть или пострадать непричастные люди.

3. Мы сознаем, что существующие законы направлены на защиту общественной иерархии и неравенства, что они охраняют интересы правящей элиты, а не подавляющего большинства народа. Поэтому мы признаем за угнетенными общественными группами право на явочный порядок действий в отстаивании своих интересов. Мы не являемся пацифистами и признаем право личности и общества на самооборону от насилия (в том числе и вооруженную), вне зависимости от того, исходит ли это насилие от частного лица, от группы лиц или от государства. Тем не менее, мы не считаем, что насилие само по себе является благом и панацеей. Мы можем допустить его лишь как вынужденную форму самозащиты. Поэтому мы отрицательно относимся к подпольным террористическим организациям, считающим вооруженное насилие главным аргументом в борьбе с существующим порядком.

4. Будучи лишенными связи с самоуправляющимся и самоорганизованным народом, террористы неизбежно создают военизированные иерархические структуры, подчиненные подпольному командованию, т.е. используют тот же принцип элиты, который лежит в основе существующего общества. Таким образом, объективно они становятся прямыми наследниками и продолжателями дела организованного государственного насилия против личности и общества и в своих действиях, по существу, ничем не лучше тех, против кого борются. Далеко не случайно профессиональные террористы-подпольщики из всевозможных "революционных армий" и "авангардов" обычно являются сторонниками марксистско-ленинских, националистических, ультраправых и иных авторитарных идеологических систем, даже если используют при этом анархистскую фразеологию. Кроме того, такие группы в большей степени подвержены проникновению агентов правительственных спецслужб, которые, манипулируя террористами, провоцируют таким образом общественные потрясения там и тогда, где и когда это выгодно правящему режиму, и тем самым готовят почву для усиления государственных репрессий. Это подтверждает опыт "Красных бригад" и других подобных организаций. Поэтому мы считаем деятельность таких групп вредной и заявляем о том, что для анархистов она является неприемлемой и недопустимой. Наша задача - не демонстративные акции, расчитанные на внешние эффекты и истерику в буржуазных СМИ, а постоянное, повседневное сопротивление.

Межпрофессиональный Союз Трудящихся (МПСТ)
Московская организация Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС)
Редакция журнала «Наперекор»
Коллектив журнала «Утопия»
Группа имени Алексея Борового

Москва, 22 июля 1999 г.

Электронная анархическая библиотека

АНАРХИВ

Классические и современные тексты по анархизму и другим антиавторитарным течениям общественной мысли. Философские трактаты, политические памфлеты, литературные утопии.

http://anarchive.da.ru/

ПОЛНОЧЬ ВЕКА

Радикальная антиавторитарная критика в эпоху постмодерна:

- Виртуальное пристанище журнала “Аспирин не поможет”. Русский архив Ситуационистского Интернационала.
- “Общество зрелища” и “Революция повседневной жизни” на русском языке – книги, о которых много говорят, но которые мало кто читал.

http://polnoch.da.ru/

Вышла в свет первая часть музыкального сборника “Wild Cat Compillation” (аудиокассета с революционными песнями прошлого и настоящего). На одной стороне кассеты - анархические песни времён Испанской революции 1930-х годов, на второй стороне - песни современных леворадикальных рок-групп. Планируется продолжение сборника с использованием как современных рок-групп, так и анархо-коммунистических песен начала XX века. Чтобы получить первую часть сборника, пришлите пустую шестидесятиминутную аудиокассету и деньги на пересылку. Заказать первую часть сборника и принять участие в продолжении проекта можно по адресу: **142092 Московская обл., г. Троицк, ул. Центральная, д. 10, кв. 122, Литинскому Александру. E-mail: masoni@mail.ru**

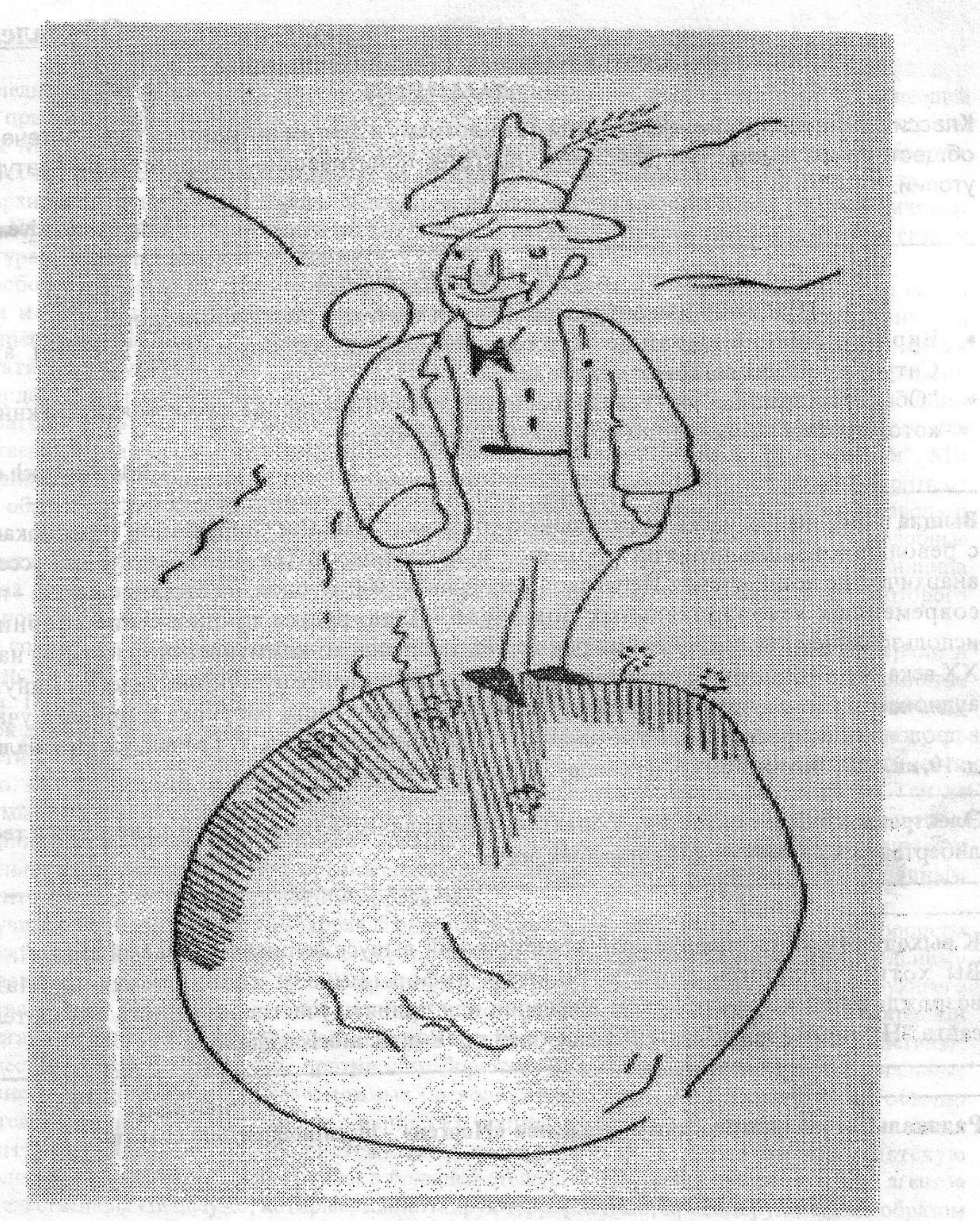
Электронная библиотека, содержащая большое количество материалов по истории и теории либертарных движений: **http://mpst.tsx.org/**

К выходу готовится специальный атеистический выпуск журнала “Здравый смысл”. Если Вы хотите получить дополнительную информацию о готовящемся журнале и возрождающемся атеистическом движении или принять участие, свяжитесь с создателями сайта “Научный атеизм”: **http://HA.newmail.ru/ E-mail: atheism@mail.ru**

Радикально-гуманистическая инициатива «Нооген» - http://noogen.newmail.ru/

Государство - главный террорист!

Анархистское Антивоенное Движение
rk@glasnet.ru

Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты - человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаёшься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель...

А. де Сент-Экзюпери.